

ТВОЕ ВРЕМЯ ВЫШЛО, МИДАС! НАСТАЛО МОЕ.

18+

СВЕТ

РЕЙВЕН КЕННЕДИ

Freedom. Золотая пленница

Рейвен Кеннеди

Свет

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кеннеди Р.

Свет / Р. Кеннеди — «Эксмо», 2022 — (Freedom. Золотая пленница)

ISBN 978-5-04-190186-8

Жизнь – золотая ложь. Смерть – сплошная гниль. Подобно фениксу, мне предстоит восстать из пепла и научиться владеть своей силой. Пускай с подрезанными крыльями, самое главное – что я больше не в клетке. Свободна и готова выпорхнуть из всех королевств, в которых меня удерживали! Если ты бросаешь вызов королю, то все остальные отворачиваются от тебя. Но у меня есть другой король. Мой. Правда, несмотря на устрашающую силу Слейда Ревингера, другие монархи все равно придут за мной. Поэтому мы с Ревингером будем сражаться друг за друга до последней минуты. И если нам придется стать злодеями, то так тому и быть.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-190186-8

© Кеннеди Р., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	52
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	70
Глава 12	75
Глава 13	79
Глава 14	87
Глава 15	92
Глава 16	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Рейвен Кеннеди

Свет

Посвящается всем, кто крепко стоит на ногах, несмотря на трудности. Продолжайте идти.

Raven Kennedy
GLOW

Freedom

© Конова В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Королева Кайла

Все вокруг наполнено голосами и криками.

Во внутренний двор замка Рэнхолд океаном хлынули люди. Они прибывают и убывают пенистой волной, крича и колыхаясь мелкой рябью.

За моей спиной стража Рэнхолда пытается вытолкать людей за ворота, яростно отдавая приказы, которые едва различимы в этом хаосе. Одни пытаются вернуться и узнать, что происходит, а другие спасаются бегством.

Ману и мои стражники вывели нас из замка – и только. От этой суматохи мое сердце грохочет в груди, дыхание учащается, а кровь стремительно несется по венам. Я измучена и уязвима, а потому чувствую себя загнанным в угол зверем – замерзшим в снегу и не имеющим возможности сдвинуться с места. Но на самом деле меня сдерживают доносящиеся из замка звуки. Хлопанье. Всплеск. Звон. Удары. И снова крики.

Когда из парадного входа внезапно вырывается жидкое золото, раздается еще один крик. Все отшатываются, громко охнув, и начинают в панике распахивать друг друга, пытаясь отойти подальше.

Ману и Кеон стоят лицом к замку и, стремясь защитить, отталкивают меня назад вместе с окружившей нас стражей. Не всем моим стражникам удалось выбраться, но я не желаю смотреть по сторонам и видеть, скольких уже потеряла.

Золото выплескивается из дверного проема и, стекая по ступеням, закручивается вокруг стен замка. Оно хватается за мужчину, словно протягивая руки, но в самую последнюю секунду его успевают спасти стражники.

Из-за неудачной попытки схватить того человека, жидкий металл с шумом обрушивается на землю и разлетается брызгами, словно по нему ударили кулаком. На покрытых снегом ступенях появляются золотые полосы, повреждающие камень. С наружных подоконников тоже, подобно крови, стекает эта драгоценная жидкость, заляпывая стекло и просачиваясь из-под рам.

На внешних стенах замка висят факелы, и хотя свет должен давать ощущение защищенности, он только удерживает всех в этой западне. Я уже готова предложить брату уйти, стра-

шась, что золото продолжит изливаться дальше, и что мы рискуем оказаться заточенными вместе с остальными людьми, – но осекаюсь, услышав еще один громкий треск.

Я неистово бросаю взгляд то на брата, то на Кеона и недоумеваю, что еще обрушилось в замке, кого еще убили. Но этот странный звук стал признаком конца, потому что золото, покрывающее стены, вдруг начало тускнеть и замедлять свое движение.

Когда в замке внезапно повисает тишина, золото застывает.

Вопли толпы тоже смолкают и, затаив дыхание, все задаются вопросом: все действительно кончено?

Толком не знаю, долго ли мы тут стоим, слушаем и наблюдаем, но золотые пятна на сером мерзлом камне больше не двигаются. Все вокруг, несмотря на свет от факелов, словно погружается в темноту, а воздух становится холоднее.

Возможно, звуки прекратились, но во мне все оживает. Тело начинает дрожать, а в голове кружит вихрь мыслей.

Что, во имя Богов, сейчас произошло?

Пока я стояла на снегу, туфли промокли насквозь, а кожа покрылась мурашками на морозном воздухе. Я не должна была стоять на ветру в этом платье. Я должна сейчас находиться в бальной зале. Должна праздновать свою помолвку и строить планы о том, как расширить власть над Шестым царством.

В любом случае, я не должна тут мерзнуть.

Опустив взгляд, вижу, что мое темно-синее платье усеяно блестящими пятнами. После увиденного в той бальной зале я не осмеливаюсь провести по ним пальцем.

– Оно остановилось? – спрашиваю я.

Слишком простой вопрос для того, что сейчас тут произошло. Оно остановилось. Обезумевшее золото, которое только что взвилось, неистово движимое свирепыми мотивами. Я прекрасно понимаю, что еще долго буду держать в памяти события сегодняшнего вечера, буду прокручивать их снова и снова. Не смогу я забыть, с какой безумной скоростью лилось это золото. Как оно стекало по стенам. Как покрыло землю. Как оно разлеталось брызгами, нанося смертельные удары и поглощая все на своем пути.

– Оно остановилось? – повторяю я и тут же понимаю, что мне никогда еще не доводилось слышать у себя такого визгливого голоса.

Я ни разу не оказывалась в такой близости к смертельной опасности, и мое тело это понимает. Вот почему в ушах по-прежнему шумит от прилива крови. Вот почему я не могу остановить дрожь в теле.

– Думаю, да, – повернувшись ко мне, наконец отвечает Ману.

Кеон по-прежнему смотрит на замок, словно не может отвести от него взгляда. Словно ждет, что неистовый жидкий металл снова воспрянет духом.

– Да будьте вы прокляты, Боги, – слышу, как шепчет он.

Произнесенное им тихое ругательство будто вытаскивает пробку из закупоренной толпы, потому что во внутреннем дворе разносится поток голосов. Моя сила по привычке вырывается наружу, притягивая ко мне их слова. Магия устремляется вниз, подхватывает каждую фразу и выстраивает их у меня в голове.

– Что случилось?

– Это дар царя Мидаса, обращающий в золото.

– Где царь Мидас? Где король Рот?

– Наш принц мертв.

– Мидас сделал это нарочно?

– Но что случилось на самом деле?

Слова, изливающиеся из их уст, льнут ко мне, собираясь нитями, как в паутине, которую я должна сплести. Но вскоре сила становится не нужна мне, поскольку толпа начинает громко и лихорадочно требовать ответы.

– Черт, – сквозь зубы говорит Ману, повернувшись ко мне. – Может, тебе лучше...

Внезапно раздается чей-то крик:

– Я знаю, что случилось!

Все переводят внимание на женщину, которая, пошатываясь, выходит вперед. Она наводит дрожащий палец на двери, из-за которых ранее, словно из зияющей раны, вытекало золото.

– Царь Мидас ни при чем! – выплевывает она. У нее длинные черные волосы, а платье выглядит так, словно частично успело оплавиться. – Это его позолоченный питомец! Она украла у него силу!

От удивления я отшатываюсь, ее слова путаются у меня в голове.

– Кто это? – шепчет Ману.

Расталкивая толпу, вперед выходит мужчина.

– О чем ты толкуешь, женщина?

Она выпрямляется и окидывает толпу горделивым взглядом.

– Я одна из наложниц царя Мидаса и уверенно заявляю, что во всем виновата Аурен. Это ее вина! Когда он позолотил ее, эта шлюха украла у него силу и поняла, что может воспользоваться ею ради собственной выгоды. Она солгала ему, а теперь и напала. Я лично это видела, когда выбегала из замка!

Потрясение пронесется по толпе, как весло, рассекающее волны.

– Какого хрена? – шипит Ману и поворачивается ко мне.

Когда женщина кладет руку на живот, до меня доходит, кто она.

Мист. Наложница, которую обрюхатил Мидас.

Осмыслив ее слова, я сначала качаю головой, отвергая эту идею, но все же это должно быть правдой, потому что в той зале я видела... Видела, что золото словно не подчинялось Мидасу, словно им управлял кто-то другой...

Почему я раньше не раскрыла эту тайну?

– Смотрите! – кричит кто-то. – Тимбервинги! Кто-то улетает на тимбервингах!

– Это она! Позолоченная убийца!

Я поворачиваю голову в сторону кричащего мужчины и смотрю, куда он показывает. Замечаю мелькнувшие перья и когти, которые через мгновение исчезают в облаках, поглощенные ночной темнотой.

Это улетают король Рот и леди Аурен?

– Я же вам говорила! – кричит Мист. – Она обманщица. Мошенница. Она соблазнила Мидаса и забрала у него силу, а теперь сделает то же самое с королем Ротом!

Крики в толпе становятся громче, а через пару мгновений эта сплетня разносится настолько сильным потоком, что его уже невозможно остановить.

Как, во имя Богов, я это упустила? Почему не поняла?

– Тебя трясет, – говорит брат, вырвав меня из нахлынувших мыслей. Он бросает взгляд мне за плечо. – Ваша королева замерзла. Укройте ее чем-нибудь.

Слышу сзади движение, а потом мне на плечи накидывают тяжелую мантию.

– Держите, королева Кайла.

Стиснув пальцами меха, я плотно заворачиваюсь в них, хотя они ни капли не защищают от холода, поскольку тот пронизывает меня до самых костей. Я слишком надолго тут увязла и потому, чтобы почувствовать подобие тепла, мне нужно вернуться в Третье королевство.

Однако отправляться домой еще рано. Нет, ведь все, ради чего я так старалась, теперь утекает сквозь пальцы.

Я чувствую обращенные на меня взгляды людей, которые ждут повелений.

– Ману, пусть кто-нибудь подтвердит, что Ревингер только что сбежал с леди Аурен.

Получив от меня повеление, брат кивает и отходит, а я слышу, как он раздает кому-то приказы. Я оглядываю внутренний двор и замечаю, что здесь собралась только гвардия Рэнхолда. Не вижу ни одного стражника Мидаса. В поле зрения вообще нет позолоченных доспехов.

– Кеон, – зову я, и он незамедлительно поворачивается ко мне. – Пусть кто-нибудь из стражи Рэнхолда войдет в замок и подтвердит, что опасность миновала. Вдруг они смогут найти Мидаса и ему нужна помощь.

Кивнув, он уходит, указав на стражников Пятого королевства, которые собрались возле затвердевшей золотой лужи на снегу и осторожно ее пинают.

Я же смотрю на замок, когда вдруг поднимается ветер, а с неба начинает сыпать ледяной дождь, словно здесь и без того не слишком уныло.

Трое солдат Рэнхолда отходят от остальных и с мрачными лицами идут к сломанному дверному проему. Идущий впереди протягивает руки остальным, а потом опускается на колени у первого пятна пролившегося золота, которое застыло на ступенях. Он прижимает к нему палец, но ничего не происходит, и тогда солдат снова встает, кивнув остальным. Они подходят к дверям, стуча ботинками по застывшему золоту, и исчезают в замке.

Мы ждем.

Собравшаяся толпа снова молчит, от тревоги у них словно потерялся дар речи.

Несмотря на раздражающие меня мысли, я подхожу к замку и, встав лицом к остальным, смотрю на них спокойно, но решительно. Их принц мертв, Рот сбежал, а Мидаса здесь нет – выходит, я единственная, к кому они могут обратиться, и мне важно взрастить в них доверие. Сейчас мне нужно, чтобы меня увидели.

– Не бойтесь, – уверяю я. – Опасность миновала, и я выясню, что из заявленного правда.

Люди переговариваются шепотом, а я с помощью своих сил подмечаю их облегчение, восхищение и уважение ко мне.

– Так держать, сестра, – еле слышно говорит Ману.

Когда появляется один из стражников, я кивком велю Кеону составить отчет. Он подходит к солдату и, безучастно выслушав, отпускает, но я обвожу толпу взглядом, улавливая силой их бормотание.

Когда Кеон возвращается, я на время отпускаю свою магию.

– Ну? – с тревогой спрашивает Ману.

– Похоже, золото остановилось и застыло, – тихо говорит он.

– А Мидас? – требовательно интересуюсь я.

Он переводит на меня карие глаза.

– Они считают, что он мертв.

От потрясения я резко охаю. Воздух застревает в горле, а слова сплетаются в голове сами по себе, оборачиваясь вокруг черепа опутывающими цепями.

Мертв.

Я поджимаю губы и чувствую, как пытаюсь испепелить замок взглядом. Все мои труды... я столько времени потратила на эти козни, а теперь произошло это.

Если царь Мидас мертв, он совершенно бесполезен.

Я прибыла сюда, чтобы договориться о сделках, осуществить свои желания, используя впечатлительного принца и богатого правителя. Ситуация несколько изменилась, но к лучшему. У меня был план. Я собиралась стать первым монархом в истории, объединившим два королевства посредством брака и запустившим руку в третье. Потому что сила – это самое главное, и, возможно, я не могу при помощи магии превращать предметы в золото и умерщвлять гнилью, но у меня есть слова. А королева, сплетая паутину из людских тайн, способна на многое.

Заняв трон, я с тех самых пор неустанно трудилась, чтобы мой народ видел во мне такую же грозную силу, как и в любом другом монархе. И благодаря этим альянсам моя сила только бы увеличилась. А теперь все старания терпят крах.

И все из-за леди Аурен. Леди. Словно наложница имеет право на это звание.

Меня охватывают страх и гнев, хоть я этого и не показываю. Нельзя – за мной наблюдает слишком много людей. Я – женщина у власти и не могу позволить им увидеть свои истинные чувства, потому что тогда их используют против меня.

– Я хочу посмотреть.

И пока никто не успел меня остановить, широким шагом иду к замку, чувствуя, как холодеют пальцы ног, когда мои шелковые туфли наполняются снегом.

– Сестра, – окликает Ману, но я продолжаю идти. Слышу торопливые шаги, а когда подхожу к лестнице, Ману и Кеон меня догоняют.

– Хотя бы позволь, я войду первым, – говорит Кеон и резво вырывается вперед.

– Будь осторожен, – предостерегает Ману.

Кивнув, Кеон поднимается по ступенькам, я тут же следую за ним.

– Кайла, – шипит Ману. – Хоть золото и остановилось, это не означает, что это надолго.

Мы же не знаем, насколько оно изменчиво.

– Оно застыло, – возражаю я, шурша туфлями по скользкому золоту. Мы встаем на верхней ступеньке и видим, что двери свисают с петель, как выбитые и кривые зубы.

– Оно и до того застывало, – парирует он. – И смотри, чем это обернулось.

– Именно это и собираюсь сделать.

Когда я вхожу в замок, слышу вздох Ману, но, оказавшись внутри, замедляю шаг. Пламя в настенных бра гаснет и снова вспыхивает, словно тоже волнуется и приходит в себя после атаки.

В передней¹ раздается эхо наших шагов. Мы с Ману немного отстаем от Кеона, пока не подходим к бальной зале. И, встав в дверях, замираем.

Я моргаю, пытаюсь привыкнуть к окутавшей залу темноте. К темноте и к золоту, которое мерцает затаенным предупреждением. Прежде зала освещалась пламенем из канделябров и настенных бра, и здесь было светло, как днем. Но теперь все окутано тенью. Единственный источник света – еще горящие железные печи в углу, и заметны они стали только сейчас, когда бальная зала опустела. Она даже отдаленно не похожа на ту, что была раньше. Словно все помещение сделано из воска, и к нему кто-то поднес горящую свечу. Стены кажутся наполовину оплавленными, а золото, стекающее по стенам, застыло. С потолка тоже свисают капли, больше похожие на сосульки, концы которых направлены на нас. С позолоченных колонн следа позолота, весь золотой орнамент оплавился.

Пол представляет собой покрытую рябью развалину: где-то превратился в глыбу, вздувшись недвижимыми фигурами, из-за которых я прихожу в крайнее недоумение. Справа от меня видно очертание поднятой вверх и застывшей в таком положении руки. Возле помоста лежит, свернувшись, позолоченное тело. А под мезонином застыла волна, словно балкон оплавился и расплескался брызгами на пол – теперь там можно было увидеть чью-то ногу.

– Боги...

Слова Ману, произнесенные шепотом, побуждают к действию. Ноги сами несут меня через залу. Я настороженно перевожу взгляд с одного золотого пятна на другое. А когда прохожу дальше, от стен доносится жуткий стон. От пола. От потолка. Словно старое здание дает трещины и со скрипом проседает, но вот только этот звук намного страшнее. Он зловещий. Кажется, будто золото – это призрак, который сетует из-за нашего присутствия и грозит преследовать в кошмарах.

¹ Передняя – часть жилого помещения, располагающаяся сразу за входом в него.

Я замираю, чувствуя, как кровь в висках стучит еще сильнее, чем до этого. Ману хватает меня за руку.

– Кайла, нужно убираться отсюда.

Стон со вздохом прекращается, и зала снова погружается в тишину.

Вырвав руку из его хватки, я продолжаю поиски.

– Я хочу посмотреть.

Кеон показывает вперед и говорит:

– Взгляните туда.

Посмотрев в ту сторону, куда он указал, я несусь вперед к самой дальней стене. К выпуклому пятну, которое теперь портит все убранство.

– О великие боги...

Это он.

Корона с его головы исчезла. Возможно, выплавилась в золото, которое теперь покрывает все его тело. Мидаса словно заточили в саму стену, словно она пыталась втянуть его в себя и поглотить сполна. На его лице отражено отчаяние. В широко раскрытых глазах застыли страх и потрясение.

Царь Мидас теперь всего лишь мертвец, заключенный в драгоценную гробницу.

Золото снова стонет, будто заявляя о своих правах.

– Нет...

Услышав женский голос, мы оборачиваемся и видим, как Мист, пошатываясь, идет вперед и с ужасом смотрит на Мидаса.

– Мой царь... – Она падает на колени, схватившись за живот, и в желтоватой, раскуроченной зале ее плач разносится эхом. – Это она. Она с ним это сделала.

– Но как? – шепчет Кеон, пока мы смотрим, как она рыдает. – Как такое возможно?

Я вспоминаю все слухи и толки, что до меня доходили. Смотрю на лицо Мидаса и размышляю. Прислушиваюсь. Перебираю нити давней паутины из слов, что я собрала – теперь они маятником раскачиваются в моих воспоминаниях.

Монархи не распространяются о своей магии. Это важно. Они знают, когда нужно продемонстрировать силу, и знают, когда ее нужно скрыть. Порой лучше обставить все так, чтобы люди вас недооценили. А иногда правители становятся известными благодаря такой неограниченной силе, и подданные либо почитают их, либо страшатся. А иногда и то и другое.

Мидас позолотил обеденный стол – впервые это произошло у меня на глазах. А еще для сегодняшнего праздника позолотил этот бальный зал. Два совершенных зрелища.

И все же сегодня золото вело себя так, словно вовсе не Мидас им управлял. Потому что так и было.

У меня нет ни тени сомнений, что сила золотого прикосновения была настоящей. И Мидас ни одного живого человека, кроме Аурен, не превращал в золото. Наверняка как раз по этой причине.

Я полагала, что главная ее тайна – это связь с командиром вражеской армии. Думала, что позолоченная фаворитка была для Мидаса всего лишь любимой наложницей для постельных утех.

И ошиблась во всем.

А я не выносила, когда допускала промахи.

Мидас превратил ее в яркий трофей, которым так часто кичился. У мужчин частенько бывают навязчивые идеи – особенно когда дело касается женщин. И азарт, который они демонстрируют по отношению к объектам своей одержимости, всегда балансирует на грани безрассудной страсти и ненависти. Один проступок – и господин ополчится на своего драгоценного питомца.

Однако, возможно, в этом случае... именно питомец ополчился на своего господина.

Страх, окутавший сознание, медленно оседает в желудке. Если Аурен и впрямь может украсть силу, тогда что случится, если она попытается украсть мою? Что, если ей это удалось?

Я клацаю и скрежещу зубами. Но впадать в панику не собираюсь – нужно понять, как обернуть ситуацию в свою пользу. Потому как если леди Аурен попытается украсть мою силу, то я ее уничтожу.

При виде затвердевшего металла я подкрепляю и свои безостановочно кружащие суждения. Мидас заключен в золото так, словно кузнец специально отлил для этого форму.

Я решила, что он бесполезен мне мертвым, однако, быть может, ошиблась. Возможно, мне останется лишь воспользоваться тем, во что его выковали.

Как оружием.

– Когда он ее позолотил, видимо, часть его силы перешла к ней, – тихо говорю я. – И он бы не хотел, чтобы кто-нибудь об этом узнал.

Мидас был скрытным во всем, но такое? Это совсем иной вид опаснейших тайн на свете. Поэтому он держал ее при себе? Потому что натаскал воровать чужую силу, чтобы пользоваться ею в своих интересах?

– Это плохо, – замечает Кеон.

– Кайла, – начинает брат. – А если это не случайность? Вдруг это и есть ее магия? Вдруг она отнимала силу, когда ее применяли на ней? Ты?..

– Применяла, – резко кивнув, говорю я, чувствуя, как меня снова охватывает гнев.

– А если она украдет и твою силу?

Мне не нравится слышать, когда озвучивают то, что и так вызывает у меня беспокойство. Я выпрямляюсь и прижимаю язык к стиснутым зубам. Перемещаю взгляд на свое нечеткое отражение на позолоченной груди Мидаса.

Сегодняшний вечер должен был закончиться совсем не так. Я не рассчитывала, что окажусь в опасности, а кто-то, возможно, заберет мою силу и воспользуется ею против меня.

– Как нам пустить это в ход? – говорит Ману, потому что, как и я, всегда выворачивает ситуацию так, чтобы заполучить политическую выгоду. И случившееся сегодня ничем от того не отличается.

Я оглядываю бальную залу, но мы по-прежнему одни, если не считать Мист, которая рыдает, закрыв лицо ру-ками.

– Мы скажем людям правду, – говорю я. – Что фаворитка Мидаса его предала. Что она завела интрижку с королем Ротом, пытаясь вызвать у Мидаса ревность. Что она завидовала из-за моей помолвки с Мидасом.

– Пусть все знают, что она злодейка.

Я киваю.

– Ее возненавидит вся Орея.

– А Шестое царство? – спрашивает Ману. – Ведь брак теперь по понятным причинам не случится.

– Но мы при всех объявили о нашей помолвке, – отвечаю я. – Будет трудно, но если я правильно все разыграю, то все равно смогу установить над ним контроль.

– Народ в Шестом царстве еще бунтует, – напоминает Кеон. – А еще они убили свою прежнюю царицу. С чего ты решила, что после смерти Мидаса они примут тебя без церемонии бракосочетания?

Я улыбаюсь ему.

– Потому что я не их Холодная царица. Я приветливая, обаятельная, красивая Кайла Иоана. Я заставлю их полюбить меня так, как любят подданные Третьего королевства.

– Мы знаем, как наш народ любит Кайлу. У нее получится, – решительно кивнув, подтверждает мой брат.

– Придется действовать быстро, – говорит Кеон. – Нужно как можно скорее посетить Шестое царство, провести какую-нибудь церемонию, почтив память Мидаса. И при этом необходимо выставить тебя горюющей невестой, чтобы вызвать у них сочувствие.

Уж если я что-то и умею, так это вызывать любовь у целого королевства.

– Это мне по силам.

От пронзительных, судорожных причитаний за спиной я стискиваю зубы и бросаю на Мист еще один взгляд.

А вот с ней все равно придется разобраться.

Если я планирую занять трон Шестого царства, то, разумеется, не могу допустить, чтобы она родила незаконнорожденного наследника. Но с этой проблемой мы разберемся позже.

– Сейчас слишком много всего происходит, – тихо продолжаю я. – Как только остальные правители узнают о том, что леди Аурен может украсть силу, они захотят вмешаться. Да и остается проблема с Пятым королевством...

– На самом деле на этот счет у меня есть идея, – говорит Ману, и я тут же обращаю внимание на него.

Брат не просто так служит моим советником. У него блестящий ум, он знает, как играть на публику, он умеет видеть людей насквозь, и – что важнее всего – предан мне.

– Раз уж первым делом мы должны укрепиться в Шестом царстве и разобраться с леди Аурен, то и здесь, в Пятом королевстве, не должны лишиться влияния. Предлагаю немедленно начать поиски ближайших родственников Фулька, потому что теперь, когда принц мертв, Рэнхолду нужен наследник. Мы разыщем всех, кто наделен силой, и отберем лучших претендентов на трон. А потом сами выберем, кто из них его займет. Именно мы определим, кому отойдет власть. А в обмен на нашу поддержку... они поддержат нас и только нас.

Я улыбаюсь.

– Брат, ты истинное совершенство.

Он отвечает мне точно такой же улыбкой.

– А если кто-нибудь попытается выступить против нас, заявив права на Шестое царство или помешав назначить наследника Пятого королевства? – взволнованно спрашивает Кеон.

Моя улыбка тут же меняется и становится беспощадной.

– Любой, кто проголосует против меня, лишится права голоса.

А если леди Аурен думает, что может отнять у меня все, ради чего я так упорно трудилась, то вскоре поймет, что не только она знает, как украсть желанное.

Может, я и не обладаю даром превращать предметы в золото и убивать гнилью, но слова – самое могущественное оружие на свете, и я умело им воспользуюсь.

Глава 2

Слейд

Небо сотрясает шторм, а я держу на руках безжизненное тело.

Надвигающаяся буря приближается, оскалив ледяные зубы и злобно класнув по воздуху, а холодный пронизывающий ветер, завывая, бьет мне в лицо.

Я мысленно отсчитываю секунды. Когда я свистнул, моему тимбервингу понадобилось шестьдесят секунд, чтобы до меня добраться. Еще сорок секунд я забирался на спину Арго, и, пока держал Аурен на руках, Лу пристегивала меня,

А через шестьдесят секунд мы оказались здесь, в тисках сгущающихся облаков. Погода ночью решила восстать против меня: признаки надвигающегося шторма закрывают горизонт, словно ватные пучки, забившие сток.

Мой тимбервинг мчит вперед, и лед острыми когтями царапает мне щеки. Я накрываю Аурен плащом, а затем подтягиваю ближе к себе и крепко обнимаю.

Она очень холодная и такая беззащитная...

Ее сердце не бьется, грудь не двигается, кожа стала землистой. И все из-за меня. Из-за того, что я натворил.

Быстро оглянувшись назад, вижу замок Рэнхолд, который освещают факелы. Теперь его внутренний двор испачкан гневливый твердый золотом, которое, будто магма, изверглось из дверей и вымазало серый камень, а потом застыло, не успев нанести больший урон.

Золото словно пыталось прогрызть себе путь в этом клятом замке. Вобрать воздуха из неумолимого рта и с гневом его поглотить. Вот что происходит, когда сила, которую слишком долго подавляют, накапливается и захлестывает того, кто ее сдерживает: она пробивает трещинки и наконец прорывается на свободу, подобно рухнувшей плотине.

Я отворачиваюсь и еще крепче обнимаю Аурен.

Мне нужно как можно скорее покинуть замок и золото, но какой предстоит преодолеть путь – еще не ясно, потому что каждая секунда подвергает Аурен еще большей опасности.

Это палка о двух концах, и жизнь Аурен балансирует на ее острие.

Я должен увезти ее отсюда как можно скорее, пока она не провела в этом гнилом стазисе² слишком много времени. Не зная, как глубоко может распространиться ее сила, я пытаюсь угадать, сколько еще нам нужно пролететь.

Мне хочется только вытащить из нее эту гниль. И я должен сделать это где-то на земле, – если я попробую удалить свою магию в воздухе, есть вероятность, что Аурен призовет золото, а мне бы точно сейчас этого не хотелось.

Ее аура в эту секунду являет собой лишь тусклый сгусток света, напоминающий развеивающийся туман. Если буду медлить, то сила, которой я ее заразил, причинит столько вреда, что я не смогу уже этому воспрепятствовать. Нет, я не позволю этому произойти. Не позволю, чтобы такое случилось. Потому буду держаться до самой последней секунды.

Время и расстояние – мои враги и мои союзники.

Встревоженно я слегка ударяю ногой тимбервинга. Он издает крик: либо выражая недовольство, либо подав сигнал стае. Я знаю, что остальные летят за нами.

– Быстрее, Арго, – тороплю я пернатого зверя, но голос мой дрожит, как руки у неопытного воришки.

И хотя ветер дует нам навстречу, Арго набирает скорость, и я не сжимаю руками поводья, давая зверю волю. Он расправляет свои огромные крылья, рассекая ночное небо, освещенное лишь затененной тучами луной. Меня дергает назад, и если бы не кожаный ремень от седла, привязанный к пряжке у меня на поясе, то я бы точно свалился.

Такое уже бывало.

И все же сейчас я лечу верхом не ради забавы и не ради дозора. Это вопрос жизни и смерти.

Вопрос ее жизни.

Мы как можно быстрее улетаем от Рэнхолда прочь, а небо Пятого королевства будто нас за это наказывает. Возможно, покойные король Фульк и принц Нивен хотят, чтобы в их кончине кого-то обвинили.

Из-под капюшона моего плаща выбивается прядь волос Аурен и развеивается на ветру. Одной рукой я плотнее укутываю ее, пытаюсь уберечь от холода, хотя и знаю, что она этого не чувствует.

Проходит еще тридцать секунд.

Страх скапливается в груди, как грузные кирпичи непреодолимой стены. Я будто чувствую, как постепенно ускользает душа Аурен.

Находясь в ожидании момента, когда смогу обратить гниль вспять, я все больше осознаю, какой опасности ее подверг. Меня терзает чувство вины за то, что я наслал на нее магию, которая сейчас держит ее в своих тисках, и тут же уверяюсь в решении, что лишь так мог ее спасти. Оглядываюсь еще раз назад, но Рэнхолд уже скрылся из виду, королевство полностью накрыли облака.

Краем глаза замечаю, как тучи прорезает темная тень, и вовсе не удивляюсь появившемуся тимбервингу и его наезднику. На фоне этого громадного зверя даже Озрик кажется мелким. Он молча наблюдает за мной, крепко сжимая поводья. Я киваю ему.

Надеюсь, я отлетел на приличное расстояние, потому что ждать больше не могу ни секунды. Натянув поводья, я приказываю Арго снижаться. Тимбервинг издает клич, и я укрываю собой Аурен, готовясь к спуску.

Заметив, что лечу к земле, Озрик резко свистит и следует моему примеру. Я слышу вдали ответный крик остальных тимбервингов.

Мой Гнев следует за мной, куда бы я ни направился.

² Стазис – это ограниченная область пространства, в которой время остановлено или содержимое обездвижено.

Глаза жжет от силы налетевшего ветра, но мы продолжаем снижаться, пробиваясь сквозь плотные облака надвигающейся бури.

Я наблюдаю за петлями моей силы, которая теперь засела в Аурен, а линии, обвивающие мой подбородок, скручиваются и подрагивают. Гниль. Коррозия. Смерть. Всему этому не место рядом с Аурен, и все же именно я ее отравил.

Мне это чертовски претит.

Я сжимаю колени, наклонившись вперед, и хватаюсь за ремешок тимбервинга.

– Быстрее... – шепчу я.

Наверное, Арго чувствует мой ужас, потому что ему каким-то образом удастся спускаться еще быстрее. В уголках прищуренных глаз собирается влага, а сердце в груди стучит так громко, что может посоперничать со свистом ветра.

– Почти, – говорю я, уткнувшись лицом в ее волосы. – Ты только подожди еще несколько секунд.

Наконец мы пробиваемся сквозь туман и облака, но внизу нас встречает замерзшая земля, окутывающая мир серой пеленой. Когда кажется, что мы вот-вот врежемся в землю, в самую последнюю секунду Арго взмывает вверх и облетает по кругу тимбервинга Озрика. После этого они оба приземляются на лапы, и из-под их когтей разлетается снег, словно море, бьющееся об обшивку корабля.

Замерзшими пальцами я тут же расстегиваю пряжку и осторожно выскальзываю из нее, чтобы не слишком сильно трясти Аурен. Не успеваю и шага сделать, как рядом оказывается Оз, срывает с себя плащ и кладет его на землю, и в ту же минуту остальные тимбервинги приземляются рядом, подобно затененным зрителям.

– Не подходите, – кричу я через плечо.

Я кладу Аурен на плащ и вижу, как по венам у нее на шее тянутся едва заметные полосы гнили. Волосы Аурен ореолом ложатся вокруг нее и блестят даже в темноте. Завернутая в мой плащ, она выглядит такой хрупкой и такой безжизненной...

Встав рядом с ней на колени, я сосредоточиваюсь и закрываю глаза. Чувствую, как моя магия, словно яд, цепляется за распростертое на земле тело. По венам Аурен проридается чудовищная гниль, а ее сердце от того увядает. Она подкрадывается к ее горлу, обступает неподвижные губы.

Я чувствую, как по моему телу проходит волна напряжения. По наитию хочу вытащить из нее эту магию как можно скорее, но понимаю, что это будет подобно вырыванию клинка из раны. Я не хочу нанести больше вреда, чем уже причинил, поэтому осторожно призываю силу обратно, чтобы не сотрясать ее тело. Слышу, как за спиной тихонько переговаривается Гнев, кто-то неуверенно шагает по снегу, тимбервинги посвистывают друг другу, а гром среди облаков, которые мы только что покинули, оповещает о приближении холода.

Я отгоняю прочь все ненужные мысли и сосредотачиваюсь на магии, текущей по венам Аурен, после чего со всей осторожностью выдергиваю ее, как сорняк. Дальше пальцы погружаются в почву, и я расслабляюсь, отпуская в нее гниль. Параллельно с этим даю телу Аурен время на то, чтобы восстановиться. Затем немного жду и начинаю методично удалять каждое гнилое пятно, похожее на куски застывшей глины.

Несмотря на сильный холод, у меня на висках проступают капли пота. Я сжимаю зубы, притягивая силу к себе и возвращаю в свои вены, чтобы она бурлила в благодатной для нее почве. Полностью вытягиваю силу из Аурен, пока не остается только один фрагмент – в ее груди. Однако, когда я призываю оставшуюся силу, пытаюсь извлечь его, то наталкиваюсь на сопротивление. Вместо того чтобы, как остальные, покинуть ее тело, этот фрагмент запускает в нее шипы, словно пытается удержаться.

Словно пытается удержать Аурен в своих когтях.

Я хмурюсь, руки трясутся, и по ним распускаются гнилые корни. Сила скользит по моим ладоням и забивается под кончики пальцев, а темные линии раздирают меня изнутри, стремясь пробить кожу.

От замешательства и страха я вновь стискиваю челюсти.

Моя сила никогда еще так не упрячилась. Никогда не пыталась так упорно остаться. Уже много лет я не сражался с ней – во всяком случае, с детства. Мне очень рано пришлось научиться обращаться с этой зловонной магией, пока она не уничтожила все, включая меня.

Так что, черт возьми, происходит?

Я лихорадочно осматриваю Аурен, но больше не вижу в ней гнилой скверны, остальные части ее тела не замараны ею. Она снова стала такой же, как раньше, но почему тогда не уходит этот последний фрагмент?

– Отпусти. – От неослабевающего вкуса яда язык еле шевелится. – Отпусти ее.

В ответ он извивается, как терновник, скручивающийся вокруг ее груди и пускающий в нее корни. Ужас пронзает меня, как самый острый из клинков.

– Отпусти ее, черт тебя подери!

Магия и сила вырываются на волю, став сильнее той бури, что пытается обрушиться с неба. Клацнув зубами, я делаю один мощный рывок, рассекающий воздух. И сила моего же яростного рывка отбрасывает меня назад, а Аурен в это время выгибается на земле дугой.

– Рип!

Я лежу, опешив и задыхаясь, и не отвожу взгляда с темных облаков, застилающих ночное небо. Лу падает на землю рядом со мной и смотрит на меня круглыми от волнения глазами.

– Ты живой?

– Черт возьми, что это сейчас было? – спрашивает Озрик.

Я слышу, как свистит Джадд:

– Твои корни...

Опускаю взгляд на руки, где вены извиваются и рассерженно щелкают. Чувствую, как все осматривают мои лицо и шею, но надеюсь, что никто ничего не скажет, потому что я и сам ощущаю, как эти злосчастные корни шевелятся под кожей. Везде, черт возьми. Словно я несколько месяцев не пользовался силой, словно она скопилась во мне.

Но все это неважно, ведь я только что вырвал из Аурен последний кусочек гнили, а значит, все будет хорошо.

Лу порывается помочь мне сесть, но я отталкиваю ее мельтешащие руки, и у меня вырывается мучительный стон. Снова быстро наклоняюсь над Аурен, но, увидев ее лицо, понимаю, что она по-прежнему не очнулась.

Она все равно не двигается.

Моя паника разрастается.

Гниль просачивается в землю, а мое сердце уходит в пятки.

Что я натворил?

Я зарываюсь пальцами в снег, и от моего прикосновения гниль расползается по земле разлагающимися полосами. Я не просто чувствую, как она растекается по снегу, а чувствую, как она обволакивает мое сердце, сжимает его, дробит на мелкие осколки и приказывает увядать у меня в груди.

Я резко зажмуриваюсь, а корни впиваются в кожу шеи. Они обвиваются вокруг вен, как разъяренные змеи, которые сжимают и кусают, причиняя невыносимую боль, но я не обращаю на нее внимания.

Потому что я убил Аурен. Твою мать, я ее убил...

Внезапно она приоткрывает рот. Когда с ее губ срывается прерывистый вздох, я распахиваю глаза. У нее изо рта вырывается черное облачко, которое спустя мгновение развеивается между нами.

От облегчения в висках начинает стучать.

– Аурен?

Но она не открывает глаза, и страх сжимает мне сердце.

Я закрываю глаза, стараясь снова сосредоточиться на ней, и чувствую, как холодею. Потому что этот кусочек, единственный фрагмент гнили, который я только что вырвал у нее, еще в ее теле.

По-прежнему, черт возьми, там.

Остолбенев, мысленно пытаюсь снова и снова схватить его и выдернуть, но он не поддается.

Она вздыхает, и из ее рта снова вырывается мутная черная дымка.

Сердце стучит по ребрам, желая вырваться из клетки и сразиться с кем-то. Но сколько бы я ни призывал свою силу, этот последний фрагмент не покидает ее грудь. Он въелся, как чернильное пятно на золотистой ткани, которое я не смогу вывести.

И все же ее грудь поднимается и опускается. Ее сердце бьется чаще. Она жива.

Черт, я не могу вытащить из нее последнюю каплю гнили, но Аурен жива, а это самое главное.

– Аурен, очнись.

Проходят секунды. Пять, десять, двадцать. Я считаю каждую.

– С ней все в порядке?

Я застываю от хриплого вопроса, заданного Дигби. Голос у него такой из-за нанесенных ему увечий, а еще, потому что он давно им не пользовался. Я молчу и не знаю, осмелится ли кто-нибудь ему ответить. Просто продолжаю за ней наблюдать, желая, чтобы она открыла глаза.

– Ну же, Золотая птишка... – шепчу я. Тревога врезается мне в шею как удавка.

Слышу рядом шарканье, а потом Дигби вырывается вперед и встает рядом со мной на колени.

– Она жива? – снова спрашивает он.

Я по-прежнему молчу, и тогда он хватается меня за рубашку и, к моему удивлению, учитывая, сколько на его теле ушибов, с силой тянет на себя.

– Что ты натворил? – гаркает он, шевеля опухшими и потрескавшимися от крови и мороза губами.

Озрик тут же оказывается рядом, поднимает Дигби и оттаскивает его.

– Что ты натворил? – раздается обвиняющий хриплый крик Дигби, который сразу же сливается с воплями охватившего меня ужаса. Озрик и Дигби о чем-то яро спорят, но от страха так сильно шумит в ушах, что я не слышу, о чем они толкуют.

Что я натворил?

Руки начинают дрожать от паники и страха, которые захватили меня с той секунды, как я применил к Аурен силу.

– Почему она не приходит в себя? – спрашивает Лу, но я не знаю. Черт, я не знаю, так что и ответить мне, мать его, нечего.

Я обхватываю руками холодные щеки Аурен и издаю шипение от боли в пальцах. Даже сейчас моя сила словно хочет отделиться от кожи и вернуться к ней.

Ее аура потускнела. Вокруг ее тела скользят лишь тусклые золотистые всполохи. Аура должна сиять ярко даже в ночи, но сейчас она совсем не похожа на вспышку мощной силы и жизни, которая обычно от нее исходит.

Я прождал слишком долго.

Я должен был отравить ее гнилью раньше – до того, как у нее почти закончились силы. И приземлиться должен был быстрее, должен был раньше вырвать из нее свою магию.

– Не поступай так, – взываю я к ней. К богам.

Не сейчас.

Не после всего, что произошло. Я ведь только обрел ее...

– Мне нужно, чтобы ты пришла в себя, – приказываю я, но на самом деле эта мольба вырвана из глубин моей души. А если Аурен вообще не очнется? А если это цепкое семя гнили пустило в ней корни и теперь не отпустит ее?

Я применил к ней силу только для того, чтобы она не упала замертво от усталости. Проклятие, я только все испортил. Испортил, и теперь моя же сила набрасывается на меня как тысяча кусающихся змей, а Аурен до сих пор заражена моей магией.

Я опускаю голову, прижавшись своим лбом к ее голове, и держу руки на ее холодных щеках.

– Не поступай так, – зажмурившись, умоляю я. – Золотая пташка, ты намного сильнее. Ты сильная. Так что очнись.

Но она не приходит в себя.

– Черт! – Резко вскинувшись, я ударяю кулаком по снегу, и острый лед, укрывающий землю, рвет кожу. – Черт, черт, черт!

Я слышу, как Дигби в отчаянии пытается противостоять остальным и вместе с тем проклиная меня. Его угрозы и бранные слова хлещут меня по спине, как кнут. Бьют меня осознанием...

– Это я виноват, – вырывается у меня искреннее признание вины.

Лу поджигает губы в ответ на мое заявление.

– Так исправь.

– Так я, черт возьми, пытался! – огрызаюсь я и в отчаянии провожу рукой по волосам. – Я пытаюсь...

Не могу ясно мыслить. В висках стучит кровь, земля под ногами сотрясается, в ушах что-то ревет. Магия во мне издает скорбный звук, растекаясь перед глазами и вынуждая видеть линии, которых там нет. Теперь я слишком часто, слишком быстро распространяю гниль, и она впитывается в землю, ослабляя ее и нанося ущерб.

Я слышу крики, а может, это ветер или сила, брыкающаяся у меня в костях.

– Рип, твоя сила...

Я трясусь всем телом, чувствуя, как покалывает и растягивает кожу, а гниль начинает с шипением растекаться по земле, желая прорасти в нее и разорвать...

БАМ!

Я отлетаю назад и снова, уже второй раз, падаю на снег, на мгновение опешив.

– Возьми себя в руки, – со злостью говорит брат и встает на колени, подняв меня с земли, на которую же сам, кретин, меня и уронил, дав по лицу. Я, будучи разъяренным, смотрю ему в глаза. – Ты отравляешь гнилью это проклятое богами место. Сейчас же соберись! Ты не в том положении, чтобы терять над собой контроль.

Я хлопаю глазами и чувствую, что резкие слова Райатта отчасти возвращают меня в настоящее. Опустив взгляд, вижу, что снег под нами стал коричневым и тусклым, а прожилки, похожие на отравленные нити, распространяют свой яд. Он расходится идеальным кругом, портя землю, и высасывает из снега влагу, превращая его в кучу осколков.

Я делаю глубокий вдох и сжимаю руки в кулаки. Мне удастся втянуть силу обратно, пока она не разошлась дальше.

– Ты понял? – спрашивает Райатт.

– Понял, – гаркаю я в ответ.

– Вот и ладно. – Он отпускает меня, и мне в равной степени хочется и врезать ему, и поблагодарить за то, что он вырвал меня из этой силовой ловушки.

Отвернувшись, я вижу, что весь мой Гнев и Дигби сгрудились вокруг Аурен. Джадд настороженно глядит на меня.

– Она дышит, это хороший знак, – говорит он так, словно это должно меня успокоить.

– Но она не приходит в себя.

– А ты всю силу из нее вытащил? – спрашивает Лу, водя руками над рукавами Аурен, но на всякий случай не прикасаясь к ней.

– Что-то не так. Я не смог вытащить последний фрагмент.

Лу округляет глаза, и я слышу, как кто-то рядом втягивает воздух.

– Может быть, я прождал слишком долго.

– Что это значит? – спрашивает Дигби.

Растерявшись, я качаю головой.

– Так, нам нужен план, – встав и отряхнувшись, говорит Лу, а потом смотрит на небо. – Надвигается буря, и довольно быстро. Как ты хочешь поступить?

Воспользовавшись моментом, я расправляю плечи и усмиряю деспотичное притяжение магии, сжимая и разжимая пальцы. Одолев их, я прохожу мимо всех и осторожно беру Аурен на руки. Затем прижимаю ее к груди, испытывая внутреннее страдание от ее безжизненного вида.

Уже хочу было пойти, но Дигби, прихрамывая, с кровожадным выражением загораживает мне дорогу.

– Я же говорил, чтобы ты вернул ее к жизни.

– Ей просто нужно отдохнуть, – отвечаю я, но все равно слышу в своем голосе неуверенность. – Мне нужно укрыть ее от непогоды.

На лице стражника появляется возмущение и ненависть, но, пока он ничего не сказал, я поворачиваюсь к Озрику.

– Вы все летите обратно к войску. Хочу, чтобы сегодня же вечером все наши солдаты покинули Рэнхолд. Я не доверяю королеве Кайле. Пусть они возвращаются как можно скорее в Четвертое королевство. – Я угрюмо поджимаю губы. – Они нам понадобятся.

Озрик кивает, а Джадд спрашивает:

– А как же ты?

Я бросаю сердитый взгляд на небо.

– А я как можно быстрее полечу, опережая бурю, чтобы доставить Аурен в безопасное место.

– Лететь одному нельзя, – возражает Лу. – И тебе не добраться так просто до Четвертого королевства, пока она без сознания. Слишком далеко. Вдруг она проснется и позолотит тебя до смерти?

Когда я подхожу к Арго, тимбервинг складывает крылья цвета коры и опускается на колени, воткнув когти в снег.

– Я лечу не в Четвертое королевство, – бросаю я через плечо.

– Тогда куда ты ее везешь? – спрашивает Дигби.

Схватившись за ремешок седла и забравшись с Аурен на спину Арго, я перевожу взгляд на сердитого брата, и он отвечает за меня:

– Он везет ее в Дэдвелл.

Глава 3

Слейд 8 лет

– Слейд!

Мое имя выкрикивают так громко, что птицы перестают петь, а некоторые из них упархивают.

Повернувшись, я смотрю сквозь ветки деревьев на наше поместье, а когда опускаю одну из них, из бутона, к которому я прикоснулся, вырывается голубое облачко. Передо мной здание из черного камня с белыми полосами от безостановочно льющего дождя. Крыша плоская, и из нее, как столбы, торчат квадратные дымоходы.

Я смотрю на холм со скошенной травой, по которому она ко мне поднимается. Вздыхаю и отпускаю ветку, но уже осторожнее, чтобы мне в лицо не ударило еще одно вырвавшееся из древесной почки облако. Они, конечно, вкусно пахнут, но жутко пачкают.

Снова поворачиваюсь к воркующей птичке размером с булавку, которая сидит у меня на пальце. Она еще совсем птенец, ее тонкое тельце покрыто пушком, но глаза открыты.

– Ничего, скоро ты оперишься, – говорю я ей. Через несколько недель у нее на хвосте будет целый шлейф перьев, которыми она сможет щеголять. Каждое перо будет тонкое, как булавка, и с такими же острыми кончиками. – И тогда ты сможешь улететь с остальными.

Снова слышу, как выкрикивают мое имя, потому аккуратно возвращаю птичку в гнездо, перекидываю ногу через ветку и спускаюсь.

Ступив на траву босыми ногами, я смотрю на маму, которая стоит надо мной, оперев руки в бока. Она одета в ту же красную одежду, что и я, только на ней платье, а ее черные длинные волосы заплетены в немного распустившуюся косу.

– И что ты там делал на дереве?

– Ничего, – пожимаю я плечами.

– Угу, – говорит мама и стряхивает с моего плеча синюю пыль. – Значит, ты не сидел на дереве и не играл опять с птицами?

Я хмуро смотрю на маму.

– Я не играл. Это детские забавы. Я наблюдал.

У мамы подергиваются губы.

– Разумеется, – говорит она и смотрит вниз зелеными глазами. – А где твои ботинки? Снова пожимаю плечами.

– С ними сложнее забираться на дерево. Я не надел их, потому что не хотел упасть.

Она качает головой и опускается передо мной на колени, на ее лице уже нет того сурового выражения.

– Что ж, я бы не пережила, если бы ты упал. Как поживают птицы?

– Хорошо, – заверяю ее я, снова сгорая от нетерпения понаблюдать за пернатыми друзьями, поскольку мама уже не сердится. – Там в гнезде сидит птенец, но, думаю, его мама уже улетела, поэтому я хочу научить его летать.

Мама улыбается, и вокруг ее зеленых глаз появляются морщинки.

– Если кому-то это и по силам, то только тебе. Ты всегда умел находить с ними общий язык.

Мама поднимает руку и проводит пальцами по моим волосам, но я отдергиваю голову и приглаживаю их.

– Я их уже расчесал.

Она смеется и поправляет мой поднятый воротник.

– Хорошо. Время ужина.

Я отдергиваю руку, когда мама снова тянется к моей руке.

– Я больше не могу держаться за руки. Мне же восемь, – напоминаю я.

– О, верно. Конечно, – говорит мама и еле заметно ухмыляется. – Наверное, мне просто грустно, что я давно не держала за руку сына.

Я не хочу ее расстраивать. И речь не о том, что мне не хочется держать ее за руку – просто так делают только маленькие дети.

– Ты можешь держать за руку Райатта, – говорю я. – Ему всего три года, так что он не будет против.

Она нежно похлопывает меня по щеке.

– Замечательная мысль.

Мы уходим из рощи деревьев, идем мимо поилки для птиц и остроконечных кустарников. Я смотрю на поместье у подножия склона, но не хочу заходить в дом. Лучше бы я остался здесь, с травой и птицами.

На самом деле с самим домом-то все в порядке. У нас сорок три комнаты, целая куча дорогих украшений и много слуг. Ни у одной другой семьи в городе нет такого большого дома, как у нас, и такого количества лошадей.

Но я его ненавижу. Лучше бы я жил в небольшом домике, как в центре города. Потому что тогда мне бы не пришлось жить здесь. С ним.

Мы почти миновали сад и дошли до черного хода, когда в дверном проеме вдруг появляется фигура. Я резко останавливаюсь, и моя мать тоже замирает. В дверях стоит отец, его красная рубашка без единой складочки застегнута на пуговицы до самой шеи. Голова у него лысая, а на лице густая каштановая борода. Он уже раздраженно поджимает губы. Привычная картинка, когда рядом я.

Он переводит взгляд черных глаз с матери на меня, и я еле сдерживаюсь, чтобы не слотнуть подступивший к горлу ком. Он не должен заметить мой страх, ведь я, по его словам, всегда должен держаться мужественно. Думается, это то же самое, что перестать испытывать чувства.

Мама наклоняется и берет меня за руку, и на сей раз я не вырываюсь, а наоборот, крепко хватаюсь мокрой ладошкой за нее. Дойдя до двери, мы встаем напротив моего отца.

– Я не знала, что сегодня вечером ты вернешься домой, Стэнтон.

– Смог быстрее решить дела с королем, – отвечает он.

Отец замечает, что на мне нет обуви, и мне хочется сжать пальцы и зарыться ими в траву. Сердце гулко стучит в груди, когда он бросает на мои ноги испепеляющий взгляд, а потом снова обращается к моей матери:

– Похоже, пока меня не было, ты стала отлынивать от своих материнских обязанностей, Элора.

Я тут же опускаю голову и смотрю на свои испачканные в грязи ступни, чувствуя, как от стыда на плечи ложится груз. Если бы я знал, что отец вернется домой, то ни за что бы не вышел из дома, не надев обувь. Да я бы вообще не вышел на улицу. Прошлая неделя, пока отец находился в отъезде, оказалась лучшей за долгое время. Мама каждый день разрешала мне гулять возле дома, а вчера мне даже удалось пропустить урок оружия и истории. Но теперь я меньше всего хочу, чтобы отец злился на маму.

– Он просто бегал в саду, – говорит она спокойным и вежливым голосом. Мама всегда общается с ним таким тоном, даже когда Райатт капризничает, а капризничает он часто. – Свежий воздух на пользу подрастающему мальчику.

– Ему на пользу учеба, – гаркает отец. – А теперь отведи его в дом и умой. У нас гости, и я уже распорядился, чтобы через двадцать минут подали ужин.

Отец круто разворачивается и уходит, и мама загоняет меня в дом. Она идет в мою комнату, где помогает мне собраться. Я не жалуюсь, даже когда она проводит по моим волосам влажной расческой.

Я успеваю лишь переодеться в чистую одежду, а мама забрать Райатта из детской, когда отведенные нам двадцать минут истекают.

Отец сидит в столовой во главе стола, а слева от него расположились еще три человека. Один из них – мой дядя Иберик. Он старше моего отца, и его земли граничат с нашими. Они часто ведут дела вместе, но я не знаю, какие именно. Знаю только, что моему отцу принадлежат в гавани корабли, и часто слышу, как они обсуждают кузнецов, но больше ничего. А еще, в отличие от моего отца, Иберик живет один и у него никогда не было наследников.

Оставшиеся два человека, что сидят за столом, мне незнакомы. Это мужчина и женщина, и я никогда не видел таких блестящих волос, как у них. Женщина рыжая, и ее глаза по цвету напоминают кирпичи. У мужчины каштановая борода, как у моего отца, но немного кривые зубы. У этих людей проколоты заостренные кончики ушей, и с них свисают украшения, напоминающие сосульки и цепи.

Моя мать садится справа от отца, а я усаживаю Райатта в его кресло и потом сажусь между ними. Посреди стола стоит букет красных цветов, и он немного загораживает гостей, потому я рад, что слуги поставили сюда эту вазу. Так я менее заметен.

Пока мы рассаживаемся, разговоры за столом не стихают, и этому я тоже рад, поскольку, когда в последний раз дядя Иберик приезжал к нам на ужин, он только и болтал о том, что мне уже пора бы самому отправляться на охоту.

Дядя Иберик, как обычно, хмуро смотрит на меня и моего брата. Я хочу нахмуриться в ответ, но чувствую между лопатками покалывание. Оно отвлекает меня от попытки проявить непочтение, из-за которой я могу попасть в неприятности.

Как только мы садимся за стол, к нам подходит слуга и ставит тарелки, но я вижу, как морщится Райатт. Я протягиваю руку и, положив ему на колени салфетку, смотрю брату в глаза. Заметив выражение моего лица, он тут же перестает кукситься и берет вилку. Брат привередлив в еде, и когда отец в отъезде, мама разрешает нам выбирать еду. Но сейчас ему нельзя быть таким разборчивым.

Райатт спокойно берет в рот кусочек вареного шпината, поэтому я с облегчением выдыхаю и тоже беру вилку. Я так волновался, что брат навлечет на свою голову неприятности, что не заметил, о чем говорят взрослые, – до того момента, пока мама не замирла рядом со мной.

– Безусловно, я понимаю, – говорит незнакомый мужчина, держа вилку и нож в каждой руке. Он ест и говорит одновременно. – Это убедительный довод.

– Конечно, Тобир, – отвечает ему дядя Иберик. – Сторонники поддерживали это мнение годами, поэтому в конечном счете мы и выиграли войну. Я сам рад, что мы помешали ореанцам бесконечно гулять в Эннвин и обратно, и поддержали прежнего короля в разрушении моста. Это было необходимо.

Не удержавшись, я смотрю на мать, чтобы увидеть, как она ведет себя во время этого разговора. Она устремила взгляд на тарелку и сжимает рукой вилку.

У меня были уроки истории, где рассказывали про войну и разрушение моста, но на них было скучно, а учитель постоянно говорил, какие плохие эти ореанцы. Он говорил, что они пользовались благами Эннвина и затевали бои, а еще хотели захватить здесь землю, чтобы жить на них долго и припеваючи.

Мне больше нравится, когда об Орее мне рассказывает мама. Ведь она, в конце концов, ореанка. Она одной из последних прошла по тому мосту. Иногда, когда она укладывает нас с Райаттом спать, мы просим ее рассказать истории об этом. Когда мама рассказывает про свой мир, то всегда выглядит иначе. Нежнее и печальнее.

Я знаю, как она скучает по дому.

– Тут не поспоришь, – говорит рыжеволосая женщина. – И, как по мне, ореанцам, которые еще здесь живут, очень повезло. На них не распространяется закон, им разрешено остаться и дарована долгая жизнь. Не говоря уж о том, что некоторые из них обладают магией, потому что на протяжении нескольких веков наши народы рожали совместное потомство. Они должны быть нам благодарны.

– Совершенно верно, Нетала, – говорит сидящий рядом с ней Тобир, а потом запихивает в рот огромный кусок мяса, стукнув вилкой о зубы.

Нетала наклоняет голову и проводит колким взглядом по сидящим за столом. Я вижу, как она останавливает взор на круглых ушах моей матери. У Райатта тоже такие от нее. Раньше я радовался, что мои уши заостренные, как у отца. На один повод меньше для придирок.

– Вы обладаете магией, – говорит Нетала.

Я вижу, что мать смотрит на моего отца. Обычно ему не нравится, когда она говорит о своей магии. Не знаю почему. У мамы самая лучшая магия.

– Да, – отвечает отец, устроившись в кресле поудобнее. – Моя Элора удивительна.

– Что она умеет? – с интересом поглядывая на нее, спрашивает Тобир.

Отец смотрит на мою мать.

– Покажи им, Элора.

Я вижу, как мама под столом сжимает колени.

– Сомневаюсь, что сейчас чувствую зов...

Под взглядом, который отец бросает на нее, моя мать увядает, как роза в пустыне. Она снова смотрит на Тобира, и мы с братом с восторгом глядим, как она закрывает глаза. Когда мама снова их открывает, то зелень в ее глазах исчезает, и вместо нее показывается белая радужка, покрытая какими-то древними письменами. Буквы такие мелкие, что прочитать их невозможно.

Сидящая напротив Нетала охает:

– Ее глаза...

– Элора – прорицательница, – самодовольно говорит отец. – Она предсказывает послания богов и богинь.

От удивления глаза у Неталы и Тобира ползут на лоб. За эти годы я и сам не часто видел, как мама пользуется магией, но знаю, что отец заставляет ее это делать, когда нас рядом нет.

Я внимательно смотрю, как в ее глазах кружат каракули, каким спокойным и расслабленным стало ее лицо. Райатт смотрит на нее так же пристально, и я начинаю волноваться. Мне нравится смотреть, как мама пользуется магией, но я знаю, как она от этого устает.

Вскоре слова перестают виться, и она устремляет причудливый взгляд на Тобира. Я слышу, как мужчина-фейри втягивает воздух.

– Проводник в красном плаще скажет тебе две правды и одну ложь. Ты поверишь в неправду. – Ее голос, непохожий на привычный, звучит таинственно, и руки у меня покрываются мурашками, как и всегда, когда она озвучивает предсказание.

А потом мама быстро моргает, и странные слова пропадают из ее глаз, радужка которых снова становится зеленой.

Между каштановыми бровями Тобира залегает глубокая складка. Мгновение он пристально смотрит на мою мать и словно мысленно прокручивает слова.

– И как это понимать? – спрашивает он.

– В момент речи предсказания Элоры не всегда нам понятны, – поясняет отец.

– Так вот почему ты принял у себя ореанку, Стэнтон, – говорит Нетала. – Она могла предсказать итог войны?

Отец качает головой.

– Магия Элоры действует только на людей, но не на события. Некоторые предсказания, вроде покупки испорченных яблок, не имеют значения, а другие... знаменательны.

– О, интересно, что она предсказала тебе, – говорит Нетала моему отцу, и в ее глазах мелькает любопытство.

Мама рядом со мной напрягается.

На лице отца скользит гнев, как слизь под слизняком, но он быстро его прячет.

– Она еще не делала мне предсказаний, – не раздумывая, отвечает он, но меня не проведешь. Голос у отца спокойный, но в нем таится что-то резкое, отчего мне становится не по себе.

Нетала кивает и снова принимается за еду. Проглотив, она смотрит на мою мать.

– Элора, это очень впечатляющий дар. Наверное, твои предки имели потомство от очень могущественных фейри. Скажи, ты ведь одной из последних ореанцев пришла в Эннвин?

Мать склоняет голову.

– Да, верно.

– Частью моего соглашения в поддержке войны была возможность привезти последнюю партию ореанцев, – поясняет отец. – Они все стали моими садовниками и слугами. Они очень умелые. И получают долгую жизнь, а я – вековую службу.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не поморщиться. Ненавижу, когда он так отзывается о матери и остальных людях. Я чешу предплечье и всячески стараюсь скрыть злость.

Моя мать поджимает губы, поэтому под столом я кладу руку на ее ногу и похлопываю, – как делает она, когда меня расстраивает отец. Мама смотрит на меня, и ее лицо на мгновение становится мягче.

– Стэнтон, твои сыновья очень похожи на Элору, – говорит Нетала, но ее улыбка не кажется милой.

Мне не по душе, что все обсуждают мою мать, но с ней не разговаривают. Хотя это не ново. Большинство фейри, которых принимает у себя отец, грубо обходятся с моей матерью. Она не виновата в том, что отец заметил ее в Орее и привез сюда. Не виновата в том, что она ореанка. И вообще, почему это так всех задевает? И почему всех так волнует тот факт, что мы с Райаттом фейри лишь наполовину? Моя мать только что доказала, что и сама по себе обладает большой силой. Ее магия значимее, чем у большинства фейри в городе, так что им не стоит быть с ней такими жестокими.

Я запихиваю в рот кусок мяса и со злостью его пережевываю, но тут же морщусь, как Райатт, когда брат ест то, что терпеть не может. У еды неприятный привкус, словно она очень

долго пролежала на воздухе. Потому я пробую вареные яблоки, но они чересчур сладкие и рыхлые, будто тоже начали портиться. Гадость.

– Похожи, – говорит отец. – Но это не так уж и плохо. Элора очень красива, а ее магия поражает. Поэтому я ее и выбрал.

Мама вздрагивает. У меня снова чешется рука.

– Надеюсь, они не совсем на нее похожи, – смеясь, говорит дядя Иберик и вертит в руках кубок с вином.

Тобир снова принимается жевать.

– Ммм, да. Я повидал союзы фейри и ореанцев, в которых у детей не развивается магия. Какой ужас!

– У обоих моих сыновей будут магические силы, – говорит отец, и его голос напоминает удар кнута, которым он покарает любого, кто осмелится возразить обратное.

– Разумеется, – улыбается Нетала. – Уверена, в их жилах течет больше фейрской крови, чем ореанской. Элора сама была благословлена фейри как прорицательница. А ты... – ты Разрушитель. Самый могущественный фейри в королевстве, не считая короля.

Я смотрю на Райатта и вижу, как он ерзает на стуле, и хочу сделать точно так же.

Разрушитель. Так все и называют моего отца – и это неспроста. Потому что именно это его магия и делает – разрушает. Я видел, как он рушит скалы, ломает пальцы, шею хромой лошади. Видел, как он разрушает крышу здания.

Его магия пугает.

До того, как уйти в отставку, отец рушил целые города ради короля. Вот почему он получил это поместье. Вот почему у нас сорок три комнаты и ореанские слуги. Вот почему ему разрешили отправиться в Орею и привести людей, после чего они с королем обрушили мост и разорвали связь между нашими мирами. Вот почему ему позволили выбрать мою ореанскую мать.

Но несмотря на то, что она живет здесь, родила двоих сыновей-полукровок и обладает восхитительной силой, остальные фейри все равно никогда не примут ее как свою.

Мы втроем продолжаем есть ужин, пока остальные разговаривают, но каждый кусок на вкус омерзителен. Однако я все равно ем, потому что никто больше не говорит, а я не хочу привлекать внимание отца.

Наконец, приходят слуги, чтобы убрать со стола, и я кладу вилку, чувствуя тошноту, но радуясь, что все доел. Все слуги – ореанцы, как и моя мать. Думаю, порой она чувствует себя виноватой из-за того, что они ей прислуживают.

Один из слуг, мужчина по имени Джак, подходит к ней, чтобы забрать тарелку, и моя мать, подняв голову, тепло ему улыбается, а он улыбается в ответ. Все слуги любят мою маму. Не знаю, в чем причина: потому что она тоже из Ореи, или потому что она очень добрая. Однако, когда отца нет дома, кажется, что они не слуги, а наша семья.

К счастью, взрослые решают уйти в кабинет, чтобы выкурить трубку и выпить, потому что отец дает матери разрешение уложить нас в постель. И хотя нас освобождают от общения с гостями, я все равно чувствую злость и уныние. Моя мать хмурится, а Райатт мрачнеет.

Однако, когда мать приводит нас в нашу спальню, мы ложимся, а мама садится в кресло между нашими кроватями и рассказывает историю об Орее. О земле, поделенной между семью королевствами. О земле, где у людей не было магической силы, пока туда не пришли фейри. И неважно, что Орея сама по себе не обладает магией, потому что это место все равно кажется волшебным.

Когда у меня начинают слипаться глаза, я устраиваюсь на подушках и зеваю.

– Если бы мост Лемурии не был разрушен, я бы отвел тебя обратно в Орею, мама.

Я очень хочу спать и не могу открыть глаза, но, кажется, слышу в ее голосе печаль и грусть:

– Я знаю, Слейд. Знаю.

Глава 4

Слейд

Я и раньше мчал наперегонки с бурей.

По правде говоря, довольно часто.

В прошлом шторм неоднократно меня настигал. Заливал прохладной водой, от которой портилось настроение, и проникал сквозь одежду ласковым теплом. Или обрушивался таким острым ледяным дождем, что резал мне кожу.

Но теперь эти состязания с бурей кажутся предательством со стороны богов и богинь. Неужели они столь жестоки, что дополнили безотрадные события еще и этим немилосердным испытанием?

Потому на сей раз я ни за что не позволю буре победить. Она не настигнет Аурен.

Арго – самый быстрый тимбервинг в Четвертом королевстве. Наверное, самый быстрый зверь из себе подобных, и с одной его выносливостью и сноровкой у нас есть надежда на успех. Я требую от него самой высокой скорости, с которой он может лететь, подгоняю сильнее, чем раньше, и он удовлетворяет моим требованиям.

Мы стремительно летим наперегонки с бурей, которая стущает облака, воеет, бьет нас в спину и, разозлившись, пытается нагнать. Но Арго не уступит этой заразе, не уступлю и я. Ни один шторм больше не коснется Аурен. Ее терзали бури, оставив на шквалистом ветру без укрытия. Но пока я рядом, то сам стану ее укрытием.

Мы летим, как молния, пронесшаяся по небу и дугой раскинувшаяся над землей.

Укрытая двумя мантиями, Аурен дышит у моей груди. Дышит, но не приходит в себя, не шевелится.

Мы летим, а горькие минуты утекают сквозь пальцы. Каждую секунду на нас обрушивается холод, воздух напитан захлестывающей влагой, скопившейся от догоняющей нас бури. Лицо у меня уже давно онемело, задница в седле промокла, а пальцы не чувствуют кожаных поводьев. Если бы мои глаза еще могли слезиться, то каждая капля превратилась бы в льдинку.

Вокруг меня лишь жуткий холод и удушливая темнота, но я верю, что Арго доставит нас в нужное место. Я так плотно завернул Аурен в мантии, что не вижу ее тела, но чувствую на шее ее горячее дыхание. И этого хватает, чтобы удерживать свою необузданную фейрскую

натуру: я не отравляю гнилью облака и не проливаю яд своей злости. Я считаю вдохи Аурен, как и стук своего сердца, и умиряю с помощью этого ритма бурлящую силу.

Время и расстояние мучительно тянутся.

А потом на нас внезапно налетает порыв ветра, и Арго разъяренно кричит, сотрясаясь всем телом. От резкого движения скользкое седло съезжает, и мы с Аурен переворачиваемся в воздухе.

Я наклоняюсь вперед, судорожно хватаясь за поводья, но руки оцепенели от холода. Сердце подскакивает к горлу, когда мы снова соскальзываем.

Упираясь коленями, я всем телом накрываюсь в сторону, а Арго делает вираж, крылом поймав мое колено. Понимая, что происходит, он поправляет нас в седле, и из его горла вырывается еще один возмущенный рык, когда я переваливаюсь через седло и пытаюсь отдышаться от того, что был на волосок от гибели.

В седле нас удерживает только кожаный ремень, которым я пристегнул нас обоих. Если бы Арго не спохватился...

Арго становится необузданным, словно нападающий на нас ветер лично его оскорбляет.

Он снова рычит в небо, напористо продолжая полет, будто битва с ветром стала его личной миссией. Арго не обращает внимания на усталость и неистово сражается с ней.

Через час руки у меня перестают дрожать, сердце замедляется, и я не сжимаю поводья до боли в руках. Силы утекают из меня, как кровь из раны.

Мне нужно доставить Аурен в безопасное и теплое место, и ближе всего сейчас Дэдвелл. И все же темные равнины словно издеваются надо мной: миля за милей, но заснеженные миры Пятого королевства все не заканчиваются. Мы словно приклеены к небу над ним, а сумрак потешается над нами, поскольку бесконечная даль никак не хочет уступать дорогу.

Но сила воли Арго и его озлобленная решимость не имеют себе равных.

В погоне мы приближаемся к рассвету, хотя я думал, что утро не наступит вовсе. Небо уже не такое хмурое и сердитое. Я смотрю на светлеющий горизонт и не знаю, радоваться или ужасаться появлению солнца.

Но даже с первыми лучами дневного света, пробивающимися сквозь кучные облака, Аурен не приходит в себя. Я проверяю, что она по-прежнему завернута в мантию. Не знаю, сможет ли Аурен в нынешнем состоянии пролить золото, если солнечные лучи коснутся ее кожи, но все равно волнуюсь. Ей нельзя пользоваться магией, а если сила начнет неудержимо выплескиваться из нее, то Арго не сможет лететь дальше.

Чувствую бедрами, как Арго тяжело дышит. Дыхание у него прерывистое, мускулы дрожат от напряжения. Вижу в сером свете, что под сильными порывами налетевшего на нас ветра из его крыльев цвета древесной коры выдернуты перья. С его взмыленной морды свисают ледяные сталактиты³, напоминающие дополнительные клыки, но Арго не перестает рычать и продолжает лететь вперед.

– Не останавливайся, – тороплю его я, но не знаю, слышит ли он на ветру мой голос.

Когда он опускается в еще один воздушный карман, чтобы лететь было проще, меня пронзает чувство вины. Арго устал даже в приступе гнева. Я давлу на него: заставляю лететь слишком быстро и слишком долго, но выбора у меня нет.

Рассвет наконец прогоняет ночь. Небо сияет как маяк, освещая путь бушующему шторму. Я оглядываюсь назад и смотрю на облака, которые будто скачут на нас, желая раздавить оледенелыми копытами.

³ Сталактиты – хемогенные отложения в карстовых пещерах в виде образований, свешивающихся с потолка (сосульки, соломинки, гребёнки, бахромы и т. п.).

Аурен дрожит у меня на руках, и я стискиваю замерзшие зубы, скрежеща застрявшим между ними льдом. Грохочет гром, издавая утробный смех и угрожающе фыркая, но Арго отвечает ему гортанным рыком, хриплым от усталости.

В мыслях у меня мелькают тысячи вариантов. Что у нас ничего не выйдет. Что Арго придется приземлиться. Что Аурен станет еще уязвимее. Что буря наконец нас сломит.

Но вот передо мной предстают знакомые очертания потрескавшихся гор.

Дэдвелл.

Мы успели.

При виде них в груди расцветает надежда.

С земли видны лишь сгнивший снег и потрескавшиеся вершины. А с воздуха – защищенная от света мерзлая долина между горами, напоминающими ряд кривых зубов. Она кажется неприветливой. Уродливой. Зброшенной.

Но только если не знать, куда глядеть.

Я по привычке издаю свист, подав Арго знак, – но зверю, даже если он меня слышит, не нужно напоминать. У него острое зрение, а верное направление он чувствует лучше меня. Если уж на то пошло, он привозил меня сюда много лет. Наверняка Арго сможет найти путь даже с закрытыми глазами.

Когда мы приближаемся к Дэдвеллу, дышать становится легче. Я прижимаю к груди накрытую мантией голову Аурен.

– Уже почти. Мы почти добрались, – шепчу я.

Наклонившись вместе с Арго, я крепко держу Аурен, когда зверь устремляется вниз к скалистым горным вершинам. Их форма напоминает зазубренный нож, а трещины образуют некую линию, предотвращающую опасный камнепад. Самая большая гора, что посередине, легонько наклонена, словно ветер долго на нее напирал, и ей пришлось подчиниться его воле.

Но горы никогда не склоняются перед ветром.

Однако этот горный хребет не единственное неприятное глазу зрелище. В действительности земля испорчена моей магией.

Когда-то пустынная и унылая равнина на границе с Пятым королевством теперь представляет собой пораженную гнилью землю. Зловонные корни тянутся от границы Четвертого королевства, погружаясь в снег, и обвиваются вокруг подножия здешних гор, как безжизненные ползучие лианы.

Моя магия откликается на силу, огромное количество которой я уже обрушил на эту землю. Кожу покалывает, словно эта сила меня приветствует. Я чувствую, как она впитывается в покрытую снегом почву, чувствую кровавый зов, отзывающийся в венах. Но моя сила может обожать.

И хотя горы потрескались и изогнулись, а огромные корни гнили испортили и изуродовали эту землю, для меня лучше вида не сыскать. Когда Арго делает нырок и мы с головокружительной скоростью спускаемся с неба, к горлу почти подкатывает тошнота, но я беру себя в руки.

Много лет мне не удавалось установить контроль над этой небольшой полоской земли. Но теперь я наконец-то могу назвать ее своей. Благодаря заключенной с Мидасом сделке, мы официально покинули Пятое королевство и находимся на своей территории.

Арго накрывается и летит к самой высокой горе, основание которой состоит из гнилых очертаний каменных обломков.

На самом деле сочетание этих склонившихся гор, груды снега, камней и мерзкой гнили, помогает скрыться из виду. Тому, кто просто летит мимо этой части света, нет необходимости или желания здесь задерживаться.

Арго облетает потрескавшийся пик, напоминающий клык, и направляется к самой низкой горе. С одной стороны над ней нависает скалистый выступ, укрывая притулившуюся внизу

деревушку. Этот почти незаметный край не привлекает внимания, но вызывает ко мне так же сильно, как и моя гниль.

Это небольшое поселение можно заметить, только если намеренно прилететь сюда, чтобы разведать окрестности, или знать, где искать. Здания построены из песчаного камня и сливаются с горным склоном, скрывшись под снежным покровом.

Здесь, в деревушке, окутанной запретным холодом, скрывается мой величайший секрет. Деревня Дролланд.

В ту же секунду налетает преследующий нас шторм, словно наказывая за то, что мы достигли цели. Облака разворачиваются и льет ледяной дождь, в один миг намочивший мою одежду.

Арго летит напрямик к деревне. Капли дождя стекают с его распростертых крыльев и замерзают на перьях. Он делает один круг, а потом его измученное тело с такой силой падает на землю, что я клацаю зубами. Арго покачивается, но пытается устоять, в поисках опоры вонзив когти в снег, а из его пасти стекает мерзлая пена.

– Хороший зверь, – хвалю я его. Он поворачивает ко мне голову и, хоть и выглядит уставшим, в его зорких глазах тоже виден самодовольный блеск. – Да, черт возьми, ты заслужил столько мяса, сколько хочешь.

Прищурившись под ливнем, я оглядываюсь, но еще стоит раннее утро и вокруг царит тишина. В двадцати футах от меня выстроились каменные дома, из труб под горным выступом неспешно поднимается дым, а на навесе, как листы черепицы, собрался лед.

Я протягиваю замерзшую руку к пряжке и никак не могу ее расстегнуть – пальцы онемели и почти не слушаются, а из-за мокрого снега стало так скользко, что можно легко упасть.

К тому же льет как из ведра. Если не поспешу, Аурен рискует еще сильнее намокнуть.

С губ срывается разочарованный рык:

– Ну же, мать твою.

– Сир?

Услышав голос, я резко поворачиваю голову и вижу, как из небольшого шатра, втиснутого в треснувшую пещеру на склоне горы, выходит один из жителей деревни. Он быстро идет к нам, натянув на лицо капюшон и оставив видным только нос картошкой.

– Позвольте мне.

Он ловко и быстро расстегивает ремень, и я спрыгиваю вместе с Аурен.

– Спасибо, Тео, – говорю я.

Он относится ко мне не с такой опаской, как остальные, но все равно боится смотреть в глаза.

– Мне предупредить дозор?

Я качаю головой.

– В этом нет необходимости. Просто проследи, чтобы Арго накормили в Вольере. Передай Шелби, пусть даст Арго все, что тот захочет и сколько захочет, а еще положит ему на насест дополнительные одеяла. Он сегодня точно их заслужил.

Тео наклоняет голову и тут же идет к Арго, схватив его ремень. Надо отметить, что при виде тимбервинга Тео лишь слегка отклоняется, а потом ведет его к Вольеру, где за ним присмотрят.

Когда они уходят, я быстро удаляюсь по дорожке из белого камня, который сливается с хлюпающим под ногами снегом. На саму деревню моя сила не распространяется, а лишь окружает ее границы, как колючий бастион, сдерживающий врагов. И хотя моя гниль сюда не проникает, деревня все равно погрязла в унынии.

По всеобщему мнению, деревни Дролланд не существует. Может, поэтому здесь всегда так мрачно. А оттого, что я храню деревню в тайне, она кажется еще более пустынной.

Это место отнюдь не красочное. Эти края суровые, холодные и запущенные. Одиноко стоящие дома врезаны в горный склон, который вечно отбрасывает тень. У живущих здесь людей нет таких удобств, как в городах, кишачих торговцами и путниками. Жители деревни трудятся на этой мрачной земле не покладая рук, чтобы прокормиться, поэтому иногда я тоже снабжаю их припасами. Но вместе с тем никто из них не покинет это место.

Они не могут.

Кроме деревенского дозора, в столь раннее время еще все спят, закрыв окна ставнями в ожидании бури. Я быстро прохожу мимо домов с наскреженными стенами, облицованными шифером. От двери до двери буквально два шага. И все же размеры этих домов обманчивы, потому что они простираются до глубины горы. Из скалистых расщелин в камне тянутся колючие извилистые лозы и оплетают двери и окна паутиной, а со стеблей еще гроздьями свисают их белые ягоды.

Из-за дождя камень под ногами скользкий, поэтому я стараюсь не спешить. Не хочу поскользнуться, держа на руках Аурен, но все равно стараюсь идти как можно быстрее, стуча сапогами.

Вдоль тропинки растут выносливые вечнозеленые деревья, цепляющиеся за жизнь: их обледеневшие ветви выдерживают бремя бесконечного холода и немного укрывают меня от дождя, пока я прижимаю Аурен к своей груди.

Подойдя к повороту, я огибаю гору, и дома здесь заканчиваются, а гора остается неприкрытой, если не считать примерзшего к ней снега. Склон вверху загибается волной, создавая огромный защитный навес. С него тонким водопадом стекает ледяной дождь, и я, усомнившись, пытаюсь придумать, как лучше донести Аурен, не намочив ее полностью.

– Позволь мне.

Я непроизвольно прижимаю Аурен еще крепче и резко поворачиваюсь, услышав голос брата.

– Что ты здесь делаешь?

Райатт осторожно идет под дождем и, молча сняв плащ, набрасывает его нам на головы, чтобы укрыть от ливня. Есть у меня ощущение, что делает это он скорее ради Аурен, чем ради меня. Пригнув головы, мы как можно скорее ныряем под дождь и, миновав скалистый выступ, оказываемся в пещере.

– Спасибо, – бормочу я.

Райатт опускает руки и отпускает плащ, но не утруждается тем, чтобы снова его надеть.

Мы стоим в полной тени пещеры, и если бы не мягкое голубое свечение, исходящее от светящихся прожилок в недрах горы, здесь было бы темно, хоть глаз выколи. Эти лазурные полосы разветвляются во все стороны, распространившись на стены, пол, свод, а бесцветные жучки цепляются за них, пытаясь откусить осадочные отложения. Со свода свисают сталактиты, словно указывая на нас в обвинительном жесте.

– И что? Ответишь, как ты тут оказался? – спрашиваю я на ходу, и мой голос отдается глухим эхом.

– Ты всерьез решил, что я не приду? – Райатт от обиды сжимает кулаками ткань плаща. – Я хотел прилететь сюда, как только Мидас изрек угрозы, и ты это знаешь, так что оставь свои чертовы приказы при себе, – огрызается он и скрежещет зубами.

Я чувствую, как и сам стискиваю челюсти. Нет, наверное, я не имею права раздражаться на брата, потому что прекрасно понимаю, почему он гневается, и все же я бешусь. Как и он частенько это делает.

– Ладно, – уступаю я. Я слишком замерз и устал, чтобы спорить. – Обсудим завтра. Мне нужно согреть ее и высушить.

Он краем глаза косится на Аурен.

– И именно сегодня разразилась эта чертова буря.

Мы с братом в напряженном молчании идем по пещере шаг в шаг. Наши плечи на одном уровне, одежда почти одинакова. Когда не проявляется моя фейринская сущность, нас можно принять за близнецов, чем я много-много раз не преминул воспользоваться.

Несмотря на то что мы непринужденно идем нога в ногу, кажется, что всегда наступаем друг другу на пятки.

Ради Райатта я бы пошел на смерть, а он от многого отказался, чтобы быть со мной рядом, но чаще всего мы бы с радостью просто поколотили друг друга.

Сегодняшний вечер ничем не отличается.

Мы преодолеваем оставшееся расстояние, а затем оказываемся в нашем доме в пещере. Мы спускаемся в синие тени, где сталагмиты⁴ напоминают извечных стражей.

Грот.

– Дом, милый дом, – бормочет Райатт.

Внутри появляется неприятное ощущение.

– Да. Дом, милый дом.

⁴ Сталагмиты – натечные минеральные образования, растущие в виде конусов, столбов со дна пещер и других подземных карстовых полостей.

Глава 5

Слейд 8 лет

– Слейд!

Я смотрю на Райатта, который пухленькими ножками пытается безуспешно забраться на дерево. Я знал, что он сюда за мной отправится. Но каждый раз у брата ничего не выходит, и он принимается канючить, распугивая птиц, пока я наконец не спускаюсь.

– Слейд!

Поняв, что не обращать внимания на него больше не выйдет, я закатываю рукава рубашки и чешу руки.

– Скоро вернусь, – сообщаю птенцу.

Тот щебечет мне в ответ.

Услышав, как Райатт снова пытается вскарабкаться, я свешиваюсь над веткой и раздвигаю коричневые засохшие листья.

– Тебе сюда нельзя. Ты слишком маленький.

Брат гневно смотрит на меня.

– Ничего я не маленький!

– Маленький, – возражаю я. – К тому же тебе еще нельзя лазать по деревьям.

Он снова опускается на землю и в приступе ярости топает ногами. Носки у него закатаны неровно и все в пятнах от травы. Когда мы приходим домой в испачканных травой носках, мама всегда недовольно цокает, а потом говорит, что глаза у нас точно такого же цвета.

Я вытираю пот со лба и вздыхаю, а потом, отпустив ветку, спрыгиваю, встав рядом с братом.

– Доволен?

Он кивает.

– Умираю от голода.

– Да ты всегда голодный. – Вот только теперь, когда он об этом упомянул, я понимаю, что тоже проголодался. – Ладно, пойдем. Уверен, Кук нам что-нибудь оставил.

– Жарко, – ноет Райатт.

– Потому что лето, дурачок, – прыснув со смеху, говорю я ему.

Он сердито глядит на меня.

– Я расскажу.

– А вот и не расскажешь. – Я улыбаюсь Райатту, потому что мы никогда не ябедничаем друг на друга. Такое у нас правило.

Он пожимает плечами.

Мы идем к поместью. Теперь, когда меня больше не закрывает тень от дерева, я понимаю, какая в самом деле стоит жаркая погода. Ясно, почему у Райатта такое красное лицо, а черные волосы намokли от пота и стоят торчком. Наверное, я выгляжу ничем не лучше.

Уроки у меня закончились раньше, и нянька разрешила Райатту выйти на свежий воздух. Не знаю, долго ли мы гуляем – рассматривая птичьи гнезда, я часто теряю счет времени.

– Пойдем к пруду! – внезапно говорит Райатт, когда мы уже почти доходим до сада.

Я внимательно смотрю на него.

– Ты же говорил, что умираешь с голоду.

– Хочу к пруду!

– Ладно, – простонав, иду я на уступку. – Но ненадолго. А потом пойдем есть.

Райатт кивает и скатывается со склона. Я бегу за ним, делая вид, что не могу догнать, и он заливисто смеется. Мы оббегаем поместье примерно наполовину, но Райатт устает и останавливается.

– Пить хочу, – ноет он.

– Тогда окуну тебя головой в пруд.

Райатт хмуро смотрит на меня, а я смеюсь и толкаю его локтем в ребра, зная, как брат боится щекотки. С мгновение он борется с собой, а потом принимается хихикать, извиваясь всем телом.

За домом находятся стойла, а сразу за ними – пруд. Мы проходим мимо загона, где стоит пара отцовских лошадей и щиплет траву.

Я стою и ни о чем не думаю.

Хлесть!

Звук такой же, когда старший конюх бьет хлыстом наших лошадей. Я слышу удар по задним конечностям, а следом еще один резвый шлепок в качестве наказания.

Хлесть!

Райатт ничего не замечает.

Но я почему-то замираю и, схватив брата за руку, тоже его останавливаю.

– Замри.

– Почему? – хныкает он.

Я чешу руку.

– Просто постой тут.

Райатт хмурится и явно собирается возразить, но, к счастью, к забору подходит лошадь, и брат отвлекается. Он забирается на забор и гладит ее, и я тут же спешу на звук. Однако, проходя мимо конюшни, замечаю, что там никого нет.

Хлесть!

Резко поворачиваю голову направо, и ноги сами несут меня вперед.

А потом резко останавливаюсь.

Это не старший конюх. И не хлыст. И лошади тоже нет.

Отец нависает над моей матерью. Родители стоят у внешней стены конюшни. Я толком не пойму, что за картина передо мной предстала, потому просто стою и наблюдаю за ними.

А потом отец опускает руку и дает такую сильную пощечину матери, что она падает на землю. Он шевелит ртом, прошедев что-то злое, но мне не слышно.

От потрясения я замираю как вкопанный.

Этот громкий звук эхом разносится в ушах. Или, быть может, он отзывается у меня в крови, потому что я и слышу и чувствую его одновременно. Спина зудит. По рукам как будто ползут муравьи. Кровь в венах стынет. Даже в голове странное ощущение.

С мгновение я просто стою, как статуя, – чувствую и слушаю. Кровь шумит так громко, что кажется, я вот-вот свалюсь в обморок.

Но тут отец снова поднимает руку. Мама опускает голову. А я так зол, что мой гнев соединяется с шумом, и все вокруг просто... взрывается.

Мой отец заносит руку, и я кричу на него:

– Перестань!

Очертя голову несусь на него и со всех сил толкаю. Отец поражен тем, что я напал на него, ну а я смотрю на него с ненавистью. Наверное, ненависть сильнее потрясения, и потому мне и удалось толкнуть отца так, что он влетел в стену конюшни.

Но... я не думал, что ненависть настолько сильна, что может обрушить стену. Деревянная конюшня построена надежно и прочно, однако, как только отец ударяется о стену, она тут же обрушивается.

Вместе с ней на землю кучей падает и отец, и я вижу, как дерево разлетается в щепки, которые взмывают в воздух как пыль. Теперь шум, что я слышу, – это грохот рухнувшей постройки, которая накрывает отца.

– Слейд! – кричит мать и испуганно отползает.

Я направляюсь к ней, но отец раздвигает кулаком деревянные обломки и щелкает пальцами, исторгнув свою силу, отчего накрывшая его древесина с треском ломается. Отец встает, и обломки слетают с него. Когда я вижу лицо отца, тут же холодею.

– Да как ты посмел!

Он в ярости. Черные глаза обрамлены сеткой налитых кровью вен, отчего он кажется еще более злым. Понимаю, что следующий его удар будет предназначаться мне, но мне плевать. Плевать, лишь бы он больше не трогал маму.

Отец делает ко мне шаг, и я готовлюсь к неизбежному, чувствуя, как холод отливает по венам к ногам. Отец резко останавливается и оглядывает землю вокруг меня.

– Какого...

Я тоже смотрю вниз. Трава вокруг моих ног уже не зеленая, а мертвенного цвета бледной пшеницы. Я вижу на ней грязные пятна со странными линиями, которые уродливыми корнями расползаются по обломкам покосившейся конюшни. А древесина выглядит так, словно не один год была подвержена жестоким погодным условиям и вот-вот рухнет от одного дуновения.

– Слейд...

Услышав мамин голос, я смотрю на нее. Она сидит, припав к земле, но эти линии ее не тронули. Мама оказалась на единственном клочке земли, где трава еще живая и зеленая. Она оглядывает меня круглыми глазами, рассматривая мои шею, руки и спину.

А потом я понимаю, что мне больно. Болит все тело.

Отец поворачивается к матери, но я, подскочив, закрываю ее собой. Я задыхаюсь и чувствую себя слишком мелким, но с места не сдвинулся. Не позволю отцу снова ее ударить.

– Нет! – говорю я, и мой голос – единственное, что звучит громко, ведь то, что я слышал в своем теле, затихло. Внезапно усталость накрывает меня с головой, а затем я чувствую, как мама обхватывает рукой мою ногу и пытается оттолкнуть, но я не обращаю внимания.

Отец и прежде меня бил, но я это пережил. Справлюсь и теперь, потому что я уже не ребенок. Я хочу убедить в этом маму, но вдруг ко мне подходит отец и, смотря широко раскрытыми глазами, хватает за плечи.

Сперва мне кажется это уловкой, но в глазах его видно все то же потрясение. Отец не замахивается, чтобы меня ударить, и тогда я наконец опускаю взгляд и вижу, куда он смотрит. Вижу, куда минутами ранее смотрела моя мать.

Мои руки истекают кровью – наверное, поэтому они так сильно болят. Но глаза у меня лезут на лоб не при виде крови. Нет, я удивлен, увидев торчащие из рук черные штуковины с острыми кончиками, которые словно пронзают мою кожу насквозь.

Сначала я думаю, что мне в руки вонзились щепки от развалившихся стен конюшни. Но чем дольше смотрю на них, тем сильнее понимаю, что ошибся. Эти штуковины кажутся одинаковыми на обеих руках, и они не прокалывают кожу, а торчат из моего тела.

Я цепенею от шока, когда отец протягивает руку и касается черного шипа. От боли мы оба издаем крик. Я смотрю на отца и вижу, что большой палец у него весь в крови, будто он порезался об этот острый черный шип.

Ярость слетает с его лица, сменившись ухмылкой. Он смотрит на кровь, а потом переключает внимание на меня.

– Мой сын.

Отец хватается за плечи и заставляет наклониться. Я снова чувствую боль, когда он нажимает на какую-то точку на спине, отчего я резко выгибаюсь и быстро выпрямляюсь.

– Ой!

Отец смеется и отпускает меня.

– Только взгляни на себя! – говорит он. Никогда не видел у него такой радостной улыбки. – Тебе еще только восемь, но взгляните-ка!

– Что это? – взволнованно спрашиваю я, смотря на капли крови, что стекают с острых черных шипов. От них по рукам расползаются черные вены, будто Райатт очертил эти линии гусиным пером. Я пытаюсь их стереть, но ничего не выходит.

– Ты изменился! – оживленно говорит отец. – Проявилась твоя сила!

Я чувствую холод по коже.

– Что?

Он ухмыляется, а затем дергает меня за руку, чтобы показать.

– Смотри! Вот твоя сила!

Я провожу взглядом по венам на руках, по венам, тянущимся по земле, по прогнившим стенам конюшни. Они не отличаются друг от друга.

– Я знал, что у меня будет сильный сын.

Я не чувствую себя сильным. Я чувствую усталость, и болит все тело, а еще я зол и очень напуган...

Заплавав, я понимаю, что совершил ошибку, но ничего не могу с собой поделать.

С лица отца тут же слетает гордость, и он брезгливо на меня смотрит.

– А ну-ка перестал! Мне не нужен сын-хлюпик, – холодно говорит он, а потом устремляет черный взгляд на мою мать. – Приведи его в порядок, а потом отправь в сад. Хочу проверить, на что он способен, – приказывает он матери и добавляет: – А ты сиди в своей комнате и до ночи не попадайся мне на глаза.

Мама еще крепче обхватывает мою ногу.

Он поворачивается и уходит, а по моим щекам стекает столько слез, что я даже не утруждаюсь их стереть. Однако радуюсь, что отец ушел и не видит. Я пытаюсь перестать плакать – правда, пытаюсь, но болит все тело, и я ничего не понимаю, а мама...

В ту же минуту она встает передо мной на колени, и я вижу, что ее губа рассечена, глаза такие же красные, как и пятно на щеке.

– Я... Разрушитель? – спрашиваю я и плачу еще горше, потому что не хочу быть похожим на отца. Но я почему-то сломал стену конюшни, землю, а эти шипы пробились через мою кожу... Чувствую себя монстром.

Мама качает головой и ласково приподнимает мой подбородок.

– Нет, Слейд. Ты не Разрушитель. Ты ничего не рушишь. Ты защищаешь.

Вот только когда я оглядываю двор, то не похоже, будто я его защищал. Скорее, я его разрушил. Как мой отец. И мамино лицо лишний раз об этом напоминает.

Мне больно двигать рукой, но я все равно поднимаю ее и нежно касаюсь маминой щеки.
– Ты в порядке?

Мамино лицо становится мрачным, и по ее щекам текут слезы. Я осторожно беру ее за руку и сжимаю, стараясь не обращать внимания на черные линии, которые растекаются по кончикам моих пальцев.

– Не плачь, мама. Я буду тебя защищать.

Но легче ей от этого не становится, потому что она плачет еще сильнее. Я опускаю взгляд и жалею, что не могу стать старше и как-нибудь ей помочь.

Посмотрев вниз, замечаю на подоле ее белого платья пятна от травы, которые остались на ткани после того, как ее ударил отец и мама упала на землю.

– Слейд?

Мы оборачиваемся и видим, что за мной стоит Райатт, который, нахмурившись, держит в рубашке горсть клубники. Наверное, он забрел перекусить в сад. Я совсем про него забыл, и теперь радуюсь, что он не видел случившегося.

– Райатт, смотри, – говорю я и показываю на себя. У брата отвисает челюсть, и он показывает на меня пальцем, уронив на землю все свои запасы ягод.

– Что это?

– Моя магия проявилась, – отвечаю я, пытаюсь казаться счастливым, и шмыгаю носом, чтобы перестать плакать.

От радости он вспыхивает.

– Можно потрогать?

– Конечно.

Он бежит ко мне и гладит красным пальцем черный шип.

– Больно?

Я пожимаю плечами.

– Немного.

Он улыбается и поворачивается к маме, но хмурится и тут же забывает, что хотел сказать.

– Мам?

У нее на губах застыла улыбка, а щеки она уже вытерла, но все равно выглядит по-другому.

– Райатт, какая красивая клубника.

Но брата не проведешь.

– Ты плачешь?

– Все хорошо, дорогой. Я просто споткнулась. Видишь? – говорит она и показывает на подол платья.

Он кивает, а потом берет ее за руку своей красной и липкой ладошкой.

– Ничего, я тоже упал, – говорит Райатт и показывает на свои испачканные носки. – И знаешь, что? – спрашивает он.

– Что?

– Пятна от травы по цвету к твоим глазам подходят.

Сомневаюсь, что видел в жизни улыбку грустнее, чем мамина.

Глава 6

Слейд

Помимо сталагмитов, тянущихся вверх со дна пещеры, со свода свисают крупные сталактиты. Они, подобно острым пикам, украшают вход в Грот, образуя своеобразную арку. Как только мы проходим под ней, тонкие витки света, окутывающие пространство, отбрасывают голубые тени на наши лица,

Когда мы оказываемся в новом месте, меня начинают раздирать противоречивые чувства. С одной стороны, здесь царит покой. А с другой, пребывание тут кажется наказанием. Кому-то может показаться странным, что внутри пещеры есть дом, но он уединенный и незримый, и я нахожу его довольно уютным, несмотря на унылые серые стены.

Передо мной встает Райатт и толкает входную дверь, петли которой скрипят от извечной сырости. Я влетаю в темный дом и даже без света четко помню, где что находится.

Быстро прохожу в гостиную и вижу скудную тень от мебели. Задеваю сапогами белый меховой ковер под стоящим в центре комнаты круглым столом. На его деревянной поверхности еще видны пятна от стаканов с выпивкой, которые мы ставили сюда с моим Гневом. Чертов конденсат.

Наткнувшись голенью на мягкий диван, останавливаюсь, а когда кладу на него Аурен и принимаюсь стаскивать с нее мокрую обувь, Райатт уже стоит у меня за спиной и разжигает огонь.

Осторожно приподнимаю Аурен, подложив ей под спину подушки. Потому что ее спина...

Мне невыносимо даже думать об этом.

О том, что он с ней сотворил.

Меня охватывает ярость, и я желаю оказаться в Рэнхолде, повернуть время вспять и вернуть Мидаса к жизни, чтобы лично его умертвить. Я бы не торопился. Отрезал бы конечность за конечностью. Отравлял бы гнилью вену за веной. Смял бы кулаком его сердце.

Заставил бы его страдать.

Сзади слышу искры, которые высекают от кремния, и умиряю гнев, чтобы сосредоточиться на главном. Если я сейчас же не согрею Аурен, то она попросту умрет от переохлаждения, – а тогда даже это проклятая гниль внутри нее больше не будет иметь значения.

Я снимаю с Аурен оба мокрых плаща. Бросаю их на пол, и прилипшие к ткани кусочки льда ломаются, растекаясь лужицей. Увидев, что платье Аурен влажное, но не промокло насквозь, я радуюсь. К подолу прилипло лишь несколько комочков снега. Быстро сдергиваю одеяла с дивана и накрываю Аурен, плотно ее закутав.

Дом освещает мягкий оранжевый свет, и я, не теряя времени даром,двигаю диван вперед. Когда я тащу его по полу и ставлю напротив камина, ножки протестующе скрипят. Слышу, как Райатт ходит по комнате и зажигает настенные бра, пытаюсь прогнать холод.

Я подношу руку к приоткрытым губам Аурен, чувствуя, что ее дыхание становится медленным и ровным.

– Аурен?

Ответа я не жду, но все равно разочаровываюсь. Чтобы подавить страх, единственное, что мне остается – это действовать, потому я снимаю с Аурен промокшие чулки. Потом ощупываю пальцы на руках и ногах, обхватываю их ладонями в перчатках и дышу на них, пытаюсь согреть. Плевать, если сейчас, с наступлением утра, на меня воздействует ее сила. Мне лишь нужно согреть Аурен. И как только мне это удастся, я снова укрываю одеялами и нежно стряхиваю с ее волос снежинки.

– Почему она не просыпается?

Я не слышал, как Райатт подошел ко мне сзади, но от его вопроса в плечах появляется напряжение. Я бросаю взгляд на ее лицо, чувствуя, как внутри свивается что-то холодное.

– Не знаю.

Мы смотрим на нее: она мерно дышит, а в свете потрескивающего пламени ее кожа приобретает оранжевый оттенок.

– Аурен.

Мой оклик остается без ответа.

Я слышу, как уходит Райатт, а потом мое внимание привлекает бречание на кухне. Я заглядываю за арку и вижу, что брат стоит перед железной печью. Передняя решетка уже закрыта, и в ней полыхает огонь, а Райатт занимается стоящим на ней котелком. Буря на улице становится еще свирепее, а в пустотах пещеры завывания ветра отражаются эхом.

Вернувшись к Аурен, я снова обращаюсь к своей силе, когда вновь замечаю ту последнюю крупичку гнили. Но она все равно не поддается мне. Теперь я даже не могу за нее ухватиться. Она застряла в Аурен, как пустившее корни зернышко. И тем не менее ее сила так же чиста, тело функционирует, как прежде. Аурен ничуть не изменилась, если не считать этой одной-единственной крупички.

Так почему же она не просыпается?

Я хмуро смотрю на ее умиротворенное лицо, и меня со всех сторон охватывает беспокойство. С ее шеи исчезли еле заметные вены гнили, а кожа вернула свой привычный цвет. Аурен как будто погружена в глубокий сон.

– Аурен, ты должна проснуться.

Но она, разумеется, не слышит. Она никогда меня не слушает. Только постоянно спорит, и в ней всегда виден тот задор, что я чертовски люблю.

– Проснись и поспорь со мной, Золотая пташка.

Еще минуту смотрю на ее спокойное лицо, а потом поворачиваюсь и опускаюсь рядом с ней на пол. Прислонившись спиной к дивану, подтягиваю колени к груди и опираюсь на них локтями. Тру лицо рукой, чувствуя, как от усталости подрагивают ноги.

Наклонившись, я стаскиваю мокрые сапоги, бросаю их к камину, а после стягиваю перчатки и подношу ладони к огню. Но тепла не чувствую.

Страх заморозил меня.

Я продолжаю смотреть на пламя, все равно ничего не чувствуя, как вдруг внезапно с грохотом распахивается входная дверь. В мгновение ока вскакиваю, готовый к нападению, но увидев, как в дом быстро заходят две насквозь промокшие фигуры, замираю.

Не веря своим глазам, смотрю на Лу и Дигби.

– А вы что тут делаете?

Лу скидывает капюшон. Тяжело дыша, она держит Дигби, закинувшего руку ей на плечо. С них обоих стекает ледяной дождь.

– Он уперся, что хочет остаться со Златовласой. Истерил, пока я не согласилась пойти за тобой, а заодно взять и его.

Я смотрю на угрюмого мужчину, но он только хмурится. От стекающей с него воды на полу образуется лужа. Несмотря на свирепый взгляд, он выглядит так, словно вот-вот рухнет оземь.

– Я останусь с ней.

– Хорошо, – вздохнув, говорю я.

Дигби недоуменно смотрит, словно удивлен, что я так легко уступил. Но я хочу для Аурен только лучшего и знаю, что она была бы не против, если бы рядом с ней находился Дигби.

При помощи Лу Дигби ковыляет к нам и смотрит на Аурен. У него на лбу залегает складка печали.

– Она так и не проснулась?

– Нет.

Похоже, зимний шторм не охладил пыл Дигби, потому что он так же сердито сверкает глазами, что и раньше.

– Этого вообще не должно было случиться, – гаркает он. – Ты якобы защищаешь ее? Якобы печешься о ней?

Я сжимаю руки в кулаки.

– Черт возьми, ну конечно, пекусь!

– Тогда почему ты позволил этому случиться? – возражает он, но эти вопросы я и сам не устаю себе задавать. – Разве ты не самый могущественный король в мире? Так сделай что-нибудь!

Если бы только мог, будь я проклят.

– Ей просто нужно отдохнуть, – снова говорю я без тени гнева в голосе.

Дигби, мокрый и негодующий, стоит напротив меня: щеки у него обветрились, а нос покраснел от холода.

– Ну же, успокойся. Ты ее видел, и Слейд прав. Ей нужно отдохнуть. – Лу решает увести Дигби. Всего секунду он противится, не сводя с Аурен взора. А потом поворачивается и послушно идет с Лу к коридору, ведущему в заднюю часть дома, где находятся несколько спален. – Давай-ка сделаем набег на комнату Озрика. Там точно что-нибудь подберем тебе из одежды.

Когда их шаги стихают, я снова смотрю на Аурен, но она все так же лежит недвижимая как труп. Единственное, что не дает мне сойти с ума от страха – золотая аура, которая парит вокруг ее тела. Она все еще слабая. Тусклая. Но я ее вижу, а потому хватаюсь за нее, как за единственную нить, которая удерживает камень.

Ей просто нужно отдохнуть.

Эта мантра непрерывно звучит у меня в голове.

Аурен использовала слишком много своей магии. Она выкачала из нее все силы, чуть не доведя до смертельного исхода. Но сильнее всего меня беспокоит, что Аурен воспользовалась иной стороной своей силы, которую раньше никогда не применяла. Кто знает, какой урон ей это нанесло?

– Держи.

Ко мне подходит Райатт и встает справа, протянув кружку с дымящимся варевом. Взяв, я заглядываю в нее и вижу водянистый бульон с несколькими кусочками лука и сельдерея.

– Больше ничего раздобыть так быстро не смог, – пожал плечами, говорит он. – Завтра нужно сходить в Погреб.

Я залпом выпиваю жидкость, не распробовав ее на вкус. Чувствую только, как горячий бульон обжигает язык и стекает в пустой желудок.

Райатт пьет из своей кружки гораздо медленнее, и я чувствую на себе его пристальный взгляд темно-зеленых глаз.

– Что? – спрашиваю я.

– Такого прежде не бывало.

Я смотрю на лицо Аурен.

– Да, не бывало.

– Не хочу показаться идиотом, поскольку уверен, что ты уже это сделал, но разве нельзя просто... вытащить из нее оставшуюся гниль?

– К несчастью, ты идиот, потому что я, черт возьми, пытался.

– Что изменилось?

Поставив пустую чашку на деревянную каминную доску, я опираюсь рукой на темное дерево, опускаю голову и смотрю на пламя.

– Не знаю. Может быть, я слишком резко применил к ней силу. А может, слишком надолго ее там оставил.

– То есть... А раньше ты оставлял в ком-нибудь гниль?

Я многозначительно смотрю на него.

– Разумеется, оставлял. Когда хотел кого-нибудь убить.

Он отмахивается.

– Нет, если как раз не пытался убить?

– Нет, – огрызаюсь я, с такой силой сжав каминную доску, что дерево протестующе скрипит. – Обычно гниль мне подчиняется. Она никогда так не поступала.

Я не понимаю, что случилось. Даже сейчас чувствую в Аурен это гнилое зернышко, но не могу за него ухватиться. Оно мне не поддается.

– Она проснется?

От ярости я ошетиливаюсь.

– Конечно, проснется! – кричу я. Кожа на руках вздувается, когда шипы стремятся прорваться сквозь нее. – Иди нахрен, раз вообще об этом спрашиваешь!

– Ну и ты иди, черт тебя подери. Вопрос-то обоснованный.

Я сжимаю руку, уже почти готовый хорошенько его ударить, но тут возвращается Лу.

– Уже шалите, мальчики? – Она переоделась, сняв мокрую одежду, и надела огромные меховые тапочки больше медвежьих лап. Здесь это самая любимая ее вещь, хотя тапки выглядит на ней нелепо. Дигби с ней нет.

– Он отдыхает. Пытается делать вид, что это не так, но состояние у него ужасное. Отдала ему кровать Озрика, – говорит Лу, и мне даже спрашивать не пришлось. Она подходит к нам и встает, уперев руки в боки. – Ну так что? В чем проблема?

– Я просто пытаюсь, мать его, поговорить, – бурчит Райатт.

– По поводу Златовласой? – догадывается Лу, фыркает и подходит к Аурен. – А может, лучше не дразнить гнилого медведя?

Брат закатывает глаза.

– Ты что делаешь? – спрашиваю я, когда она снимает с Аурен одеяла.

Она показывает мне сверток с одеждой.

– К ней можно прикасаться?

Меня охватывают сомнения.

– Не уверен. Вообще сейчас день, поэтому ее дар уже проснулся, но... – Я осекаюсь.

– Но она просто обезумела и ночью, когда это было невозможно, превратила замок в огромную золотую пасть, которая все поглотила? – отпускает Лу остроуту.

– Но она не позолотила ни одеяла, ни диван.

– Какая жалость. Ненавижу этот зеленый цвет, – говорит она, окинув взглядом подушки, а потом передает пару толстых меховых чулок и носков. – Это для нее.

– Спасибо.

Лу поворачивается к Райатту и шлепает его по руке.

– Пойдем займемся чем-нибудь полезным: например, разожжем камин в спальнях и наберем побольше дров. Вряд ли в ближайшее время буря прекратится.

Они исчезают в коридоре, и их голоса постепенно стихают. Снова на всякий случай, надев перчатки, я осторожно поочередно поднимаю ступни Аурен и натягиваю на нее мягкие чулки. Осторожно двигаю ее, когда мне нужно ухитриться натянуть их до конца. Закончив, я снова аккуратно переворачиваю ее на бок, чтобы Аурен не лежала на спине.

Потом надеваю на нее носки и укрываю одеялами. Ее хрупкая рука свисает с дивана, и тут я подмечаю надорванные клочки отрезанной ленты, которая еще привязана к ее запястью.

От прилива удушающих чувств кружится голова, а печаль давит на меня, заполняя без остатка.

Едва касаясь, я поднимаю ее руку и вожу пальцами по обрубленному концу. Он лежит неподвижно и грузно отрезанным шелковистым трупом.

«Воспользуйся лентами».

«Я не могу».

«О, она тебе не сказала? Она потеряла эту привилегию».

От злости сводит скулы, гниль сдавливает шею карающими путами.

Я осторожно развязываю ленту и кладу ее в карман – единственное сухое место в одежде. Потом укладываю руку Аурен под одеяло и опускаюсь на пол. Когда Лу возвращается в комнату, не знаю, сколько прошло времени. От нее пахнет дровами и дымом, и она выглядит уставшей, но все равно садится на пол рядом со мной.

Если она сейчас спросит, почему я не могу помочь Аурен, боюсь, попросту сорвусь.

Однако она молчит. Мы просто смотрим на пламя, слушая его потрескивание, а снаружи завывает буря.

Когда Лу заговаривает, я настолько погружен в свои мысли, что почти вздрагиваю, забыв, что она рядом.

– Помнишь, как я примкнула к твоей армии?

Я замираю и кошусь на нее краем глаза, заметив ее задумчивый вид. Лу никогда не обсуждает это, никогда не обсуждает себя в те времена. Мы всегда с уважением относились к ее пожеланиям, потому что у каждого есть мгновения прошлого, которые мы не хотели бы обсуждать. Когда кто-то из нас поднимал эту тему, Лу всегда ее пресекала, поэтому я потрясен тем, что она сейчас об этом заговорила.

Чувствуя, словно ступаю по льду, который может в любое мгновение треснуть, я осторожно киваю.

– Помню.

Положив запястья на колени, она качает головой.

– Я была как дикая кошка, которая не могла закончить ни один разговор, не затеяв драку.

Я улыбаюсь, вспомнив дерзкую злобную девчонку, которая изрыгала самые пошлые и грубые ругательства, что я слышал, а ведь ей было всего четырнадцать лет.

– Удивительно, как у тебя не выросли когти.

Лу хмыкает и щелкает по торчащему из губы деревянному пирсингу, рубин в котором блестит в свете камина.

– Я прямиком направилась к тебе, посмотрела в глаза и сказала, что твой капитан – костлявый нытик, который даже от плевка увернуться не может, а тебе нужны солдаты с трезвым расчетом.

От этого воспоминания у меня вырывается смешок.

– А он тем временем держал тебя за шкуру, пока ты не пнула его по коленям.

– Напрасно этот ублюдок обвинил меня в воровстве.

– Ты права. Поэтому я выдал тебе форму и велел тащиться в казарму.

Уголки ее губ приподнимаются.

– Ты сказал, если я хочу заменить одного из твоих капитанов, мне хотя бы нужно научиться владеть мечом.

– И посмотри, кем ты стала, – отвечаю я, – капитаном правого фланга.

Лу проводит рукой по своим коротко стриженным волосам и останавливает палец на вырезанном рисунке в форме лезвия.

– Давай по-честному: в тот день ты увидел на улице заморенную голодом, бездомную девчонку и пожалел ее. – В ее голосе звучат ностальгические нотки, приправленные какой-то горькой радостью.

– Напротив, – искренне отвечаю я. – Я увидел свирепого компаньона и человека, не боящегося вступить в бой. Человека, который мог бы стать прекрасным лидером, если бы ей только дали шанс обучиться.

Лу поворачивается ко мне, и впервые за много лет я словно снова смотрю на ту четырнадцатилетнюю девчонку. Она выросла в недостойной семье, угодила в ловушку их пороков. Лу была испорченной брошенной девочкой, вынужденной самой о себе заботиться. Ее воинственный настрой вовсе не был недостатком. Он был ее храбростью.

– Знаешь, в тот день я тебя ненавидела. Ты завербовал меня в свою армию и превратил в одного из твоих гребаных солдат. Я не хотела перед тобой отчитываться. Вообще ни перед кем не хотела.

– О, я в курсе. Ты не раз проклинала меня за это. Если не ошибаюсь, ты целых девять месяцев несла службу у отхожего места.

– Двенадцать, – почти гордо возражает она. – И втайне ненавидела тебя еще сильнее, потому что испытывала жуткую благодарность. – Когда я приподнимаю бровь в ответ на ее искренность, она качает головой и вздыхает. – Давай посмотрим правде в глаза. Если бы ты не забрал меня с той улицы, дав меч, я бы умерла, Рип.

Я качаю головой.

– Ни на секунду в это не поверю. Уже тогда ты была сильной.

Лу смотрит карими глазами на обугленные дрова, горящие на каминной решетке.

– Я не про физическую смерть, а моральную. Эмоциональную. Духовную. – Она прижимает руку к груди и дважды по ней ударяет. – Когда существуешь в таких условиях, невозможно мыслить или жить припеваючи. Я была мертва и бежала, просто пытаюсь выжить. Просто пытаюсь прожить еще один день. Один день. Люди этого не понимают, если никогда не жили в таких условиях. Я всегда бежала, не ожидая ничего иного. Кроме этого бега, борьбы и попыток выжить, у меня не было никого и ничего.

– Ты уже не та девчонка, что была раньше. Твоя жизнь изменилась.

– Ты прав, – отвечает она. – Как и Озрик больше не наемник, а Джадд не вор. Потому что ты выбрал нас, дав возможность сражаться на твоей стороне, и показал, что одним днем все не заканчивается. Жизнь – это не только бегство и попытки выжить. – Лу пристально смотрит на меня. – Я стала такой, потому что ты принял меня в свою армию и позволил служить тебе капитаном.

От неожиданно нахлынувших чувств сжимается сердце.

– Ты целиком и полностью это заслужила, Талула Галлерин.

Лу морщит носик и наклоняется, ударив меня по руке, но удар едва заметный и близко не сопоставим с ее реальной силой.

– Не называй меня так.

Я ухмыляюсь и потираю руку.

– Все такая же злобная.

– Всегда, – смеется она, а затем кивает на Аурен. – Ты же знаешь, что она проснется.

Я глотаю подступивший к горлу ком, и хороший настрой как рукой снимает.

– Так уверенно говоришь.

– Потому что я и правда уверена, – говорит Лу, а потом отворачивается и вскакивает на ноги. – Ты принял мою воинственность и швырнул мне в лицо форму. Ты познакомился с кровожадностью Озрика и решил отдать ему свой меч. Ты видел тюремные камеры, которые не смогли сдержать Джадда, и отдал ему ключи, не бросив в другую темницу. А теперь ты нашел свою золотую птичку и увидел, как она покидает клетку. Она откроет глаза, как и остальные – благодаря тебе.

– Как прозаично. Я, черт возьми, отравил ее гнилью.

В ответ Лу лишь пожимает плечами.

– В каждом из нас есть немного гнили, и я бы ни за что этого не изменила. Так мы и выживаем.

Глава 7

Слейд 8 лет

Я жутко устал. У меня болит все тело, но сильнее всего руки и спина, откуда видны шипы. Они торчат даже сейчас, отчего кожа натягивается и становится серого цвета.

– Еще!

Я вздрагиваю, услышав приказ отца, но поднимаю меч и пытаюсь его удержать, хотя он тяжелый, и у меня сильно дрожит рука.

Боевому искусству меня обучает фейри по имени Кадо. Он лысый, как мой отец, но темнокожий и без бороды, и умеет доставать из пальцев клинки. И когда Кадо их достает, день редко бывает хорошим.

Раньше я упражнялся с Кадо три дня в неделю примерно по часу, но после того, как несколько недель назад у меня проявилась сила, отец заставляет меня тренироваться каждый день на протяжении нескольких часов. Он говорит, что я должен нарастить физическую силу, чтобы уметь обращаться со своей магией. Остальные мои уроки пока временно приостановили. Но я еще не умею пользоваться своими шипами или силой по команде.

Я стараюсь. Правда стараюсь. Я устал каждый день торчать на этом поле под палящим солнцем, истекая потом, но отец заставляет меня упражняться не с деревянным мечом, а с настоящим. Меня все это бесит. Однако отец утверждает, что, только преодолевая себя, можно пробудить свою магию.

Я едва успеваю поднять меч, как Кадо обрушивает на него свой клинок. Я должен отрабатывать блок, но он бьет так сильно, что лязг металла проходится по рукам, отчего возникает неприятное ощущение в зубах.

Пошатнувшись, я отступаю назад и увязаю ногами в шелестящей траве.

– Совсем не похоже на блок! – гаркает мой отец.

Оглянувшись, вижу его в нескольких футах от меня, а рядом с ним стоит дядя Иберик. Ненавижу, когда они наблюдают за мной, обращая внимание на любой промах.

– Я устал, – пыхчу я. Мне приходится вытирать со лба пот, потому что он попадает мне в глаза, вызывая дискомфорт.

– Ты до сих пор слаб, – возражает он, скрестив руки на груди, обтянутой красной рубашкой в тон моей. Цветом она напоминает кровь. Такого же цвета была вчера у меня губа, когда я пропустил блок, и Кадо засунул мне в рот рукоять своего меча. Такого же цвета стекает по моим рукам кровь, когда из них вырываются шипы.

– Заставляй себя, Слейд. Воспользуйся силой и призови свою магию.

Стиснув зубы, я разворачиваюсь и, едва успеваю пригнуться, замечаю, как уже замахивается Кадо. Я пытаюсь взмахнуть мечом, но не успеваю поднять его для второго выпада. В последнюю секунду Кадо отступает, и мне в бок врезается не клинок, а его рука, но все равно больно.

Я валюсь на землю, уткнувшись в нее лицом, и дышу так тяжело, что колышутся стебли сухой травы. По медному привкусу во рту понимаю, что, похоже, у меня рассечена губа.

– Вставай! – приказывает отец.

Я пытаюсь, но дрожу всем телом, а еще я уронил меч. Даже не знаю, куда он упал.

– Вставай!

– Стэнтон!

Услышав материнский голос, я сажусь. Она подходит к отцу с перекошенным лицом. Мне неприятно видеть, что она за меня волнуется, поэтому снова пытаюсь подняться. Это нелегко, и у меня чуть-чуть кружится голова, но я справляюсь. Вот только меч найти не могу.

– Ему нужен перерыв, – слышу я ее слова.

Дядя Иберик качает головой.

– Ай, да все с ним в порядке.

Черные волосы матери слегка развеваются на ветру, которого я не чувствую. Но хотел бы, потому что сейчас так жарко, что я ощущаю себя буханкой хлеба, выпекаемой в духовке Кука.

– Ты здесь уже несколько часов, и он устал.

Отец даже не смотрит на меня, но я вижу, как темнеет его взгляд, обращенный на мать. Я вновь покрываюсь потом, но вовсе не от жары.

– Он фейри, – парирует дядя Иберик. – Мы устроены совсем иначе, чем вы, ореанцы. Мы сильнее.

Интересно, еще кто-нибудь видит, как моя мать сжимает кулаки?

– Да, а еще он наполовину ореанец. И ему всего восемь. Даже мальчишки-фейри не могут тренироваться на мечах по несколько часов под палящим солнцем. Ему нужен перерыв, иначе он перегреется на солнце и не сможет завтра тренироваться. У большинства фейри сила проявляется только в пятнадцать лет! Ты слишком на него давишь. – Мать говорит решительно, не сводя взгляда с отца.

Но я знаю, что произойдет. Позже, когда никого не окажется рядом, отец будет с ней груб. Может, даже причинит боль. Я этого не хочу.

Последние несколько недель я ходил за мамой как приклеенный. Если отец рядом, я отвлекаю его от нее. Пока это легко, учитывая, как он был взволнован тем, что моя сила проявилась так рано. Не хочу, чтобы он снова обратил внимание на мою мать.

Мне приснилось, как он ее бил, и я проснулся, увидев, что матрац был в клочья порван торчащими шипами на спине, с шипов на руке свисали лоскуты простыни. Линии на моей коже раскинулись и на мою кровать, отчего дерево прогнило и обрушился каркас. Потому что эти линии и есть гниль. Может, я и не Разрушитель, но все равно разрушаю.

– Я в порядке, – говорю я, но у меня першит в горле, и как было бы приятно с головой окунуться в пруд. А еще хотелось бы бросить в него этот дурацкий меч, чтобы больше не пришлось практиковаться.

Кадо молчит, переводя взгляд между взрослыми, но беспокойства я в нем не наблюдаю. Он с радостью втоптал бы меня в землю, если бы того захотел мой отец.

– Видишь? – показав на меня, говорит отец. – С мальчишкой все в порядке.

– Стенто...

– Возвращайся в дом, Элора, – приказывает он.

Мама, кажется, разозлилась, как и мой отец, вот только эта эмоция немного отличается от его. Она всегда улыбается мне и Райатту. Смеется со слугами-ореанцами, она добра и спокойна по отношению к лошадям. А рядом с отцом лицо у нее меняется. На нем либо застенчивое, либо злое, либо испуганное, либо грустное выражение. И все они ей не подходят. Так не должно быть.

Хочу, чтобы она была такой же, как в моменты, когда смотрит на нас с братом.

– Я пойду в дом вместе со своим сыном, – упрямо говорит она.

Сердце у меня гулко бьется, пока я наблюдаю за родителями.

Дядя Иберик изумленно смотрит на нее.

– Как ты смеешь проявлять такое неуважение к своему господину и мужу! Он – фейри. Он привел тебя в наш мир, позволил тебе тут остаться, даровал долгую жизнь, детей и возможность жить в нашем мире.

Мать даже не обращает на него внимания, в отличие от отца. Когда к нам приезжает дядя Иберик, характер у отца всегда становится хуже. Ему не нравится, если кто-то перечит или плохо себя ведет – особенно когда рядом посторонние.

Гнев на лице моего отца вызывает у меня прилив эмоций. Когда он делает шаг к маме, трава у моих ног внезапно становится коричневого цвета. По моим рукам пробегают черные линии. Шипы, каждый разной длины, пронзают кожу.

Когда по траве растекается гниль, отец поворачивается ко мне. Вместо радости, как в первый раз, он крепко сжимает губы.

– Так вот когда проявляется твоя сила? – рычит он. – Ты должен был воспользоваться ею во время тренировки. Вот еще одно доказательство, что ты не прикладываешь никаких усилий.

– Клянусь, я стараюсь, – говорю я ему. Я пытаюсь дотянуться до ноги и стереть кровь, стекающую из порезов на руках, но только рву штаны одним из шипов.

– Тебе нужно учиться, – говорит мне отец и идет вперед. Он проводит взглядом по коротким и длинным шипам, по испачканной порезанной коже. – Ты не имеешь права поддаваться своей магии или дурацким эмоциям, – выплевывает он. – Ты мой сын, и тебе придется научиться использовать свою магию, чтобы я гордился тобой.

А не то пеняй на себя.

Эти слова – негласная угроза.

Я склоняю голову.

– Да, отец.

Он вздергивает подбородок.

– Уводи его в дом.

Не теряя времени даром, мама спешит ко мне. Она хватается за плечо, не изрешеченное шипами, и мы бредем к поместью.

Всю дорогу мы молчим, но в голове громко звучат отцовские слова.

«Тебе придется научиться использовать свою магию, чтобы я гордился тобой».

Потому что сейчас он мной не гордится. Я снова и снова разочаровываю, и он возненавидит меня до конца жизни.

Глаза жжет, но я продолжаю шмыгать носом и силюсь не плакать. Слишком часто я плачу в последнее время. Но все равно слышу в голове слова отца. Я ужасно хотел, чтобы он перестал во мне разочаровываться, и полагал, что как только покажу свою силу, так и произойдет. Но все вышло совсем иначе.

Вернувшись в свою комнату, я молчу, пока меня купают и помогают подготовиться ко сну. Позже мама приносит еду и какие-то флаконы с лекарствами, чтобы очистить мою раздра-

женную, разодранную кожу. Я снова молчу, хотя когда она поливает меня жгучей жидкостью, становится больно. Но шипы хотя бы исчезли, потому спать с ними мне не придется.

Вытерев последние капли крови, мама обхватывает мои щеки руками и заставляет на нее посмотреть.

– Слейд, я хочу, чтобы ты выслушал меня, и хочу, чтобы ты запомнил мои слова. Хорошо?

Я медленно киваю.

В ее взгляде сквозит неистовая любовь.

– Ты мой сын, и я уже горжусь тобой. Каждый день.

Кажется, будто я сейчас разревусь, как младенец, но с трудом глотаю подступивший к горлу ком.

– Но я слабый. Моя сила проявляется только, когда я испытываю эмоции, а отец говорит, что так не должно быть.

– Ты не слабый, – уверенно возражает мама. Когда я принимаюсь спорить, она продолжает: – Необязательно проявлять жестокость, чтобы быть сильным. Необязательно становиться злым, чтобы казаться храбрым. Необязательно смотреть на других свысока, чтобы казаться выше. Если ты испытываешь чувства, это не означает, что ты слабый. Наоборот, ты настолько умен, что позволяешь себе чувствовать.

Когда в глазах щиплет так сильно, что сдержаться уже невозможно, мама вытирает мне щеки большими пальцами.

– Я не хочу быть похожим на него, – шепчу я и смотрю на дверь, боясь, что отец меня услышит, хотя в комнате только мы с мамой. – Я не хочу ломать, заражать гнилью или портить. Я хочу быть хорошим.

На лице матери отражается печаль.

– Ты очень хороший, Слейд. Я каждый божий день тобой горжусь. И не потому, что на руках у тебя шипы, а по венам течет магическая сила. Не из-за крови или статуса, который ты однажды получишь. – Мама кладет руку мне на грудь, накрывая гулко бьющееся сердце. – Я горжусь тобой благодаря этому. Не из-за того, на что ты способен, а за то, кем ты однажды станешь.

– И кем я стану?

Она наклоняется и, убрав влажные волосы с моего лба, целует меня.

– Ты станешь собой. И будешь этим гордиться.

Глава 8

Слейд

Толком не помню, когда и как я заснул. Прихожу в себя, только когда входная дверь с грохотом распахивается, и я, лежа на диване, резко поднимаю голову, изогнув шею. Вижу, Райатт тоже здесь уснул, однако не ведаю, когда он вернулся. Брат подрывается со стула, на котором сидел, согнувшись, а я вскакиваю на ноги, чувствуя, как заходится сердце от столь внезапного пробуждения.

В пещере завывает ветер, и я понимаю, что уже снова стемнело: либо я проспал дольше положенного, либо буря полностью застлала солнце. Заметив копну желтых волос, я замираю.

– Джадд?

– Соскучился? – Стоя в дверях, он трясет головой, как мокрый пес, и в стороны летят капли воды.

Я вздыхаю и тру лицо рукой.

– Мои приказы и впрямь никто не слушает?

Райатт бросает на меня хмурый взгляд и отправляется на кухню.

– Нет, если приказы у тебя дурацкие, – живо отвечает Джадд.

Хочется что-нибудь ударить. Жуть как хочется.

Но потом Джадд отступает, и в комнату заходит худощавый мужчина, одетый в длинное пальто с нашитыми на плечах красными полосами, и закрывает за собой дверь.

Ходжат.

Меня переполняет облегчение, и, вытаращив глаза, я обращаюсь к Джадду:

– Ты проделал такой путь до лагеря, чтобы найти Ходжата и привезти его сюда?

– Ага.

Меня разрывает от удивления, благодарности и раздражения, что сам я до этого не додумался.

– Не за что, – улыбнувшись, говорит Джадд, снимает с плеча сумку и ставит ее на пол.

– Спасибо. – Присутствие Ходжата, который может осмотреть Аурен, немного развеивает сковавшую меня тревогу.

Они заходят в гостиную, а потом Джадд помогает нашему армейскому лекарю снять насквозь промокший плащ, пока Ходжат роется в висящей у него на плече сумке. Я слышу, как звякают флаконы.

– Хорошо, что ничего не намокло.

– Боюсь, другой твоей сумке повезло меньше, – говорит Джадд и показывает на мешок, который мокрой кучей валяется у входной двери.

– Ничего, капитан Джадд, – говорит Ходжат, стряхнув с каштановых волос воду.

Из коридора появляется уставшая Лу.

– Что-то ты долго, – зевая, произносит она.

– Ты же знаешь, как я ненавижу летать, – отвечает Джадд, сняв плащ и повесив его на крючок возле камина, где уже висит наша одежда. – Да еще и сквозь бурю прорваться пришлось. Дождь стал мокрым снегом, а мокрый снег обернулся градом. Ты была когда-нибудь под градом, пытаясь удержаться в обледеневшем седле вместе с лекарем, который боится высоты? – стаскивая сапоги, спрашивает он.

– За последнее время нет.

Он снова трясет волосами.

– Так вот это трудно.

Ходжат хмурится.

– Капитан Джадд, я впервые летал на тимбервинге, – говорит он и легонько вздрагивает, снимая мокрые сапоги. – И летать с вами... не очень приятно.

Лу фыркает. Райатт возвращается с парой оловянных кружек, от которых поднимается пар. Он протягивает их Джадду и Ходжату, которые с благодарностью берут их и хлебают бульон.

Из-за этой шуточной перепалки терпение у меня рвется, как бумага.

– Никто не хочет объяснить, почему вы не вернулись к войску, как я приказал?

Они вчетвером смотрят на меня, как на капризного ребенка, бросая на меня взгляд, так и говорящий «ну ты и устроил».

– Успокойся, – говорит Джадд и, подойдя, хлопает меня холодной рукой по спине. – С войском Оз, и они по его приказу уже выдвинулись. У него все в порядке. К тому же мы с Лу сошлись на том, что тебе понадобится Ходжат. Ради Дигби и ради... – Он замолкает и смотрит на еще лежащую на диване Аурен. – Она до сих пор не проснулась?

Я резко качаю головой.

– Извините, капитан Лу, – шепчет Ходжат и обходит ее, встав перед Аурен. Он внимательно смотрит, и левая сторона его обожженного лица от беспокойства морщится. – Капитан Джадд сказал, что нам нельзя прикасаться к ней в светлое время суток, это правда?

– Правда, – отвечаю ему я. Ходжат – единственный, помимо моего Гнева, кому я безоговорочно доверяю. Лекарь знает немало тайн, и теперь, когда он рядом, мне становится гораздо легче от того, что он может помочь Аурен. – Но она так и не позолотила подушки или чулки Лу. Не знаю, хорошо это или плохо. Возможно, она просто истощила силы.

Ходжат задумчиво хмыкает.

– Ну, уже ночь. Могу я?..

Кивнув, я отхожу, чтобы он внимательно ее осмотрел. Для начала Ходжат шупает ее лоб, проверив температуру, подносит пальцы к губам, чтобы подсчитать вдохи, ощупывает руки и ноги, а после прижимается ухом к груди.

– Ну что?

– Кажется, будто она просто отдыхает. Возможно, и правда потратила слишком много сил, как вы и сказали. Кажется, припоминаю, Ваше Величество, что и вы не раз теряли сознание, когда чересчур злоупотребляли своей силой, – с обнадеживающей улыбкой замечает Ходжат.

– Я оставил в ней частичку гнили, – выпаливаю я. – И не могу ее вытащить. Он смотрит на меня карими глазами, окруженными морщинками.

– По-вашему, это наносит какой-то урон?

На всякий случай проверяю еще разок и качаю головой.

– Ничего такого не чувствую. Гниль просто не покидает ее тело.

Он хмыкает еще раз.

– Вы за этим понаблюдаете?

– Да.

Кивнув, он смотрит на Джадда, а потом снова на меня.

– Капитан Джадд сказал, на спине у нее могут быть раны.

Я каменею.

Джадд поднимает руки.

– Да-да, я многое ему рассказал, но, чтобы помочь ей, он должен это знать.

Я качаю головой, потому что не сержусь на него за то, что он рассказал Ходжату. Я бы тоже так поступил. Я злюсь, что просто лишь перевернул ее на бок.

– Я не мог... – Я прочищаю горло, пытаюсь казаться сильнее, чем чувствую. – Я не про-
верял.

Потому что я трус.

Потому что я не мог этого вынести.

Ходжат не бранит меня, хотя я того заслуживаю. Он просто наклоняет голову, показав на Аурен.

– Лучше, если я сделаю это сам. Наклоните ее вперед, чтобы я осмотрел ее и, если понадобится, обработал раны.

Кивнув, я обхожу диван с другой стороны. Аккуратно беру Аурен за плечи и переворачиваю ее на живот. Ходжат тем временем роется в висящей поперек его груди сумке и достает ножницы. Не теряя времени даром, он осторожно разрезает платье.

Когда ее спина обнажается, с моих губ срывается судорожный вдох. Я слышу, как мой Гнев громко охает, и все подходят поближе, желая рассмотреть. А я не могу. Я словно прирос к полу.

Спина у нее в ужасном состоянии.

Атласные золотые ленты, которые прежде росли вдоль ее позвоночника, как оперившиеся крылья, полностью уничтожены. У нее вырвали все двадцать четыре тонкие полоски, которые ранее шлейфом тянулись за ней. Теперь же на ее окровавленной спине торчали обрубленные лоскуты около одного-двух дюймов.

Ленты Аурен были прекрасны. Бесподобны. Они показывали ее истинную натуру фейри. Они были такими же яркими и живыми, как она. А теперь их срезали, как ветку дерева, отрубили и измельчили.

«Воспользуйся лентами».

«Я не могу».

Я смотрю на обрубки, на запекшуюся на кончиках кровь и замазанную по коже золотистыми брызгами, и глаза наполняются слезами. Кончики лент искорежены и истрепаны, а кожа усеяна синяками. И даже сейчас из некоторых лоскутов сочатся золотые капли крови. Я снова проклинаяю себя за то, что слишком сильно потрянул ее, за то, что сразу не осмотрел ее. За то, что был трусом.

– Черт... – слышу от Джадда.

– Будь проклят этот монстр, – отвернувшись, выплевывает Лу.

У меня же в горле стоит такой ком, что я не могу выдавить ни слова.

– Ладно. – Ходжат, единственный, на чьем лице не отражается злость, ужас и жалость. Он ничего не сказал и не прокомментировал. Нет, он просто непринужденно, методично и без сомнений вошел в роль лекаря.

– Командир Райатт? – говорит он, обратившись к моему брату. Он один из немногих, помимо моего Гнева, знает, что у меня есть брат, который берет на себя командование войском, когда я принимаю облик короля. – Нужно, чтобы вы вскипятили немного чистой воды. – Затем он поворачивается к Лу. – Еще мне понадобится большая рубашка, которую можно завязать или застегнуть на пуговицы. Желательно такого же размера, как у капитана Озрика.

Лу и Райатт тут же расходятся в разных направлениях.

– Вы, – говорит Ходжат, показав на нас с Джаддом, – ей нужна кровать, чтобы ей было удобнее, пока я ею занимаюсь.

– Я уже развел огонь в вашей комнате, – кричит из кухни Райатт.

Кивнув, я осторожно беру Аурен на руки. Джадд идет по коридору впереди меня. Мы проходим в мерцающем свете от висящих на стенах канделябров. Джадд открывает дверь в самом конце коридора и быстро идет к кровати, стаскивает с нее меха и одеяла. В комнате тепло, камин потрескивает и излучает тепло, заливая все успокаивающим оранжевым светом, но запах плесени не уходит, поскольку комнатой давно не пользовались. Прошло немало времени с тех пор, как я останавливался здесь в последний раз.

Не теряя времени, Джадд зажигает фонарь, стоящий на тумбе, и раздвигает плотные коричневые шторы. Мы не утруждали себя установкой окон в Гроуте, пожелав скрыть все происходящее внутри от внешнего мира. Тем не менее комната не кажется очень замкнутой из-за светящегося флуоресцентного камня пещеры, который отбрасывает успокаивающий синий цвет, почти напоминающий сияние звезд.

– Пожалуйста, положите ее на живот, сир, – входя в комнату, говорит мне Ходжат.

Я как можно осторожнее опускаю Аурен на постель, повернув ее голову на бок, чтобы ей было удобнее. В последний момент Ходжат почти отталкивает меня, ставит сумку у изножья кровати и начинает рыться в ней и вытаскивать предметы.

Мы с Джаддом просто стоим и наблюдаем за ним, и тогда он бросает взгляд через плечо.

– Нельзя терять времени. Капитан Джадд, вам нужно снять мокрую одежду. И, боюсь, мне тоже придется что-нибудь позаимствовать, пока не высохнет моя одежда.

– Я этим займусь. – Джадд поворачивается и уходит, а Ходжат смотрит на меня, и между его каштановыми бровями залегает морщинка. – Сир, вы не переодевались из-за шторма?

Я оглядываю себя, гадая, как же он это понял, но моя одежда из черной кожи сморщилась и огрубела, а на материале виден иней.

– Нет.

– Советую переодеться.

С мгновение я нерешительно стою и наблюдаю, как он возится с Аурен.

– Ходжат, все, что с ней...

Он поднимает руку.

– Сир, вы спасли мне жизнь. Храня ваши секреты – это меньшее, чем я могу вам отплатить. Я всегда буду оберегать то, что касается вас и остальных.

Я и так это знаю. Ходжат уже давно заслужил мое доверие. И все же, когда дело касается Аурен, мне нужно успокоиться, потому что моя фейринская сущность вся на нервах. Мне трудно смириться с тем, что, пока она в таком уязвимом состоянии, рядом с ней находится кто-то еще. Слышу поднимающийся по горлу рык и ловлю себя на том, что меня тянет к ней так, словно я хочу отгородить ее от всех.

Мне приходится убедить себя, что это Ходжат. Я доверяю ему свою жизнь и ее жизнь. Поэтому, хоть от желания защитить сердце неистово колотится, я все же заставляю себя кивнуть и отвернуться.

Направившись к двери справа, я вхожу в умывальную комнату, к которой примыкает гардеробная, и замечаю, что в канделябрах уже тлеет масло. Если, по моему мнению, в спальне пахло плесенью, то в шкафу, несмотря на висящие на вешалках сосновые веточки, пахнет еще хуже. Я быстро раздеваюсь и кучей бросаю на пол жесткую одежду.

Натянув чистую пару брюк, мимоходом смотрю в зеркало. Вен гнилой силы стало больше, и они растянулись от груди к животу. Они обвивают руки и спину, раздраженно извиваются вокруг челюсти. Они становятся такими неумными, только когда я слишком долго подавляю гниль. Но сейчас это никоим образом не связано со сдерживаемой мной силой, а связано с женщиной, без сознания лежащей на моей кровати. Это на нее реагирует моя магия, это моя фейская сущность разгоняет силу по венам, как сердце разгоняет кровь.

Словно понимая, куда следуют мои мысли, корни на руках покалывают и дергаются, пока я не сжимаю их в кулаки. Стиснув зубы, я одеваюсь, спрятав эти линии под одеждой.

Когда я, умывшись, возвращаюсь в спальню, то замечаю, что Ходжат уже успел переодеться и теперь усердно трудится. Он заканчивает смывать кровь с лент Аурен осторожными и заученными движениями. Дымящаяся чаша, из которой он черпает воду, полна перемолотых листьев, а вся комната пропахла травами.

В комнату заходит Джадд, неся чистую миску и еще один набор тряпок, и ставит их на тумбу.

– Спасибо, капитан Джадд, – шепчет Ходжат, направив все внимание на Аурен. Мы с Джаддом смотрим, как он наносит на поврежденные края какую-то мазь, а потом осторожно накладывает вдоль спины полоски ткани, прикрывая обрубленные концы. Его нисколько не беспокоят и не смущают ее отличительные черты, его нисколько не беспокоят похожие на ткань полоски, которые он сейчас обрабатывает. Ходжат многое повидал за то время, что провел со мной.

Закончив, он моет руки в чистой миске и поворачивается ко мне.

– Я все очистил. Нужно присматривать за ранами, чтобы избежать заражения. Она должна лежать на животе или на боку. – Ходжат начинает собирать вещи в сумку, сворачивая кусочки сушеных трав и закупоривая флаконы.

– Могу я что-нибудь сделать? – спрашиваю я, презирая себя за беспомощность. Я не привык сидеть сложа руки.

– Дайте ей отдохнуть. Как вам известно, истощение магической силы тяжело может отразиться на организме. – Он снова роется в сумке, вытаскивает сушеный пион и засовывает его под подушку, а потом берет в руки сумку и обе миски. – Если позволите, я пойду к мастеру Дигби и начну его лечить.

– Да, спасибо, Ходжат.

Он отвечает легкий поклон.

– Всегда рад вам помочь, сир.

Когда он уходит, я выдыхаю и засовываю руки в карманы.

– И тебе спасибо, – говорю я Джадду, когда он прислоняется к стене возле камина. – За то, что привез Ходжата. Я должен был сам догадаться.

– Ты был немного занят, – говорит он и зевает во весь рот.

– Иди спать, Джадд. Хреново выглядишь.

Он посмеивается, проводит рукой по загорелому лицу и чешет подбородок.

– Да уж, ты знаешь, как подбодрить мужика. Но ты прав. В нашей компании я самый красивый, поэтому важно хорошенько выспаться. Крикни, если тебе что-нибудь понадобится, мы все расположились дальше по коридору.

– Хорошо.

Кивнув, Джадд выходит, закрыв за собой дверь, а я, хоть и подремал немного, все равно чувствую себя разбитым. Я гашу огонь и, взяв стул возле небольшого стола, придвигаю его как

можно ближе к кровати. Устраиваюсь поудобнее, подперев голову рукой и смотря на Аурен. Она лежит лицом ко мне, и я вожу взглядом по ее расслабленным чертам, по щекам, мягким губам. В свете камина ее кожа сияет, и я, не удержавшись, протягиваю руку и убираю прядь ее волос.

– Отдыхай, Золотая пташка, – шепчу я. – Отдыхай, а потом просыпайся ради меня.

Я засыпаю, сидя рядом с ней и слушая мелодию ее ровных вдохов и выдохов. Это единственное мое утешение. Потому что даже сейчас, когда ее аура еще слабо мерцает, а глаза закрыты, я чувствую, как в ее груди, словно в почве, поселилось семя гнили, пустившее корни.

И оно по-прежнему мне не откликается.

Глава 9

Озрик

Как только я прибыл в Рэнхолд, то сразу же стал уводить войско.

Все происходило в спешке и сумбурно, но терять нельзя было ни минуты. Надеюсь, солдаты отдохнули и в них бурлит энергия, потому что нам пора убираться из Пятого королевства.

Я скачу вдоль строя, сидя на лошади, пока остальные заканчивают сборы. Вокруг слышны крики и лязг, вещи беспардонно кидают в телеги и бочки, палатки сворачивают, а лошадей седлают.

Через десять минут авангард уже в пути. Еще десять – и готова середина. Сейчас я в арьергарде. Конечно, как только последние солдаты начинают движение, колкий зимний буран принимается бахвалиться, заваливая нас снегом и словно пытаясь доказать, что он сильнее.

К черту.

Может, вояки немного и не готовы к скоропалительному уходу, но они сильные. Мы с Лу, Джаддом, Райаттом и Рипом в этом убедились.

Обходя на лошади шеренгу, я побуждаю их поторопиться, и они немедля ускоряются. Меж тем я проверяю, чтобы отставшие от строя тоже успели.

– Кег, все хорошо?! – кричу я.

Он бросает кучку снега на костер для приготовления пищи и тушит его в клубах пара и дыма, а потом кидает котел в поварскую повозку.

– Хорошо, капитан, – откликается он. – Но мне придется ускориться в приготовлении завтрака.

– Уверен, завтрак у тебя выйдет отменным.

Он кладет руку на грудь.

– О, капитан, хотите сказать, что я самый лучший, самый одаренный армейский повар? Я закатываю глаза.

– Приглядишь тут за обстановкой, ладно? Если понадобится, свистни.

Весь следующий час я скачу на лошади взад-вперед, выкрикивая приказы и подбадривая солдат быстрее покинуть Пятое королевство. При иных обстоятельствах я бы дождался, когда

утихнет буря, но я не доверяю королеве Кайле. А учитывая случившееся сегодня в бальной зале, нельзя сидеть сложа руки, пока остальные правители решают, стоит ли на нас нападать.

Раз Рип хочет, чтобы войско вернулось в Четвертое королевство, значит я верну его в Четвертое королевство.

Но небо та еще сволочь. Холодный воздух хлещет в лицо, изливаясь потоками мокрого снега. Земля превратилась в хлюпающее нечто, а пронизывающий ветер продолжает стонать и рыдать, как мелкая сучка.

Ненавижу это проклятое богами королевство.

Думаю, этой ночью все солдаты единодушны со мной в этом мнении, пока мы строим удаляемся от Пятого королевства, а погодные явления только побуждают нас убраться отсюда как можно скорее.

Когда я даю войску приказ остановиться, уже близится рассвет, но по-прежнему бушует буря, безудержно обрушиваясь на нас ледяным потоком.

Вот же зараза.

Горный перевал, где я повелел остановиться, дает возможность хотя бы немного укрыться от ненастья. Солдаты разбивают палатки, чиркают кремнем, чтобы побыстрее развести костер, пока мы все не перемерзли до смерти. Горный склон неплохо защищает от ветра, а если поставить палатки под верным углом, то нас и снегом не засыплет.

Я обхожу периметр, чем неимоверно злю своего коня, пока не получаю от лейтенантов отчет о полной численности, а первый патруль не заступает на дозор. Только после того, как большая часть солдат спешно расходится по палаткам или усаживается вокруг костров, я наконец заканчиваю и веду лошадь в укрытие к остальным.

Как только я слезаю с лошади, ко мне подбегает солдат по имени Химинн.

– Я установил вашу палатку, капитан, – пытается он перекрыть ветер, пока снег хлещет его по обветренному лицу.

– А я продолжаю настаивать, что ты не обязан для меня этого делать, – говорю ему я.

Мальчишка буквально недавно получил звание, вступив в армию только прошлым летом, и с тех пор без устали благодарит за то, что я его принял. Однажды я даже застукал его в момент, когда он начищал мои сапоги.

Он пожимает плечами и улыбается, показав сколотый передний зуб, а потом сразу же хватается за узды.

– Я отведу вашу лошадь к остальным и пригляжу за ней.

– Химинн, – завожу я, но меня прерывает резкий свист.

Солдат пользуется возможностью, чтобы улизнуть с моим скакуном, а я оборачиваюсь и вижу, как ко мне неспешной походкой направляется Кег, в длинные, перекрученные волосы которого вплетены веточки.

– Помнишь, ты сказал свистнуть, если понадобишься?

– Да?

– Что ж, капитан, предложение было дерьмовым, потому что в такую бурю свиста, черт возьми, не слышно.

Я окидываю взглядом обстановку, но на этом узком горном перевале люди и палатки расположились так тесно друг к другу, что даже если проблема и есть, то я ее не вижу.

– Что случилось?

– Лучше сам взгляни.

Прекрасно!

Я иду за ним по извилистой дорожке, и мы с трудом пробираемся через густой снежный покров к лагерю. Я и Кег останавливаемся у костра, где солдаты черпают еду из огромного котла, подвешенного на железных спицах.

– Ты притащил меня сюда, чтобы накормить? – спрашиваю я.

Кег фыркает.

– Нет, но, знаешь, едой я тебя обеспечу.

Он расталкивает солдат, накладывает в две жестяные миски густую похлебку и протягивает их мне.

Я приподнимаю бровь.

– Две-то зачем?

– Скоро сам поймешь, – загадочно говорит он и рукой показывает мне идти вперед.

Вздыхнув, я следую за ним, но горячий бульон выплескивается из миски, обжигая пальцы даже через перчатки. Я шиплю от боли.

– Обязательно было наливать так много? – бурчу я.

– Тебе бы отработать навыки легкой поступи, – жизнерадостно откликается Кег. – В лагере нет лучше ужина, чем это тушеное мясо. Остальные повара, как обычно, чертовски завидуют.

Издав смешок, который больше напоминает рык, я продолжаю идти за Кегом, пока он не останавливается перед палаткой. Он выжидательно приоткрывает полог, и я, замерев перед ним, наклоняю голову.

– Если так ты пытаешься сделать мне предложение, то паршиво у тебя выходит.

Кег запрокидывает голову и громко хохочет.

– Капитан, обижаете! Я тот еще романтик, черт возьми. Если бы я делал тебе предложение, то с ног бы им тебя сбил.

– Тогда тебе стоит знать, что уж скорее я тебя собою с ног своими дурно пахнущими носками.

Он кивает в сторону палатки.

– Заходи, а то из-за тебя дует, и мясо остынет.

Закатив глаза, я быстро вхожу в палатку. Кег опускает за мной полог и уходит, кинув напоследок: «Повеселись».

Нахмурившись, я выпрямляюсь и, как только привыкаю к темноте и теплему воздуху, замечаю женщину, одетую в какое-то парадное платье, которое не стоит надевать при такой погоде. Легкое пальто, что накинуто поверх платья, ни хрена не помогает согреться.

Блондинка встает передо мной и в возмущении скрещивает на груди руки.

– А ты кто такой? – спрашивает она.

Я с недоумением смотрю на нее, а потом на другую женщину, которая спит рядом с ней на паллете. Она белая, как простыня.

– Вообще-то я – капитан этого клятого войска. А ты, нахрен, кто такая? – парирую я, хотя женщина кажется знакомой.

Она поджимает пухлые губы.

– Я Рисса. Сбежав из Рэнхолда, я столкнулась с женщиной по имени Лу. Она сказала, что, если я примкну к войску, ты забереешь меня с собой из Пятого королевства. Лу сказала, что Аурен обсуждала это с тобой – что я могу уйти с вами.

Мысленно возвращаясь к той ночи, когда Аурен рассказала нам о Риссе. О том, как эта стерва практически ее шантажировала. Я тогда еще предложил ее убить.

Я часто предлагаю убивать.

– Да, обсуждала. Златовласая чересчур добра, мать ее, – бурчу я себе под нос.

– Не поняла? – говорит она тем же нахальным тоном.

– Да ты и с первого раза расслышала, – едко отвечаю я и с отвращением гляжу на нее. – Ты ей угрожала, заставила дать обещание в обмен на твое молчание, а Златовласая все равно хотела тебе помочь. Я тогда ответил, что нам стоит попросту тебя убить. Потому что если я что-то и ненавижу, так это предательство.

В ее голубых глазах вспыхивает возмущение.

– Предательство? – Она подлетает ко мне и тычет ухоженным пальчиком в грудь. – Слушай меня, волосатый огромный дикарь. Я наложница, и я женщина. Полагаешь, я обладаю роскошью жить, храня высокие моральные принципы? – выплевывает она. – Что ж, так вот нет. Наложницы дарят необходимое удовольствие, а мы что получаем взамен? Нами повелевают, нас осуждают – и это еще в лучшем случае. Можешь презирать меня, сколько влезет, но я просто пытаюсь выжить. И если для этого мне придется воспользоваться кое-какой информацией, то я не задумываясь это сделаю.

Она шумно и тяжело дышит, ее щеки розовеют. Внезапно мое раздражение трещит по швам, и меня осеняет, что эта женщина действительно чертовски красива.

Боги, будьте вы прокляты.

Как от предложения убить я дошел до такого?

Она выдала такую смелую речь, что я понял: женщина не шутит. Отчасти я даже уважаю ее за это. Я не понаслышке знаю, каково это – когда ты готов на все, чтобы выжить. Почти всю мою жизнь меня ставили перед выбором: быть убитым или убивать самому, и я выбрал жизнь.

Думаю, и она тоже.

Но, пытаясь выжить, нужно выбирать мудро, кому хранить верность. И когда вопрос стоит о моей верности, то я тот еще свирепый ублюдок.

Я провожу языком по деревянному пирсингу в нижней губе.

– Аурен верна тебе, но ты не верна ей. Все просто. Тем, кто не хранит верность, я не разрешаю шествовать с моим войском.

Блондинка напрягается.

– Отлично. – Она поворачивается и начинает запихивать вещи в сумку. Женщину освещает кучка углей, тлеющих посреди палатки. – Мы уйдем. Надеюсь, ты будешь отлично спать, зная, что выгнал двух беспомощных женщин в Пустошь и спас драгоценную совесть, отстаивая свою великую и могучую верность.

Я запрокидываю голову и смиренно вздыхаю.

– Завязывай с этой мученической хренью, – огрызаюсь я. – На меня это не действует. Ты можешь остаться, потому что мы дали Аурен обещание, а я всегда держу слово.

Рисса прекращает собирать вещи, прищурившись, а я стою, как идиот, и держу две миски с горячим тушеным мясом. Я решаюсь протянуть одну из них Риссе.

– Держи.

С мгновение она мешкает, но голод оказывается сильнее неприязни ко мне, потому Рисса встает и быстро забирает у меня еду. Когда она обхватывает губами жестяную миску и начинает аккуратно отхлебывать, я опускаю взгляд на ее рот, и в мыслях у меня всплывают всякие непристойные образы.

Это плохо.

Заставив себя отвести взгляд, я допиваю рагу, громко чавкая и пережевывая, а под конец выдаю громкую отрыжку. Тыльной стороной руки вытерев с бороды капли бульона, я поднимаю глаза и вижу, как Рисса смотрит на меня, наморщив нос от отвращения.

– Тебя что, не обучали хорошим манерам? – ехидничает она.

Я улыбаюсь во весь рот.

– Скоро забудешь об утонченной манере есть, когда познаешь голод и холод. Здесь не нужно производить впечатление на королей и знать. Только на меня.

– Можно подумать, я хотела тебя впечатлить, – парирует она и еще раз деликатно отпивает. – Ты даже в конец моего списка не попадешь. Я выбираю только богатых и чистых.

На сей раз я подлетаю к ней, сократив расстояние между нами парой широких шагов. Она изгибает красивую шею, смотря на меня... Никогда не думал, что чья-то чертова шея меня так заведет.

Черт подери, я слишком долго пробыл в Пятом королевстве. Похоже, от такой погоды я начал сходить с ума.

– Тогда обрадую тебя, Желтый колокольчик.

Она хмурится.

– Желтый колокольчик?

Я пожимаю плечами.

– А ведь подходит. Цветок желтый, как и твои волосы, и так же обманчив, потому что снаружи прекрасен, тогда как на деле является чистым ядом.

Ее взгляд мрачнеет.

– У меня светлые волосы, а не желтые, дремучий дикарь!

Я ухмыляюсь.

– О, значит, отрывок про яд тебя не так возмущает? Интересно.

Она пихает мне миску.

– А теперь уходи.

– Поскольку капитан тут я, то я и буду отдавать приказы.

– Отлично, – бормочет она под нос и, повернувшись ко мне спиной, садится рядом со спящей женщиной.

Вынужден признать: не всякий мужчина осмелится повернуться ко мне спиной, потому меня еще сильнее возбуждает, что это не раздумывая сделала женщина.

Да. Определенно, я чертовски долго пробыл в Пятом королевстве.

– Что это за дамочка?

– Ее зовут Полли, – выпаливает Рисса, взяв тряпку и промокнув лоб женщины.

– Она больна?

– А тебя это волнует?

Я пожимаю плечами.

– Думаю, нет. Но если она будет пользоваться армейским провиантом и услугами лекаря, то мне нужно знать.

Она бросает на меня взгляд холоднее, чем буря, бушующая за палаткой.

– Она не заразна, и мне ничего не нужно – ни от тебя, ни от твоего войска.

– Кроме нашего крова, пищи, защиты...

Я почти слышу, как Рисса скрежещет зубами. Не понимаю, почему меня так возбуждает ее злость, но это так. В ней есть сила характера, и до сей минуты я не знал, что мне нравится это в женщинах.

Снова встав, Рисса поворачивается ко мне с какой-то яростной решимостью в голубых глазах. Упрямо не сводя взора, она снимает пальто, а потом сапоги. Но когда стягивает рукава платья и спускает их с плеч, я отшатываюсь в сторону.

– Какого хрена ты удумала?

– А что? – с беззаботным безразличием спрашивает она. – Разве не этого ты хочешь? Чтобы я заплатила за твои услуги, капитан? Я всего лишь вероломная наложница, потому стоит вознаградить тебя за твою щедрость.

Я стою, как чертов придурок, пока она стягивает рукава и оголяет совершенную грудь, стянутую элегантным корсетом, который так крепко сжимает ее прелести, что они буквально умоляют о свободе и ласке.

Я охренеть как возбужден. Так сильно, что кровь, которая чертовски нужна мне для того, чтобы лучше соображать, отливает в неверном направлении. Мне нужно несколько секунд, чтобы осознать то, что сказала Рисса.

Как только до меня доходит, я становлюсь чертовски злым.

– А ну-ка живо оделась! – рявкаю я.

– Почему? – спрашивает она. – Разве не этого хотят мужчины взамен? Я просто делаю то, что должна.

Рисса стоит в возмущенном потрясении. Тогда я бросаю миски на пол и негодуя иду к ней. Но когда хочу снять с себя пальто, она вздрагивает.

Черт возьми, она вздрагивает.

Как будто ждала, что я ее ударю.

И это злит меня еще сильнее, потому что она реагирует привычным способом, и теперь я понимаю, что ее и раньше били. Наверное, одному из тех развлекающихся с наложницами ублюдков нравилось издеваться над женщинами. Возможно, это был даже сам Мидас.

Зыркнув глазами, я как можно медленнее снимаю пальто и накидываю его на Риссу. Она смотрит на меня, не двигаясь и даже не дыша.

– Может, я и ублюдок, но никогда не воспользуюсь женщиной, – сухо говорю я.

И хотя это Рисса всячески пыталась меня удивить, похоже, теперь ее удивил я. До девушки даже не сразу доходит, что я не раздеваю ее, а наоборот – укутываю в одежду.

Она стискивает пальто изящными пальцами.

– Ты... отдаешь мне свое пальто? – спрашивает Рисса, и теперь ее голос звучит совсем иначе. Он тише. В нем слышится недоумение. Намек на уязвимость за этой колючей наружностью.

– Да, – киваю я и, не удержавшись, бросаю взгляд на ее губы. Чертовски красивые губы. – Я распоряжусь, чтобы вам обеим дали одежду. Нельзя разгуливать по Пятому королевству в чертовом платье и корсете.

Рисса с сомнением смотрит на меня.

– Ты и правда дашь мне одежду?

– Я же так и сказал, нет?

– И... ты не хочешь со мной переспать? – без обиняков спрашивает она, словно не в силах поверить.

У меня вырывается хриплый смешок.

– Этого я не говорил. Я сказал, что не буду пользоваться тобой, – отвечаю я, отчего Рисса хмурится еще сильнее. На секунду я поддаюсь искушению и наклоняюсь к ней. Как и подозревал, она пахнет цветами. – Мы переспим, потому что ты сама этого захочешь.

В ее глазах вспыхивает страстная искра, а потом она тускнеет, и Рисса снова становится раздраженной, надув губы.

– С чего ты решил, что я захочу?

Я ухмыляюсь, а потом отворачиваюсь и поднимаю миски.

– Потому что, Желтый колокольчик, может, ты и ядовита, но тоже уязвима. Что-то в тебе зреет.

– Да, отвращение.

Ухмыляясь, я иду к выходу из палатки и, откинув край, останавливаюсь, чтобы еще разок взглянуть на нее.

– Разве было бы весело, если бы мы ни капли друг друга не ненавидели?

Я выхожу, оставив возмущенную Риссу, но перед уходом замечаю, как она заливается краской.

Долгое возвращение в Четвертое королевство только что стало оправданным.

Глава 10

Слейд

Прошло четыре дня.

Четыре дня, а Аурен даже не пошевелилась. Она тихонько лежит на моей кровати и двигается, только когда Ходжат меняет повязки и переворачивает ее, позволяя телу принять наиболее удобное положение. И хотя солнце поднималось и заходило не один раз, ни одна нитка не стала золотой от ее прикосновения. Ни подушка под ее щекой, ни новые перчатки или чулки. Она не исторгла ни капли силы, и я уже не знаю, что и думать.

Буря продолжала свирепствовать, словно пытаясь отомстить за то, что мы избежали ее гнева. В качестве возмездия шторм теперь решил не покидать эти места вовсе.

Я резко перевожу взгляд на дверь, когда в спальню без предупреждения заходит Райатт. У него сердитое лицо, а зеленые глаза мечут молнии в мою сторону.

– Стучаться не пробовал? – говорю я, хотя спорить у меня совершенно нет сил.

Он проходит мимо разбросанных вокруг меня книг, забытых и откинутых в сторону, потому что сосредоточиться на чтении я не могу. Не могу, когда Аурен продолжает недвижимо лежать на моей постели.

– Тебе нужно покинуть эту комнату.

Я фыркаю:

– Теперь ты отдаешь мне приказы, брат?

– Нет, брат. Я бы не осмелился отдавать приказы великому королю Роту, – огрызается он. – Но ты не ешь, почти не спишь, и от тебя хреново пахнет.

Я закатываю глаза, готовый выпихнуть его из комнаты. С каждым днем мое настроение становится все хуже и хуже, поскольку Аурен не приходит в себя. Я ни на секунду не отходил от нее, держа ухо востро от беспокойства и страха, потому что чувствовать, слышать и думать я могу только о ней.

– Выметайся, Райатт.

Он разочарованно вздыхает.

– Тебе нужно взять себя в руки.

Я с гневом смотрю на него.

– Взять себя в руки? – В ту же секунду вскакиваю на ноги и оказываюсь лицом к лицу с братом. – Думаешь, я не стараюсь держать себя в руках каждую секунду каждого дня? Да это все, что мне остается! – Я стою, вытянувшись в струнку и говоря грубым тоном. – Я готов был сорваться с той же секунды, как мне пришлось применить к ней магию, ты это понимаешь? Я постоянно должен сдерживать свою силу. Я не могу уступить ей. Так что мне нет нужды держать себя в руках. Потому что я не могу ослабить свою магию с тех пор, как прилетел сюда и понял, что Аурен не просыпается.

Райатт замечает мое негодование, но мы частенько вступали в противоборство, и, хотя многие трусили бы, увидев мой гнев, мой брат не из таких.

– Как раз поэтому ты и должен покинуть эту комнату.

Я качаю головой, а шипы пытаются прорваться через рукава рубашки. Даже сейчас чувствую, как самые мелкие из них пробиваются над бровями.

– Взгляни на себя, – с ноткой отвращения говорит Райатт. – Дай посмотрю, насколько все плохо.

Усмехнувшись, я отворачиваюсь и встаю перед камином.

– Кто тебя прислал? Лу? Передай ей, что за меня не нужно волноваться.

– Никто меня не присылал, но мы все устали от твоего дерьмового настроения, – отвечает Райатт. – Теперь дай мне посмотреть.

– Отстань.

– Думаешь, мне самому хочется с тобой нянчиться? У меня и так дел по горло. Посему закатывай эти клятые рукава и дай посмотреть. Я не уйду, пока ты мне не уступишь.

Закипая от злости, я разворачиваюсь и засучиваю оба рукава, лишь бы он только уже ушел. Как только я оголяю руки, Райатт поджимает губы в тонкую линию.

– Вот черт.

Я опускаю рукава.

– Все нормально.

– Ничего тут нормального нет, – возражает он. – Тебе нужно исторгнуть немного силы, пока она не сожрала тебя заживо.

– А как же разведчики?

– Хватит увиливать! Не волнуйся, я разберусь с разведчиками Мидаса. А ты разберись со своей чертовщиной.

– Я не оставляю ее одну.

Райатт подходит к стулу, на котором я сидел, и плюхается на него. В ответ я одариваю его скептическим взглядом. Он даже закидывает лодыжку на колено, подхватывает с пола одну из книг и начинает читать.

– Какого хрена ты удумал?

Он пожимает плечами.

– Я составлю компанию золотой девочке. А теперь проваливай и отрави что-нибудь гнилью, пока не взорвался и не уничтожил весь Дэдвелл.

Я сжимаю руки в кулаки, корни вдоль пальцев извиваются и впиваются в кожу, пытаюсь пронзить ее насквозь, как шипы.

– Не могу. – Пока я остаюсь с ней и смотрю на нее, это единственное, что удерживает меня от срыва. Потому что Аурен еще не пришла в себя. Она еще не оправилась.

Райатт смотрит на меня, и впервые с тех пор, как вошел в комнату, его лицо принимает серьезное выражение.

– Чем быстрее ты успиришь свою магическую силу, тем скорее вернешься сюда, к ней, – говорит он уже не таким язвительным тоном. – Ступай. Я останусь с ней. Клянусь.

Я принимаюсь было качать головой, но брат меня перебивает:

– Слейд, еще секунда – и ты сорвешься. Если будешь и дальше сидеть тут и наблюдать за ней, тебе это ничем не поможет, поскольку, как только она проснется, тебе немедля придется покинуть дом и умирить свою силу. Так что уходи сейчас, пока не взорвался, черт тебя подери!

Я стою, мучаясь от нерешительности. Теперь, когда Райатт так беззастенчиво напомнил о моем напряжении, я больше не могу закрывать на это глаза и делать вид, что все в порядке. Моя сила извивается под кожей, покалывает спину и грудь, цепляется за руки, отчего пальцы пульсируют.

– Ладно, – сдаюсь я и понимаю, что даже полной грудью вдохнуть не могу. – Вернусь, как только смогу.

– Не торопись. Вытолкни как можно больше силы, чтобы через два часа мне не пришлось снова тащить тебя на шторм.

– Там так холодно?

– Снег уже четыре дня идет без остановок, а ветер такой холодный, что задницу за пару секунд можно отморозить.

Я издаю стон.

– Идеально, твою мать. – Подхожу к шкафу и, выхватив первое попавшееся пальто, надеваю его и перчатки, а потом сапоги. – Присматривай за ней, – строго говорю Райатту. – И если она хотя бы пошевелится, пусть кто-нибудь подаст мне сигнал.

Он в насмешку отвечает мне поклон, сидя на стуле.

– Слушаюсь, сир.

– Заткнись.

Он смеется мне вслед, а я впервые за три дня выхожу из спальни и вижу, как в коридоре к стене привалились Лу и Джадд. Заметив их, останавливаюсь, но потом закатываю глаза и продолжаю идти.

– Каким будет следующий приказ?

Лу неслышно идет за мной.

– Если бы Райатту не удалось убедить тебя братской любовью, то следующим по очереди должен был стать Джадд, – хитро ухмыляясь, отвечает она. – Джадд-то умеет подбодрить тебя так, чтобы ты перестал быть козлом и выслушал. А если бы и у него не вышло, тогда вошла бы я и выдала бы парочку старых добрых угроз.

Несмотря на уныние, чувствую, как подергиваются губы.

– Какие угрозы?

– Стану я портить сюрприз. Может, в будущем пригодятся.

Я останавливаюсь у входной двери и, обернувшись, смотрю на них.

– Хотите полетать?

– В такую-то бурю? – Лу поднимает ногу и покачивает пушистой тапочкой. – Только их испорчу.

– Точно. Джадд?

Он морщится и показывает большим пальцем за плечо.

– Мне нужно переложить несколько дров.

– Какая преданность, – сухо замечая я.

Лу машет рукой, а потом уходит в гостиную.

– Приятного похода, желаю поскорее стравить гниль, – кричит она вслед.

Я фыркаю, а потом резко распахиваю дверь и выхожу. Я быстро привыкаю к темноте пещеры, воздух в которой такой студеной, что кажется, будто подрагивает даже голубое свечение.

Чем ближе я подхожу ко входу в пещеру, тем громче бушует шторм. Я останавливаюсь, смотря, как он неистовствует. Ветер заваливает меня снегом, скапливающимся выше колен

замерзшими валунами, предупреждающими о царящей на улице битве. Уже далеко за полдень, но из-за туч, которые плотно закрывают солнечный свет, так и не скажешь.

– Ну точно, мне приходится заниматься этим в такую погоду, – бурчу я под нос, натягиваю капюшон и, засунув руки в карманы, выхожу из пещеры.

На меня в тот же миг вновь налетает ветер, поэтому я слегка наклоняю голову вперед. Я не решаюсь вернуться в центр деревни, – вместо этого поворачиваю направо и огибаю гору.

Снежные хлопья падают неиссякаемым потоком, но, к счастью, кто-то убрал снег с тропинки, пока он не успел завалить ее полностью.

Я иду, опустив голову. Капюшон срывает ветром на каждом шагу, а я тем временем проклиная перепады настроения у своей магии.

Путь к Вольеру лежит через гору, но в такую погоду эту дорогу можно считать самой неудобной. Чтобы добраться туда, мне нужно чуть больше времени, чем обычно.

В конечном счете, я дохожу до зубчатого входа в пещеру поменьше. Он напоминает открытую пасть с клыками, готовыми вонзиться в плоть, – но вот только по-настоящему кусачие звери скрываются внутри.

Как только я прорываюсь ко входу, натиск ветра прекращается, тогда как натиск моей силы словно становится в два раза мощнее. Я стучу сапогами по камню, а потом с хрустом наступаю на лежащую на земле солому. Я оглядываю свод пещеры, расположенный так высоко, что с трудом удастся разглядеть зверей, которые сидят на самом верху.

Струйки голубого света текут ярким и размеренным потоком, а на деревянных насестах спит дюжина тимбервингов. Их гнезда вдоль стен пещеры выполнены в виде огороженных балконов, а сами звери спрятали головы под своими крыльями.

Я иду по пещере, и несколько зверей раздраженно пыхтят, когда я прохожу мимо них. Арго любит устроиться на насесте, что находится на высоте тридцати футов, поэтому я останавливаюсь прямо под ним, скрестив руки на груди в ожидании, когда он проснется. Но он даже не шевелится.

– Я знаю: ты в курсе, что я здесь! – кричу ему я. – Нам нужно прокатиться.

Он не двигается.

Гниль начинает сочиться с моих ног, отчего на соломе появляются темные пятна.

– Арго.

Он, наоборот, еще глубже прячет голову под крыло.

– Слушай, ты спишь уже несколько дней. Хватит с тебя угощений и отдыха.

Наконец Арго высовывает морду и устаивает меня взглядом переливающихся глаз, а потом отрывисто чирикает через острые, как бритва, зубы.

– Да-да, после этого полета ты получишь еще больше угощений. А теперь слезай, пока я не отравил гнилью весь Вольер.

Арго встает с ленивым энтузиазмом кошки, которую прервали во время принятия солнечных ванн. Наконец он соскакивает с насеста и, ловко приземлившись, расправляет крылья, хорошенько потянувшись.

– Приятно вздремнул? – цежу я.

В ответ он проходит языком по острым зубам.

Фыркнув, я иду направо, где хранятся седла и поводья, и начинаю его пристегивать. Закончив, я перекидываю ногу и пристегиваюсь ремнем. Едва я успеваю затянуть его, как Арго стремительно вылетает из пещеры. Как только над нами появляется небо, он раскидывает крылья и взмывает в воздух.

Я хватаюсь за ремень, держась что есть сил и стараясь не сорваться вниз, пока Арго несется навстречу шторму. Капюшон слетает с головы, и в лицо бьет снег. Холодный воздух проходит сквозь одежду и даже кожу. Мне лишь остается держаться за Арго, закрыв глаза и

стиснув зубы. Я промок до нитки, и мне жутко холодно на бушующем ветре, который выражает мне протест.

Когда мы все же прорываемся сквозь облака и Арго выпрямляется, я перевожу дыхание и бросаю сердитый взгляд на покрытую перьями голову зверя.

– Гордишься собой?

В ответ он фыркает, но я-то знаю, что в глазах его появляется самодовольный блеск.

Теперь, когда мы миновали самую свирепую бурю, я натягиваю поводья, указывая путь. Но гниль впивается в пальцы и руки, и я почти теряю хватку, зашипев от боли.

Арго несется по небу, а я тем временем делаю слабые, никчемные вдохи. Ощущение, будто корни удавкой обвиваются вокруг груди, не позволяя сделать полный вдох. Линии хлещут по шее, сдавливают челюсть и бьют по ключице.

Чувствуя на лбу испарину, я стучу каблуком и велю Арго приземляться. Не хочу улетать слишком далеко, но и освободить свою магию близко к деревне тоже не хочу. Мне лишь нужно побыстрее покончить со всем этим и вернуться к Аурен.

Арго приземляется в неизвестном месте, и снежный буран здесь такой же сильный. Я спрыгиваю со зверя и хлопаю его по задку. Он снова взмывает в небо и кружит под облаками.

Я осматриваю унылую белую местность, но область видимости сейчас не более тридцати футов. Расправив плечи, быстро снимаю перчатки, засовываю их в карман, а потом трясую руками и закрываю глаза, сосредоточившись на силе. Затаенная и возбужденная, она раздражительно давит на меня.

Принуждая себя делать вдох-выдох, я убеждаюсь, что достаточно собран, чтобы усмирить пульсирующую по моим венам колоссальную силу.

А потом я выпускаю ее.

Гниль вырывается из меня, как лава извергающегося вулкана.

Я грузно падаю на колени, когда неистовая лавина несется по снегу дьявольскими корнями, которые вот-вот отравят землю. Именно это они и делают.

Сила волнами вытекает из меня, и я чувствую ее всем своим телом.

Выпущенная на волю, она с грохотом вырывается из моих ног и рук, а затем проникает в землю и разлагает ее гнилью.

Разрушает.

Буквально за считанные секунды не остается нетронутой белоснежной равнины. Яд растекается во все стороны, а я стою и отсчитываю секунды, когда моя сила перестанет давить и наказывать меня.

Тело дрожит от того количества магии, что исходит из моего тела, а когда оно наконец останавливает свои бесконечные мучения, я чувствую, что снова могу дышать, поэтому останавливаю поток. Я ломаю его, как соломинку кулаком, пока не вытекает последняя капля гнили.

Усталость охватывает руки и ноги и стекает по спине. Я выдохся. Мутным взглядом осматриваюсь и вижу, как корни в земле застывают и перестают двигаться.

Пытаюсь согнуть дрожащие пальцы и замечаю, что корни силы на моей коже отступили, и я уже не чувствую, как они ползут по моей шее или спускаются по спине. Дорого же мне это обошлось, учитывая, что я стою на зловонной и мерзкой земле, которая отныне мертва и осквернена тошнотворным смрадом.

Вдохнув пару раз, я набираюсь достаточно сил, поднимаю голову и издаю резкий свист. Через несколько секунд спускается Арго, чьи перья покрыты льдом, а пасть испачкана снегом. Он опускается на колени ниже привычного, чтобы я смог забраться ему на спину. Я пристегиваюсь, и зверь тут же взмывает в воздух, даже не клацнув на меня зубами, когда я наваливаюсь на него всем телом. Он таскал меня и в более невыгодных позах.

Уже вечерет, и я смотрю на землю, заметив, что ее оскверняют полосы гнили – по ней будто растекся яд. Арго летит над облаками, закрывая мне обзор. Я хоть и устал, но чувствую невероятное облегчение от того, что высвободил столь долго сдерживаемую силу. Наконец-то я могу вдохнуть полной грудью. Теперь корни на коже вновь превратились в тонкие, безболезненные линии, которые я едва чувствую.

Арго летит обратно в деревню, а я почти не ощущаю ни ветра, ни снега. Когда он приземляется и возвращается в Вольер, я чувствую, что окончательно замерз. Соскользнув с седла и встав рядом с Арго, я чешу ему морду, и он довольно толкает мою руку.

– Хороший зверь, – шепчу я.

Я не чувствую себя плотиной, которая вот-вот рухнет, но соглашусь, что исторжение из себя столько силы зараз – очень изнурительное занятие.

Расседывая Арго, я всячески стараюсь не показывать, каким опустошенным себя чувствую. Когда я расстегиваю пряжку, к нам бежит смотритель Шелби, которого я сперва не заметил.

– Сир, я сам. Только что принес им чем поживиться. Арго сегодня хорошенько отужинает.

Кивнув с благодарностью, я только собираюсь уйти, но замираю, услышав его вопрос:

– Значит, капитан Лу или капитан Джадд вас нашли?

Я медленно поворачиваюсь к смотрителю.

– Нашли?

Шелби выглядит растерянным.

– О, сир, прошу прощения. Пару минут назад они оседлали пару тимбервингов. Я решил, что они полетели за вами.

Меня переполняет страх, и, не удостоив его ответом, я разворачиваюсь и выбегаю из пещеры. Будь все в порядке, они не отправились бы искать меня в такой шторм. Я скольжу по земле, сбегая со склона, но не останавливаюсь, пока не оказываюсь у Грота. В эту секунду меня подгоняют беспокойство и тревога.

Стоит мне переступить порог, как Ходжат чуть не влетает в меня. Лицо, покрытое шрамами, побледнело, а карие глаза испуганы.

– Хвала богам, вы вернулись.

Меня захлестывает такой страх, что из спины вот-вот вырвутся шипы.

– Что случилось?

– Это леди Аурен.

Сердце раскалывается от паники.

Черт побери, я знал, знал, что нельзя было уходить!

– Она пришла в себя? – спрашиваю я, уже шагая по коридору.

– Не она, – кричит он мне вслед, и я, остановившись, пронзаю его свирепым взглядом, – а ее золото.

Глава 11

Королева Кайла

В самом сердце столицы Рэнхолда белеет здание с портиком⁵ высотой в два этажа. Его подпирают крепкие и претенциозные колонны, однако само строение не выглядит внушительным. Здесь и проводят траурные процессии, когда умирают правители Пятого королевства, – вот почему я стою вместе с братом на втором ярусе и наблюдаю за теми, кто собрался внизу.

Отсюда открывается поразительный вид на город и на башни за стеной. Советники Пятого королевства ярусом ниже проводят обряд прощания с почившим принцем Нивеном.

Жители всего города собрались понаблюдать за процессией, хотя большинству все равно ничего не видно. И все же они явились и стоят под натянутыми над улицами пурпурными гобеленами, на которых вышит символ Пятого королевства – зазубренные сосульки. Как иронично – этот королевский герб теперь во всех смыслах отбрасывает тень на своих людей.

Я чувствую, как рядом дрожит мой брат Ману.

– Почему жителям Пятого королевства обязательно нужно проводить прощальный обряд на улице? – стиснув зубы, шепчет он.

– Думается, мы просто не привыкли к здешней погоде.

Он косится на меня.

– То-то ты даже не дрожишь.

Напротив, даже под плотной тканью платья и плаща у меня бегут мурашки по коже, но я никогда не покажу этого на публике. Даже такой невинный жест может быть воспринят как признак слабости, когда речь идет об овдовевшей королеве.

Посмотрев влево, я замечаю на себе взгляды нескольких дворянок Пятого королевства, одна из которых демонстративно вытирает глаза платком, как только слышит звон колокола. Внизу в шесть рядов стоят скамьи: они полностью заполнены – дворяне сидят с прямой спиной и пытаются уловить происходящее на аллее, где покоится в саркофаге тело принца Нивена.

Но в первом ряду, совсем рядом с нами сидит Хаган Фульк. Ему еще только двадцать лет, но этот мужчина с пухлым лицом и выпавшими светлыми волосами, явно не привыкший

⁵ Порттик – прилегающая к зданию крытая галерея с колоннадой.

к формальной одежде, не перестает дергать высокий воротничок. Он, конечно, не очень приятной наружности, но первый родственник покойного короля и наследник престола.

Ну, во всяком случае теперь.

Сначала нам пришлось избавиться от его отца – кузена короля, – но это было несложно. Судя по докладам Ману, он был чопорным, упрямым стариком. Не самый выгодный для нас вариант.

А вот его сын впечатлителен. Застенчив. Без денег и перспектив, он был готов припасть на колени и сделать все, что мы предложим, если получит от нас поддержку, как король. Из него можно вылепить идеального наследника, который будет действовать как в интересах Пятого королевства, так и Третьего, а еще он обладает достаточным количеством магических сил, чем подтверждает право на корону.

Его магическая особенность – непробиваемая кожа, которая в будущем хорошо ему послужит, поскольку некоторые считают, что от него можно легко избавиться. Когда он станет королем, магия наверняка не раз спасет ему жизнь.

Бледное лицо Хагана слегка зеленеет, и я с неохотой тоже обращаю взгляд на принца Нивена. От омерзения при виде тела принца у меня сжимается желудок. Прошло пять дней с тех пор, как он, захлебнувшись ядом, рухнул в бальной зале своего же дворца. Его тело и тогда выглядело плохо, а сейчас выглядит еще хуже.

– Если после того, как я умру, ты выставишь мое тело на всеобщее обозрение, я буду преследовать тебя в кошмарах, – тихо шепчу я.

Словно я ничего не говорила, Ману все так же смотрит вперед с тем же вежливо-сострадательным выражением, с которым мы оба невозмутимо наблюдаем за обрядом.

– Дорогая сестра, знай, что я никогда не устрою тебе таких безвкусных похорон. Я бы выставил тебя напоказ разряженной и блистательной, чтобы ты и после смерти обрела еще больше поклонников и любви.

У меня приподнимается уголок рта, ведь я знаю, что он говорит чистую правду.

– Вот почему тебе я доверяю сильнее всех.

Мы единственные на портике, у кого нет фиолетовой заплаты. Я, Ману и Кеон одеты в традиционную официальную одежду Третьего королевства в кремово-синих тонах. Мои черные волосы подняты серебряными спиралями, а волосы брата, такие же густые и блестящие, как мои, лежат на спине гладкой полночной рекой.

– Бедный принц Нивен, – говорю я громко, чтобы услышали сидящие сзади люди. Некоторые кивают и шепотом вторят мне.

Удивительно, что те же самые люди, которые шептались и посмеивались над избалованным юным принцем, теперь притворяются, будто скорбят по нему. С другой стороны, смерти всегда удается создать неуместное обожание и лояльность. Но убийство? Это совершенной иной уровень фанатизма.

Здесь, в Пятом королевстве, я узнала две истины. Во-первых, тут всегда холодно. Во-вторых, жителям Рэнхолда больше по душе согреться, разводя пламя сплетен. Нет лучше способа поднять дух.

Мне, как Королеве шепота, это на руку.

Слухи о той роковой ночи разлетелись по всему королевству. Позолоченный питомец обманом завладела сердцем Мидаса и украла его силу, а когда он объявил о помолвке, она обезумела от ярости и воспользовалась его магией против него же. Кроме того, девушка заморочила голову королю Роту и уговорила его помочь ей сбежать.

К несчастью для бедного Нивена, его смерть была омрачена более заманчивыми известиями. Например тем, что правитель Шестого царства мертв, а его позолоченный труп приклеен к стене бальной залы в замке Рэнхолд.

Должна признать, все это несколько отдаёт скандалом.

А ещё эти сплетни о Хагане Фульке. Незаметный родственник, который и не помышлял когда-нибудь занять трон. Родовитый холостяк, в ком никто не был заинтересован, почти стал королем. Он до сих пор не может поверить своему счастью и, кажется, ни разу не показал чувств из-за кончины своего отца и принца.

Зачем ему это, если благодаря мне он станет новым королем.

Но не только о них судачит народ. Мое имя тоже обросло слухами.

Для них я – убитая горем королева, которая потеряла жениха и теперь желает объединить раздираемый мятежом Хайбелл, вернув Шестому царству стабильность.

Сплетни пожаром разнеслись по городу. Не сомневаюсь, что уже по всей Орее разлетелись тысячи ястребов с посланиями. Мы с Ману подтвердили, как все было, и теперь, когда прощальный обряд почти завершен, я могу сгонять это жаркое пламя сплетен куда захочу. Пока я у жителей на хорошем счету, могу заполучить желаемое в Шестом царстве и укрепить с ним союз.

По всей аллее гудит певческий голос, ударяя по ушам нежелательной волной. Кеон переминается с ноги на ногу, явно злясь, что нам приходится здесь сидеть, – и мы с Ману разделяем его чувства.

Наконец, раздаётся последний удар колокола, и советники Пятого королевства заворачивают тело принца в тот же пурпурный гобелен, что развешан на улицах. После этого они уносят его под ужасное песнопение, чтобы упокоить в усыпальнице рядом с отцом. На этом обряд заканчивается.

Зеваки на улицах не собираются расходиться. Им хочется посмотреть эту чудовищную процессию, потому что большинство вряд ли когда-то ещё увидит членов королевской семьи, не говоря уже о тех, что прибыли из соседних королевств. Они смотрят, как меня ведут с портика и через площадь. Зовут, когда я прохожу мимо пустого саркофага к своей карете, голубое знамя – единственное, что нарушает цветовую гамму Пятого королевства.

Ману и Кеон идут за мной, и мы возвращаемся к замку долгим и ухабистым путем. Я стараюсь казаться спокойной, когда поворачиваюсь к окну, машу рукой людям, которые выкрикивают мое имя. Они хотят взглянуть на меня. Большинство вспоминают моего почившего мужа, который внезапно скончался. И это довольно забавно, поскольку я не думала о нем с тех пор, как увидела его тело, дрейфующее в море.

Когда мы подъезжаем к замку, я прощаюсь с этим бесстрастным выражением лица, опускаю занавеску на окне и, вздохнув, откидываюсь на спинку.

– Как ужасно они почитают усопших. Не понимаю, почему жители Пятого королевства придумали такой бестолковый и нелепый обряд. Их традиции сильно уступают нашим.

– Ничего скучнее в жизни не видел, – говорит Ману, расставляя ноги шире, насколько позволяет тесное пространство. – Только представь: умираешь мучительной смертью у всех на глазах, а потом королевство выставляет твоё разлагающееся тело напоказ. Все, умирая от скуки, пытаются взглянуть на твой труп и слушают, как кучка стариканов звонит в колокола и три часа подряд воет. – Его передергивает. – Истинная трагедия – это их пение.

Кеон бросает на него косой взгляд, но я хрипло смеюсь.

– Итак, сестра, – говорит Ману, обращая внимание на меня. – Собрала что-нибудь интересное?

Он говорит о моей магии. Ману хорошо известно, что я всегда пользуюсь своей силой, будь то на публике или в уединении. Моя магия извлекает шепот, как пчела, собирающая пыльцу. У меня в голове постоянно звучат голоса, и я выбираю нужные, чтобы позже использовать их во благо для себя.

– Ничего, что не было бы нам известно, – признаюсь я. – Нивена любили только потому, что он от рождения был принцем и был молод. Но теперь все изменилось. Они ведут себя так,

словно он их любимый юный принц, а еще с готовностью признали, что леди Аурен обманом заставила Ревингера убить Нивена или же отравила его сама.

– Хорошо, – грохочет Кеон, его голос всегда звучит на октаву ниже, чем у моего брата. – Хотя, подозреваю, теперь мы никогда не узнаем, был он отравлен или сгнил. Состояние его тела...

Я невольно морщусь нос, вспоминая испещрявшие его тело чудовищные вены, выпученные глаза и рот, из которого шла пена...

– Да, его труп был не самой приятной картиной, – говорит Ману, теребя серебристые пуговицы на жилете. На кремовой ткани вышиты элегантные волны, а единственный яркий акцент в наряде – лазурно-синий галстук на шее.

Если бы мне только удалось заполучить тайные записи Мидаса. Мы обыскали его покои, у меня наготове даже был личный расшифровщик, но его записную книгу нам так и не удалось найти. Наверное, он спрятал ее под рубашку, и теперь она превратилась в слиток золота, как и все его тело.

Все напрасно.

Какое-то время мы едем в тишине, но даже тогда я прислушиваюсь к чужому шепоту, который надежно хранит в памяти моя сила.

– Ты подготовил Хагана? – спрашиваю я Ману.

– Конечно. Мы были на многих коронациях. Он знает, что делать.

– Идеально.

Все встает на круги своя.

Все наши планы успешно воплотятся в жизнь. Мы передаем информацию, я отслеживаю слухи, мы выбрали наследника, и вскоре Пятое королевство будет в надежных руках, а я смогу сосредоточить свои силы на Шестом царстве. Там царит бунт, и нет монарха, который бы его подавил. Столица Хайбелла разграблена, дворяне сбежали. Мне нужно оказаться там гораздо скорее, пока трон не попытались захватить те, кто обладает магической силой. Удивительно, как до сих пор этого не произошло.

Когда карета останавливается, я поправляю юбки, а лакей открывает нам дверь. Встав напротив замка, я обвожу взглядом брызги затвердевшего золота на его фасаде. Плотники трудились днями и ночами, когда снимали потяжелевшие старые двери. Они их разрубили на щепки и установили новые – легкие и неуместные в сравнении с древней каменной кладкой серого цвета. И все это еще дополнено вырвавшимся золотом, завитки которого прилипли к стенам и к лестнице.

Оказавшись в замке, я поднимаюсь в свои покои, и служанки быстро облачают меня в шелковое платье с низким квадратным вырезом на груди и с рукавами, расшитыми алмазами. Подготовившись к церемониальному ужину, я встречаюсь в холле с Ману и Кеоном, которые тоже успели переодеться.

– Готова? – тихо спрашивает Ману.

– Да.

С нежной улыбкой я устремляюсь вперед, расправив плечи. Прохожу мимо пурпурных флагов, свисающих со стропил, и сверкающей на потолке десятиконечной звезды. Когда я подхожу к обеденному залу, меня встречают запах сладкой еды и гнусавые голоса.

Мы заходим – разговоры тут же стихают, и все низко кланяются мне. Поскольку в Рэн-холде теперь я самая главная персона до коронации Хагана, то занимаю место во главе стола. Ману и Кеон садятся слева от меня, а Хаган – справа.

Весь следующий час я одобрительно киваю будущему королю и слушаю, как советники рассказывают о сегодняшних обрядах, проведенных в честь принца. А также внимаю бесконечным историям о Нивене, когда он был мальчишкой и устраивал в конюшне скандалы. Вместе с тем пью приторное вино и ем чересчур сладкую пищу – и все с любезностями или с улыбкой.

Наконец, когда тарелки убирают, я встаю.

Советники поочередно замечают это, и вскоре в зале повисает тишина. Даже слуги, убирающие со столов посуду, замирают. Сложив перед собой руки, я оглядываю каждого мужчину, сидящего за столом. В совете Пятого королевства нет ни одной женщины.

– Я хотела бы воспользоваться моментом, чтобы выразить благодарность за то, что смогла присутствовать на поминальной процессии покойного принца. Верю, что вы все по праву почтили его дух.

Они склоняют головы в знак согласия и раздуваются от гордости.

– Теперь, когда его проводили в последний путь с таким почетом, завтра мы можем короновать нового наследника, Хагана Фулька, – говорю я, показав на него и увидев, как его щеки покрываются красными пятнами. – Я знаю, что вы вернете незыблемость Пятого королевства. Пока я правлю, Третье королевство всегда будет вашим союзником.

За столом разносятся тихие хлопки, мои речи одобряют, а Хагана уже начинают умасливать.

– В этом зале, где сидел принц, царь Мидас позолотил этот стол. – Я провожу пальцами по блестящей поверхности, вспомнив, что золото растеклось по ней, а потом затвердело. Но это золото, как и все остальное в замке, в тот же день растворилось в той бальной зале, мстительно перекинувшись на стены.

Я смотрю на остальных печальным взглядом.

– Два монарха были жестоко убиты, – продолжаю я, получив удовольствие от того, как некоторые вздрагивают от столь резких слов. – Обоих убили те, кому, как они считали, можно было доверять. Дражайшего принца и царя Мидаса, которого предала его фаворитка. Той ночью я потеряла жениха.

Я заставляю свои губы задрожать, а глаза заблестеть. Все в зале внимают мне. В комнате так тихо, что можно было бы услышать даже падение булавок.

– Сейчас как никогда важно, чтобы мы объединились. Чтобы мы поддержали Хагана, а остальная Орея выступила против золотой предательницы. – Вижу, как Хаган решительно кивает, пытаясь вести себя, как подобает королю. Однако получается это слишком неестественно. – Леди Аурен сбежала из королевства и пытается обмануть короля Рота так же, как обманула царя Мидаса. Потому я хочу созвать королевское Слияние.

В ответ на мое заявление по зале проносятся удивленные возгласы.

Я опираюсь руками о стол и смотрю на каждого.

– Леди Аурен пора ответить за свои преступления.

Глава 12

Слейд

Порой, когда в теле ключом бьет энергия, двигаешься, не отдавая отчета в своих действиях. Эта сила берет верх, и не остается ничего иного, кроме как действовать.

Так что я ведать не ведаю, отвечу ли я хоть что-то Ходжату, когда он говорит, что золото Аурен пришло в себя. Даже не помню, как добегаю по коридору до своей комнаты.

Но стоит мне переступить порог и лицом к лицу встретиться с тем, что там происходит, как я вздрагиваю всем телом.

Одеяла теперь не черного цвета, а меха не коричневые. Вообще-то я их совсем не вижу. Кровать покрыта лужей блестящего жидкого золота, а в центре лежит неподвижное тело Аурен, которое плавает в нем, как лист кувшинки в пруду. Из ее кожи струйками медленно вырывается сила, стекая с тела и покрывая его золотыми каплями росы. Из каждой поры сочится пот, пропитывая ее чулки и рубашку.

Райатт стоит в стороне, а услышав вырвавшийся из моего горла рык, лихо поднимает руки.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Понятия не имею. Я присматривал за ней, как ты и сказал, и вдруг из нее стало вытекать золото, но я не смог ее разбудить.

Через мгновение оказываюсь подле нее и окидываю взглядом ее фигуру.

– Аурен. – Мой зов к ней пронзает меня насквозь, но она не просыпается. – Аурен, ты меня слышишь? – Золото продолжает вытекать из нее в таком же спокойном темпе, каким кажется и ее лицо.

Кровать медленно, но неизменно поднимается, когда жидкий металл начинает переливаться и капать на пол. Золото ничего не золотит – только собирается лужицами, словно вода, капающая с крыши. Я вожу руками над Аурен, снова и снова окликая ее по имени.

– Вам нельзя к ней прикасаться, сир, – с порога говорит Ходжат, не решаясь войти в комнату. Похоже, даже мой невозмутимый армейский лекар понимает, что стоит опасаться ее магии.

– Черт!

Из-за того, что я не могу к ней прикоснуться, меня пронзает разочарование.

Развернувшись, я кидаюсь к двери и несусь по коридору, и Ходжат отпрыгивает в сторону. Я врываюсь в первую спальню рядом со своей, которая принадлежит Райатту, и стаскиваю с кровати все одеяла, а потом бегу обратно к Аурен.

– Что ты задумал? – спрашивает Райатт.

– Я должен вытащить ее отсюда, увести подальше, если вдруг она начнет покрывать золотом всю чертову деревню, – отвечаю ему я, бросив одеяла на пол, а потом накинув на руки два самых толстых из них. Это рискованно даже в перчатках, но золото, похоже, не собирается останавливаться. Оно не превращает предметы в твердое золото, не золотит ткани на кровати. Нет, золото просто вытекает из Аурен и держит ее на плаву.

Но в любой момент все может измениться. Золото может начать движение, наброситься, атаковать.

– Райатт, – обращаюсь я, и брат тут же оказывается рядом.

– Понял, – мрачно кивнув, говорит он, а потом, словно прочитав мои мысли, хватается одеяло и так же накрывает им свои руки. – Готов? – спрашивает Райатт.

Я киваю ему, и он подходит к Аурен.

– Соблюдай осторожность даже с перчатками и рукавами, – предостерегаю я. – Не знаю, как поступит золото.

Райатт с абсолютной уверенностью осторожно перекачивает Аурен, воспользовавшись одеялом как барьером. Как только он передвигает ее, скопившаяся жидкость ручьем стекает с края кровати.

– Осторожно! – кричит Дигби и подбегает еще с одним одеялом, чтобы набросить его на растекшуюся по полу жидкость.

Райатта не пугается, даже когда тягучая субстанция выплескивается ему на сапоги. Он поворачивает Аурен, вытаскивая ее из глубин растекшегося золота, и я сразу же устремляюсь ему на помощь. Накрыв Аурен не одним слоем одеял, я подхватываю ее на руки. Но кажется, будто золото, не желая разлучаться с ней, пытается пристать к ее неподвижному телу, как мед к пальцам.

– Сир... – взволнованно начинает Ходжат, но осекается, когда Дигби для надежности накрывает Аурен еще одним одеялом, и теперь видно только ее лицо, покрытое золотыми капельками пота.

Не мешкая, чтобы золото не успело отреагировать на то, что я взял ее на руки, я выбегаю из спальни и несусь по коридору, а Дигби, прихрамывая, пытается не отстать от меня.

– Куда ты ее несешь?

– Как можно дальше. – Когда я оказываюсь у входной двери, Ходжат уже распахивает ее передо мной.

– А нам что делать?! – кричит мне в спину Райатт.

– Следите за золотом. Если оно начнет растекаться, валите из Грота нахрен и эвакуируйте селян, – кричу я. – Если она не сможет его остановить, здесь будет опасно.

– Но ты тоже окажешься в опасности, – говорит Райатт, но мне некогда отвечать. Я выбегаю из дома и слышу, как за мной закрывается дверь.

Очертя голову, я выбегаю на бурю и на долю секунды задумываюсь, куда пойти, а потом сворачиваю направо. Вот только теперь я иду не к Вольеру. Золото уже начало впитываться в одеяла, потому я не смогу уложить ее на Арго. Золото может напасть на него, а если это произойдет в небе, мы все погибнем.

– Аурен, проснись, – говорю я ей.

Полутьма хватается за небо так же крепко, как и я обхватываю ее. Я изо всех сил стараюсь как можно безопаснее прижимать ее к груди, принимая на себя удар ветра и снега. У нее на лбу выступает еще одна струйка золотистого пота, и от паники к горлу подступает ком.

– Слушай мой голос. Ты должна слушать меня и проснуться.
Может, это ветер завывает, но, клянусь, я слышу стон.

– Аурен?

И теперь я точно знаю, что мне не послышалось – я буквально чувствую, как из ее груди вырывается стон. Он звучит страдальчески и измученно, и Аурен легонько хмурится.

Сердце подскакивает к горлу, и дышать становится все труднее. После потери сознания Аурен не издала ни единого звука, не поменялась в лице.

Я бегу в крутую гору мимо насеста тимбервингов. Миную ряд покореженных деревьев, где обрывается дорожка, выложенная камнем, и заканчивается расчищенный участок. С трудом пробираясь через снег высотой в три фута, я иду вдоль подножия горы.

– Постарайся проснуться, Аурен.

Каждый фут расстояния, который я проложу между нами и деревней, может стать вопросом жизни и смерти. Понятия не имею, что случится, если ее золото проснется полностью, но есть у меня предчувствие, что это только начало.

Я с трудом дышу, пытаюсь бежать по глубокому снегу, и пару раз чудом не падаю. Только благодаря исключительному упорству я крепко держу Аурен, карабкаюсь в гору. С каждой секундой одеяла становятся тяжелее, и я чувствую, как ткань все больше пропитывается золотом и тяжелеет.

От порыва ветра мерзнут уши, а из-за карающего снега почти ничего не видно. Но наконец я добираюсь до поворота, и в то же мгновение золото, уже не сдерживаемое слоями ткани, начинает капать на землю. Струйки вырываются из-под одеял, приземляясь брызгами на снег, а Аурен начинает дрожать. Теперь у нее постоянно вырываются болезненные стоны, а по телу пробегает дрожь, но, кажется, причина не в холоде.

Когда хватаюсь за нее покрепче, руки в перчатках становятся липкими. Золото уже не просто капает, как масло, а пропитывает ткань, позолотив каждую ниточку и продолжая стекать с кожи Аурен. Не знаю, сколько еще до наступления темноты, но небо темнеет, хоть и не очень-то быстро.

– Черт!

Добравшись до излома в склоне горы, я почти ныряю в расщелину. Как только мы оказываемся в ее светящихся глубинах, укрывшись от бури, я встаю на колени на каменистую землю и опускаю Аурен.

Испачканными золотом перчатками я разворачиваю одеяла, и ее тело тут же начинает трястись. Из нее изливается густое, как сироп, золото, и собирается на земле. Оно уже не капает так медленно и ровно, а льется потоками, хватая и ошупывая все вокруг, – будто ища, кого бы можно изувечить.

Оно впитывается в ткань моих брюк, пока я стою на коленях, и начинает ползти ко входу в пещеру. Когда Аурен бьется в конвульсиях, я пытаюсь ее удержать, но от страха в груди заходится сердце, а в ушах стоит звон. Если она не проснется, если ночь ее не остановит, то ее золото доберется до деревни...

Когда я обхватываю лицо Аурен рукой, моя перчатка липнет к ее щеке.

– Золотая птишка, просыпайся. Ты должна проснуться!

Ее сила бьет ключом, аура становится переменчивой, а меня захлестывает такая сильная паника, что, похоже, я и сам начинаю дрожать.

– Я больше не буду травить тебя гнилью, слышишь? Проклятие, я больше не стану этого делать. Так что просыпайся!

Аурен приоткрывает рот и издает крик, который эхом разносится по пещере. Золото словно огрызается в ответ, взбирается на стены и проникает в их голубые прожилки, лишая нас слабого свечения.

И все же от громкого крика Аурен и потока силы ее аура внезапно возвращается к жизни, становясь ярче, чем за последние дни. Мне приходится прищуриться, но потом она снова почти гаснет, и в груди у меня замирает сердце, не давая сделать столь нужный вдох.

Золото извивается, устремившись к Аурен, словно желая поглотить ее полностью, пока до нее не добралось что-то еще.

– Аурен! – кричу я и трясую ее за плечи. – Просыпайся!

А потом я пячусь назад, потому что Аурен слишком резко распахивает глаза.

Я с изумлением выдыхаю:

– Аурен...

Вижу, как расширяются у нее зрачки. Вижу, как мерцают золотистые глубины ее радужек. Золото вокруг Аурен полностью застывает и перестает капать. Перестает растекаться. Возможно, наступила ночь, и теперь золото наблюдает за мной так же пристально, как и она сама.

В виске стучит кровь, но я даже пальцем пошевелить не осмеливаюсь. Я сижу как вкопанный, прислушиваясь к интуиции.

– Золотая пташка? – спрашиваю я.

Но я быстро нахожу ответ сам – в ее глазах.

На меня смотрит не совсем Аурен.

Я успеваю лишь вдохнуть воздуха, потому что в следующую же секунду она нападает.

Глава 13

Слейд

Огромные завитки жидкого золота вырываются, обвиваются вокруг меня веревками, а потом откидывают прочь. Они с такой силой вбивают меня в зазубренную стену, что в глазах темнеет. Я падаю на бок, охнув от боли, но только благодаря бесконечным тренировкам снова вскакиваю.

Меня охватывает чувство дежавю, потому что в двадцати футах от меня стоит Аурен, а за ее спиной позолоченным гребнем вздымается волна. Аурен часто дышит, сжимая кулаки, из которых сочится золото, и внимательно следит за мной прищуренным взглядом.

– Аурен.

Я пытаюсь осторожно шагнуть к ней, но из ее горла вырывается рык. Я провожу оценивающим взглядом по ее телу. Когда делаю шаг, она вытягивает руку и хлыстом бросает в мою сторону веревку клейкого золота. Но оно меня не трогает, потому что пока это всего лишь предупреждение.

Я ухмыляюсь, а она подозрительно прищуривается.

О, Золотая пташка, я тебя вижу.

– Итак, ты наконец-то проснулась, – будничным тоном говорю я, мельком посмотрев на зависший в воздухе золотой хлыст, готовый в любой момент нанести удар. – А ты вовсе не жаворонок, да?

Сквозь стиснутые зубы у нее вырывается еще один рык.

– Я так и думал. Все нормально, Райатт ведет себя еще хуже. Хотя, – задумчиво произношу я, бросив взгляд на темнеющий вход в пещеру, – сейчас все равно ночь.

Медленно и неспешно я делаю шаг влево, обходя ее. Я сохраняю между нами ту же дистанцию, но Аурен двигается вместе со мной. С ее тела больше не сочится золото, но оно собралось вокруг нее.

За ней простирается золото, в котором отражаются ее движения, и оно колышется, как морская волна. Но мое внимание приковано к Аурен и ее ауре, мерцающей вокруг ее силуэта.

– Ты знаешь, сколько дней проспала? – спрашиваю я тем же убеждающим тоном. – Лежала на кровати, не просыпалась, не ела. Готов поспорить, ты, наверное, чувствуешь небольшую слабость.

Как только я произношу «слабость», гнев прорывается сквозь золото, и она с силой швыряет его в меня. Но теперь я готов и успеваю увернуться от липкого хлыста до того, как он наносит удар. Золото ударяется о камень и разлетается брызгами.

Я цокаю языком:

– Не очень-то вежливо.

Ее лицо искажается в злобном оскале.

– А, понимаю, – беззаботно говорю я и стаскиваю испачканное пальто, уронив его на землю, а потом медленно закатываю рукава. – Вежливой ты быть не хочешь. Ты хочешь драться.

От одной этой мысли тело мое меняется: кожу предплечья и позвоночник пронзают черные шипы. Они обрамляют мои брови, и я касаюсь языком клыков, которые теперь торчат из рта. Аурен пристально следит за моим изменением, как зверь, оценивающий другого хищника. Я с заостренными ушами и полоской серой чешуи на скулах дарю ей улыбку истинного фейри.

Аурен тяжело дышит, а тело ее так напряжено, что кажется, будто она – туго натянутая струна. Аурен не станет слушать мои увещания вновь стать собой. Нет, она только и ищет повода сорваться.

Вот почему я поднимаю руку и жестом приглашаю ее подойти ближе.

– Если хочешь драться, то дерись со мной.

Большого приглашения ей и не нужно.

Аурен разводит руки в стороны, и золотая волна за ее спиной раскалывается. Потом она хлопает в ладоши, и золото повторяет ее движения, но я падаю на колени и откатываюсь в сторону до того, как оно врежется в меня. Аурен отлично фокусируется на битве. Она не истощает свои силы, как в замке Рэнхолд, и ее аура держится плавно, хотя Аурен не совсем в себе.

Но мне тоже кое-что известно о двойственности характера.

– Это все, на что ты способна? – отскочив назад, провоцирую я.

Она разворачивается ко мне, испепеляя взглядом. Золото двигается вместе с ней, отбрасывая ее волосы назад, закручиваясь перекошенными волнами, и встает рядом в позицию нападающего хищника. Сжав кулак, Аурен направляет его в мою сторону, пытаюсь меня изувечить. Я отпрыгиваю, но не слишком быстро, и от силы удара оно брызжет на меня. Вижу, как горят ее глаза, как напряжена челюсть, и в ответ ухмыляюсь.

Аурен снова и снова направляет на меня волны. Но я не только проворен, но и прекрасно ее знаю. У меня получается предугадывать каждое ее движение. Я успеваю понять, что она сделает в следующую секунду, и увернуться от золота до того, как оно в меня врежется.

Каждый раз, как Аурен пытается уложить меня на лопатки, я выскальзываю из ее золотых объятий и, посмеиваясь, кружу вокруг нее. Золото держится наравне, одновременно со мной ударяя о землю и выгибаясь дугой. Аурен явно злится, судя по тому, как она хмурит брови и почти не моргает. Но она так непринужденно владеет своей силой, что выглядит, черт возьми, великолепно.

Увернувшись от еще одного летящего в мою сторону всплеска, я с улыбкой вытираю с щеки брызги.

– Если хочешь нанести удар, нужно быть быстрее, – издеваюсь я.

Она с досадой кричит и меняет тактику. Теперь Аурен разделяет переливающуюся волну на сотню гнущихся канатов и обрушивает их на меня, как хлысты. Я пригибаюсь, но одним хлыстом она попадает мне в живот и впечатывает в камни.

От удара я кряхчу и, сверкая глазами, замечаю ее реакцию. Она довольно приподнимает уголки губ, но, заметив, что я тоже одариваю ее быстрой ухмылкой и вскакиваю на ноги, тут же перестает улыбаться.

– Уже лучше, Золотая пташка. Но, может, оставишь золото и ударишь меня как следует? – вкрадчивым тоном произношу я.

Растерявшись, она недоуменно смотрит, а потом в гнев поджимает губы. Золото по одному щелчку ее пальцев тут же теряет форму и падает на землю, растекаясь под подошвами моих сапог. Золото мгновенно затвердевает, и хотя толщиной оно всего около дюйма, этого хватает, чтобы пригвоздить меня к земле.

Умная девочка.

Теперь, когда я увяз в золоте, Аурен подходит ко мне, довольно покачивая бедрами. Когда она останавливается напротив меня, в ее глазах появляется блеск. Любой, кто оказался бы на моем месте, в штаны бы наделал от страха. Или хотя бы попытался вылезти из сапог и убежать. Ну а я? Я только завелся. И не схожу с места.

– Ты великолепна, когда слетаешь с катушек, – говорю я ей.

И прижимаюсь ртом к ее губам.

Ее рот теплый и податливый, а еще покрыт золотыми каплями, и я, не сдержавшись, пробую их языком. Всего секунду мы касаемся губами, а потом Аурен отпихивает меня, и затвердевшее золото снова становится жидким. От ее силы я отшатываюсь, чувствуя, как золото плещется вокруг моих голени.

Аурен шумно дышит и кажется еще более сердитой. Она подносит пальцы к губам, и ее золотистые глаза вспыхивают. Мгновение она просто злобно смотрит на меня, пока золото колышется у наших ног.

Ну же, Золотая пташка.

Готовясь к следующему удару, я собран, но держу себя непринужденно. Аурен опускает руку, и я устремляю взгляд вниз, на золото, в ожидании, что оно снова атакует.

Вот почему я совершенно застигнут врасплох, когда Аурен набрасывается на меня. Я напрягаюсь, почувствовав, как с силой она врывается в меня, вынудив сделать шаг назад, чтобы устоять.

Спустя мгновение я понимаю, что это совсем иное нападение. Аурен больше не пытается меня ударить. Она пытается меня поглотить.

Когда она набрасывается на мои губы, я приоткрываю рот и обхватываю ее за бедра, которыми она обвивает мою талию. Но теперь Аурен не отталкивает меня, а запускает руки мне в волосы и, требуя большего, с силой притягивает к себе. Когда я сплетаюсь с ней языком, Аурен стонет, но теперь не от боли или досады, а от истинного восторга и наслаждения.

Черт возьми, как сексуально.

Когда она с такой силой кусает меня за нижнюю губу так, что та трескается, я отстраняюсь и встречаюсь с ее вызывающим взглядом. Аурен снова пытается прикинуться ко мне с поцелуем, но я поднимаю руку и, запустив пальцы в ее волосы, слегка дергаю, удерживая ее на месте. Она рычит в ответ, и я ухмыляюсь.

– Давай поиграем, Золотая пташка, а потом я буду целовать тебя сколько захочешь.

В глазах Аурен вспыхивает предупреждение, и спустя миг она вскакивает на ноги, а я оказываюсь прижатым к стене пещеры ее золотом. Оно не настолько жидкое, чтобы проникнуть под мою одежду, но настолько твердое, что удерживает меня на месте. Аурен стоит напротив, горделиво выражая торжество. Я же будто насекомое, что запуталось в нитях паутины.

– Очень хорошо, – хвалю я.

Она довольно ухмыляется и проводит рукой по моей шее, размазывая золотые полосы по коже. Аурен словно помечает меня, что чертовски нравится моей фейрской сущности.

Проведя пальцем по заостренным шипам над моими бровями, Аурен наклоняется и прижимается губами к моей шее. Я с трудом сдерживаю стон.

– Появись, Золотая пташка.

Она касается моей щеки нежной и теплой рукой и поворачивает мою голову, чтобы я на нее посмотрел.

– Вернись, детка, – мягко говорю я, а потом протягиваю руку и обхватываю пальцами ее подбородок, проводя большим пальцем по щеке. – Вернись ко мне.

В ее глазах что-то мелькает. Будто искорки мерцающего света. А потом Аурен моргает, и внезапно выражение ее лица меняется.

На меня, словно удар кулаком в грудь, обрушивается несомненное и подлинное облегчение.

– А вот и ты.

У нее перехватывает дыхание. Аурен приоткрывает губы, сосредоточив на мне взгляд, а потом шепчет:

– Слейд.

– Я здесь. И ты здесь.

Она неторопливо вдыхает, а затем прижимается своим ртом к моему. В один миг ее хватка над магией как будто разлетается, и золото выплескивается на землю, забрызгав нас обоих.

Но она словно этого не осознает. Аурен пытается залезть на меня, будто не может вынести, что между нами есть сколько-нибудь расстояния. Я прячу шипы под кожу, но все во мне буквально вспыхивает. Волнение и смертельный страх растворяются в скопившемся у наших ног золоте, и их сменяет грубое желание.

Потому что она проснулась. Она жива. Она теплая, извивается и прижимается ко мне телом.

Слава, нахрен, богам.

Аурен отрывается от моих губ и судорожно вздыхает:

– Мне нужно...

– Что тебе нужно, Аурен? – спрашиваю я, царапнув клыком ее шею. Она хватается меня за горло, обвив ногами талию, а я придерживаю ее под бедра, сжимая ягодицы.

– Ты, пожалуйста. Мне нужно. Сейчас мне нужен ты.

Аурен опускает руки к завязкам моих брюк и тут же их развязывает. Эта картина так отличается от нашего первого раза, когда она вела себя смущенно и неуверенно. Однако из головы вылетают все мысли, когда Аурен запускает руку в штаны и сжимает мой член.

– Черт.

Она быстро и иступленно водит по нему ладошкой, словно отчаянно нуждается во мне и отчаянно хочет сбежать.

– Мне нужно, чтобы ты заставил меня чувствовать.

От ее прикосновений в паху появляется напряжение, и в голове только мысли о том, как бы побыстрее войти в Аурен и дать ей то, что нужно.

Я ставлю ее на землю, и золото брызжет вокруг нас.

– Что ты делаешь? – протестующе рычит она.

Я хватаю ее за подбородок и заставляю посмотреть на меня. Без слов протягиваю другую руку и стягиваю с нее чулки, оставляя рубашку, что едва прикрывает нижнюю часть.

Она ахает, но, когда я обхватываю ее рукой между ног, вздох сменяется стоном.

– Пожалуйста...

– Ты умоляешь, детка.

– Знаю! – кричит Аурен, запрокинув голову, когда я провожу большим пальцем по ее клитору.

Я наклоняюсь вперед и провожу языком по ее шее, вызывая у нее дрожь.

– Мне нравится.

Положив руки на ее попку, я снова приподнимаю Аурен, и от ощущения ее тепла на члене стискиваю в удовольствии зубы.

– Прижмись ко мне, – приказываю я. – Сядь мокрой киской на мой член.

Она делает в точности, как я приказываю, и покачивает бедрами, покрывая меня своей влагой.

– Вот так, – вкрадчиво произношу я. – Именно так...

– Слейд...

Из-за ее голоса дергается член, и я больше ни секунды не могу ждать, желая побыстрее погрузиться в ее ожидающий жар. Я двигаю бедрами, и Аурен опускается на меня.

Я замираю и смотрю ей прямо в глаза, чувствуя, как она дрожит.

– Поспешి, – умоляет она.

Я вскидываю бедра и вхожу в нее до упора.

Аурен прижимается ко мне всем естеством, обхватив руками шею и сжимая своим лоном.

Я хватаю Аурен за попку и приподнимаю ее, а потом с силой опускаю обратно – из нее тут же вырывается страстный крик.

– Это тебе было нужно, Аурен? – говорю я, приподняв ее, а потом снова опустив на себя. Руки напряжены от каждого движения, а шипы снова хотят прорваться сквозь кожу.

– Сильнее.

Ее запыхавшаяся мольба подавляет мое самообладание, и больше всего на свете сейчас мне хочется ей услужить. Я начинаю насаживать ее на член с такой силой, что она напрягается всем телом, оказавшись полностью в моей власти.

– Сильнее, – кричит Аурен и опускает голову мне на плечо. Она впивается зубами мне в кожу, отчего кровь еще сильнее приливает к члену.

Я вхожу сильнее, быстрее, вонзаюсь в нее с чувственным пылом.

– Сильнее, – снова просит она. И снова. И снова.

И снова.

Я запрокидываю голову и вижу, как по ее лицу стекает пот, а губы приоткрыты от учащенного дыхания.

Но замечаю в ее безумных глазах проблеск чего-то еще. Что-то, что вынуждает меня замедлиться.

– Нет! Продолжай, – говорит Аурен и впивается мне в шею ногтями, дергает за волосы. – Давай сильнее. Так сильно, чтобы стало больно. Мне нужна боль.

Я перестаю двигать бедрами и, подняв руку, стискиваю кулаком ее волосы, повернув лицом в сторону. Аурен шипит сквозь зубы, а потом у нее вырывается стон.

– Это тебе нужно? – спрашиваю я, прижимаясь к ней бедрами и запустив в ее волосы пальцы, чтобы она смотрела мне в глаза. – Тебе нужно наказание?

Она сглатывает, и я вижу, как в ее позолоченных омутах что-то мелькает.

– Да...

Я медленно вхожу в нее, и она закатывает глаза.

– А знаешь что? – говорю я напротив ее губ и считаю ее выдохи. – Ты не заслуживаешь наказания, Аурен.

Она замирает в моих объятиях и смотрит круглыми глазами.

– Я тебя вижу. – Начинаю трахать ее в медленном и ровном темпе, а еще отпускаю волосы, чтобы освободившейся рукой нырнуть в маленькое пространство между нами и погладить ее клитор. – Тебе нужно сбежать? Нужно, чтобы я доставил тебе удовольствие? Черт меня подери, это я могу.

В подтверждение своих слов я глажу пальцами, вызывая у нее дрожь, и Аурен прикусывает блестящую губу.

– Послушай меня, – приказываю я, заставляя ее посмотреть на меня. – Ты совершенно точно не заслуживаешь наказания. Ты заслуживаешь награды. – У нее вырывается всхлип, и мне не нужны ее слова, потому что я все вижу в ее взгляде. – Я войду в тебя так глубоко, что ты почувствуешь лишь удовольствие от того, насколько ты великолепна. Но наказания не будет.

По ее щеке стекает золотая слеза и падает мне на грудь, впитавшись в ткань рубашки.

Пока она не успела возразить, я сажусь с ней на землю. Ложусь под ней и вхожу так глубоко, что Аурен стонет. Но теперь за главную она.

– Я коснусь пальцем твоего клитора и заставлю кричать, доказывая, что ты богиня, которая принимает удовольствие, поскольку именно этого ты и заслуживаешь, – рычу я. – А теперь скажи на мне.

Она прижимает ладони к моей груди и, сердито глядя, приподнимается, а потом снова быстро и сильно опускается. Ее темп неумолим, а на лице решительное выражение. Я просто медленно и плавно ласкаю ее клитор, возбуждая и выжидая.

Выжидая.

От расстройства по ее щеке стекает еще одна слеза, и Аурен смотрит на меня, ее щеки пылают от гнева.

– Трахни меня, – говорит она.

– Так я и сделаю, – отвечаю я. – Как только речь пойдет о твоём удовольствии, а не о наказании.

Она с силой хлопает меня по груди.

– Меня нужно наказать! – рычит Аурен, тяжело дыша, и аура вспыхивает.

– Почему?

Это не вопрос, а требование.

Она меняется в лице.

– Потому что я... я...

Я сажусь так быстро, что она удивленно вздыхает, и мой член входит еще глубже.

– Я скажу тебе, что ты сделала. Ты наконец-то вырвалась на свободу и победила.

Она смотрит на меня так, словно я ее спасательный круг. Словно я – единственная надежда на то, что ее не разорвут в клочья. Но я всегда буду придавать ей уверенности в себе. Всегда буду напоминать о том, кто она на самом деле.

Потому что я вижу ее. Черт возьми, я всегда ее видел.

Схватив ее за горло рукой, другой я поглаживаю клитор, чувствуя влажное желание. Я сжимаю ее так крепко, что ей становится труднее дышать. Аурен шумно дышит, а из ее лона сочится еще больше влаги, зрачки расширяются.

– Единственное, за что я могу тебя наказать, – за то, как ты пыталась от меня отказаться.

Кровь бешено стучит в ее венах, и у Аурен вырывается тихий судорожный стон. Я еще крепче сжимаю ее, уткнувшись в нее бедрами, отчего она начинает дрожать и стонать.

– Ты больше никогда так не сдашься, правда, детка? Никогда не позволишь своей силе тебя подавить. – Я снова приподнимаю бедра, заставляя ее выдохнуть мое имя. – Ты вспомнишь, кем являешься, вспомнишь, какая ты, твою мать, могущественная, и больше... никогда... не... сдашься. – Каждое слово я подчеркиваю движением бедер, а каждую букву – более быстрым поглаживанием ее клитора.

– Повтори, – требую я, издав рык у ее уха. Я хочу ее поглотить. Войти в Аурен так глубоко, что она будет чувствовать меня вечно, хочу выжечь свои слова у нее в мыслях.

– Я больше никогда не сдамся, – кричит она. – Слейд, пожалуйста.

Услада для моих ушей.

Я неистово тру пальцами ее клитор. Снова и снова вскидываю бедра, и Аурен приоткрывает рот и издает крик, который эхом разносится по пещере.

– Ну же, детка. Прими удовольствие от моего члена и утопи меня в нем, черт возьми. Кажется, она вот-вот подойдет к пику.

Чувствую, как Аурен сжимает мышцами мой член, и замедляю движения. Она выкрикивает мое имя, дрожа всем телом, и ее лоно наполняется влажным жаром, который доводит меня до края вместе с ней.

– Чертовски хорошая девочка.

Я кончаю с такой силой, что удивительно, как не потерял сознание, выплескивая в нее горячее семя. Но руку с клитора я не убираю, – а жду, когда ее тела коснется вторая волна удовольствия. Еще мгновение, и Аурен, дрожа, прижимается к моей груди.

Только тогда я глажу ее по руке. Медленно, нежно, водя кончиками пальцев вверх-вниз. Мы сидим так несколько долгих минут, и я ее не тороплю. Не давя на нее. У моего члена нет причин для недовольства, и у меня тоже. Хотел бы я остаться с ней в этой пещере, хотел бы оберегать, пока она сидит у меня на коленях. Но, несмотря на мои желания, к нам подступает реальность.

Ее податливое теплое тело каменеет, и я буквально слышу, как быстро кружат у нее в голове мысли. Я смотрю, как Аурен приподнимает с моего плеча голову и осматривается в темной пещере, заметив золотую лужицу, растекшуюся по земле в футах от нас.

– Слейд... – говорит она, но на этот раз в ее голосе нет мольбы о наслаждении. Это зов страха.

– Ты в порядке, Аурен, – говорю я, но она уже слезает с меня и поднимает с земли чулки.

Я встаю и, натянув брюки, завязываю их. Смотрю, как она кружит вокруг меня, диким взглядом осматривая пещеру, как хватается себя за волосы, качая головой. Не знаю, может, это изумление от пребывания в незнакомом месте, но от боли в глазах Аурен, когда на нее обрушивается реальность, мне хочется рычать, хочется защищать.

Она спотыкается и вытаращенными глазами поднимает руку, схватив себя за горло над едва заметным шрамом. Аурен смотрит на золото так, словно смотрит на свой истинный крах. Когда золото начинает двигаться, начинает к ней приближаться, она с криком отшатывается:

– Нет, нет, нет, нет, нет!

– Аурен.

Она начинает паниковать и безостановочно трясти головой. Впервые с тех пор, как Аурен пришла в себя, меня охватывает волнение. Раньше, когда она нападала на меня, я был совершенно уверен, что Аурен вырвется из этого состояния и вернется ко мне, был совершенно уверен, что она контролирует свою магию.

Но сейчас...

Она дышит часто и поверхностно, словно ей все равно не хватает воздуха.

– Аурен, взгляни на меня.

Она крутится и озирается по сторонам.

– Я не... Где я? Я не могу отпустить золото. Мне нужно, чтобы оно покинуло меня! Мне нужно, чтобы оно остановилось!

Я делаю шаг вперед, но от стука подошв по расплавленному золоту Аурен вздрагивает.

– Все хорошо, – говорю ей, но она меня не слышит.

– Что я натворила, Слейд? – Она задевает рукой стену пещеры, и золотые брызги прилипают к рукаву, как сироп. Аурен вырывается из объятий золота и съеживается, дрожа всем телом. – О богиня, – выдыхает она, в ужасе зажав рот рукой. – Что я натворила? – Аурен задает этот вопрос шепотом. В своем озарении она напоминает загнанного в угол зверя.

Сделав шаг в сторону, я оказываюсь перед ней и беру ее за руки.

– Посмотри на меня. – Она пытается вырваться, но я крепко держу ее. – Аурен, посмотри на меня.

Она резко переводит на меня взгляд, и я вижу, как расширились от страха ее зрачки, чувствую, как бешено стучит кровь.

– Что я натворила...

– Дыши вместе со мной.

Я делаю глубокий вдох, слегка поджав губы, а потом выдыхаю. Снова и снова повторяю, пока Аурен не начинает мне подражать. Сначала она дышит часто, смотрит обезумевшим взглядом, но постепенно дыхание выравнивается, и она перестает задыхаться.

Как только ее паника начинает стихать, золото перестает двигаться. Я замечаю, в какой момент она ослабляет свою хватку, потому что оно больше не кажется живым. Теперь это просто жидкость, высыхающая на земле.

– Все хорошо, – успокаиваю ее я, глядя ее по рукам. – Ты отлично справляешься. Дыши.

Она прерывисто вздыхает и смотрит на меня полными слез глазами, словно впервые видит.

– Слейд.

– Я с тобой, малышка.

В груди спирает дыхание. Я вне себя от радости, что Аурен проснулась, что стала самой собой, но не хочу, чтобы она испытывала страх и отчаяние.

Она водит взглядом по золотым брызгам на стенах пещеры, по лужице, застывающей на полу.

– Великие боги.

Я наблюдаю за ней – за воспоминаниями, – когда они будто встают на свои места. На ее лице сменяется сотни эмоций, но мне лишь остается взять себя в руки и ждать атаки. Осуждения. Ненависти. Чувства вины.

Думаю, это ранит меня сильнее всего. Она не винит и даже не презирает меня за то, что я отравил ее гнилью, а я этого заслуживаю.

Но чувство вины? Теперь меня удивляет ее чувство вины за то, что она убила Мидаса.

Не знаю, сколько минуло времени, когда Аурен наконец вспоминает случившееся, но вот она встречается со мной взглядом, и у меня чуть не останавливается сердце от скопившихся в ее глазах слез.

– Как? – шепчет она. – Я чувствовала, как на закате меня покидает сила. Это было невозможно, но я... – Аурен останавливается. – Во мне как будто что-то надломилось.

– И, проклятие, это было великолепно.

Она вздрагивает.

– Как ты можешь так говорить? – дрожащим голосом спрашивает она. – Я стала чудовищем.

Но я качаю головой и провожу большими пальцами по ее мокрым щекам.

– Нет, детка. Не чудовищем. Фейри.

Глава 14

Аурен
Фейри.

Как только Слейд произносит это слово, я осознаю правду. Я понимаю, что это за зверь у меня в груди, который даже сейчас подстерегает, вцепившись когтями мне в ребра.

Я оглядываюсь в затененной незнакомой пещере, и зверь только усиливает хватку. Золото расплескалось беспорядочными кляксами, по большей части затвердев на земле лужами. Когда я смотрю на все это, в голове мысли лишь о том, что моя фейская сущность одержала верх. Что она прорвалась во мне, вцепилась в бразды правления и вырвала их прямо у меня из рук.

И вместе с тем...

Великий Боги, что за шум.

Каждый отблеск золота в пещере – это блеск замка, когда он дрожал и таял. В каждом отражении я вижу ту свою необузданную версию, которая рвала людей на части и убивала их беспощадными ударами золота.

Я слышала оглушающие брызги и треск, но главным образом в ушах звенит от криков.

Только единожды мое золото вело себя подобным образом. Такое в моей жизни уже бывало, и я дала себе клятву, что этого больше не повторится.

Но это случилось.

Я делаю шаг назад и вязну в клейкой жидкости. Вздвогнув, я вырываюсь из ее хватки. Она пытается заползти на мою ногу, снова пытается ожить, реагируя на мои эмоции и движения, но я брыкаюсь. Сжав в кулаки, я захлопываю стены и отсекаю золото. Отсекаю фейского зверя. Отгораживаюсь от всего, чтобы эта тварь больше мной не овладела.

Я этого не допущу.

По телу пробегает дрожь, и внезапно я чувствую непреодолимую тяжесть, словно стены, которые я только что воздвигла в груди, давят на меня, сжимая кости и склеивая ступни.

– Аурен?

Повернувшись, я смотрю на Слейда, чувствуя это бремя.

– Где мои перчатки? – спрашиваю я. – Мне нужно закрыть руки.

Он раздумывает, а затем снимает свои перчатки и подходит, протянув их мне. Я морщусь, заметив на них пятна золота и услышав хлюпанье под его ботинками, когда Слейд наступает в одну из застывающих луж.

– Спасибо, – бормочу я.

Не могу даже взглянуть на Слейда. Я сгораю от стыда из-за того, как набросилась на него, призналась, что хотела понести наказание за содеянное. Я, по сути, просто воспользовалась им, чтобы выкинуть из головы все мысли и прочувствовать ту боль, которой подвергла остальных.

– Аурен, – уверенно произносит Слейд, и, как бы ни было тяжело, я перевожу на него взгляд. – Нет ничего постыдного в том, что чем мы только что занимались. Не смущайся.

Я хмыкаю и качаю головой. Надев перчатки, чувствую себя немного лучше, когда мои руки закрыты.

– Это правда, – решительно настаивает он, заставляя меня посмотреть на него. – Ты, как и я, фейри, а это значит, что мы не раз испытаем такую необузданную, неистовую потребность. Мы будем драться и трахаться. Это два неразделимых действия.

От его прямолинейности у меня пылают щеки, а когда Слейд осторожно проводит рукой по моей шее, вся заливаюсь краской. Волосы у него растрепаны из-за того, как я хваталась за них пальцами, а несколько прядей испачканы золотом. Еще несколько пятен украшает его щеки и блестят на губах. Увидев на нем все свои метки, я почему-то хочу замурчать от удовольствия.

– Это совершенно естественно, – продолжает он, и его голос отзывается во мне порочным жаром. – Мне, например, чертовски нравится, когда я вижу, как проявляется твоя фейская сущность.

Я неуверенно улыбаюсь.

– Наверное, не настолько уж я и фейри, если считать это, – говорю я, постучав по округлым кончикам ушей.

– У меня тоже такие, – напоминает Слейд, и, в доказательство своего довода, меняет облик. Его шипы снова прячутся под кожу, забирая с собой остатки его ауры и блеск чешуи на щеках. Когда его глаза становятся зелеными, а кончики ушей – круглыми, он стучит по ним пальцем. – Хотя у меня округлые уши только в этой форме, потому что я фейри лишь наполовину.

– Правда? – с удивлением переспрашиваю я. – Может, тогда я тоже только наполовину фейри. Я плохо помню родителей и точно не знаю.

– Вполне может быть.

Я рада, что мы сменили тему, но теперь, когда я осваиваюсь в реальном мире, в мыслях всплывают сотни других вопросов и тем, о которых думать пока не хочу. Я обхватываю себя руками, внезапно почувствовав невероятную усталость.

Как только Слейд замечает, что я дрожу, он сразу же берет меня за руку.

– Давай отведу тебя обратно в Грот, чтобы ты отдохнула.

У меня даже сил не хватает, чтобы спросить, что это за Грот. Я просто стою, пока Слейд заворачивает меня в испачканные золотом одеяла. Укутав меня как следует, он выносит меня из пещеры, где на нас обрушивается снежная буря.

От холода я немного падаю духом, съежившись под унылым ледяным небом. Ветер завывает и пронизывает с такой силой, что я удивляюсь, как он не сбивает Слейда с ног.

Похоже, наступила ночь, и вокруг нас кружат хлопья снега. Это ни в коем случае не похоже на тихий и мягкий снегопад. К счастью, Слейд закутал меня так, что открыта лишь часть моего лица. И все же буквально через минуту чувствую, как замерзаю до костей.

И даже в таких далеко не идеальных условиях я ловлю себя на мысли, что почти погружаюсь в сон. Я прижимаюсь к Слейду, который обнимает меня руками и уверенно шагает вперед, а с моих губ срывается вздох. Я закрываю глаза и от всего отключаюсь, заглушаю все воспоминания.

Потому что я не хочу об этом думать. Не хочу встречаться с ними.

Пока рано.

Сейчас я просто хочу чувствовать, как Слейд обнимает меня, и забыть об остальном.

Похоже, я задремала сильнее, чем рассчитывала, потому как меня снова будят голоса. Я тут же понимаю, что уже не на холоде – меня окружает тепло, а шум ветра стих.

– ...пусть поспит. Уже поздно. – Голос Слейда. Я понимаю, что мы в доме и он не несет меня сквозь снежную бурю, но продолжает держать на руках. Словно не хочет отпускать вовсе.

От этой мысли в сердце появляется новая трещинка.

Слышу, как кто-то фыркает.

– Мне плевать, что уже поздно, ей нужно поесть. Она проспала четыре дня. Ей конец. Златовласая, тебе конец. Просыпайся!

Я открываю глаза, узнав голос Лу, и моргаю, глядя на гладкий деревянный потолок, а потом перевожу взор на Слейда. Заметив, что я проснулась, он вздыхает.

– Получилось? – спрашивает Лу, а через секунду я вижу над собой ее лицо.

– Конечно, получилось, ты ведь так заорала, – отвечает он.

Она улыбается, когда я перевожу взгляд на нее.

– То-то же. Хватит лениться.

Слейд в предупреждение шикает, но мои губы растягиваются в улыбке.

– Черт подери, я в доме одна с пятью мужиками, и они сводят меня с ума, – говорит она. – Мне нужен тот, кто мог бы мне посочувствовать.

– Это мне должна посочувствовать Золотце, – слышу из другого конца комнаты голос Джадда. – Ты та еще подлюка.

Лу оборачивается.

– Если я каждый день надираю тебе задницу в карты, это еще не означает, что я подлюка. Я просто круче.

– Да, но вот только подлюка может воровать вино.

Она хмыкает.

– Не понимаю, о чем ты.

Слейд помогает мне приподняться, но он удерживает меня у себя на коленях, сидя на огромном стуле.

Я с интересом оглядываюсь в незнакомом помещении. Здесь темно, если не считать кирпичного камина с очагом, огонь в котором отбрасывает свет. Не считая открытого дымохода, стены здесь отделаны отшлифованными деревянными панелями темного цвета. Помимо травянисто-зеленого кресла, в котором мы сидим со Слейдом, справа от нас диван такого же цвета, а напротив еще одно кресло. В центре комнаты деревянный стол, под которым расстелен белый ковер из толстого меха.

В целом, в комнате довольно уютно благодаря мелким штрихам: например, пальто, висящие на крючках возле камина, и пять пар сапог, выстроенные у очага в ряд. Из открытой двери, ведущей на кухню, доносится аппетитный аромат, и, повернув голову, я вижу входную дверь. Здесь царит домашняя атмосфера, и я по привычке перестаю волноваться, заметив, что в комнате только Лу с Джаддом да мы со Слейдом.

Снова повернувшись к Лу, я подмечаю напротив одно-единственное окно. Нахмурившись, наклоняю голову и выглядываю наружу. Сперва кажется, что голубая дымка – это звезды, однако таких я еще никогда не видела. Но чем дольше я смотрю на них, тем отчетливее понимаю, что это вовсе не звезды. Я вижу поблизости тени, словно по соседству находится дом с точно таким же странным свечением, но это тоже не совсем вяжется с увиденным.

– Где мы? – спрашиваю я слегка дрогнувшим голосом. Сидящий рядом Слейд вольно кладет руку мне на бедро, поглаживая через ткань большим пальцем, а я прижимаюсь боком к его груди.

– Добро пожаловать в Грот, – говорит Джадд, сидя справа от меня на диване, и машет рукой. Лу садится рядом с ним, поджав под себя ноги, но не понимаю, как ей это удастся, учитывая, что она в огромных тапочках.

– Что за Грот?

Лу и Джадд смотрят на Слейда, словно не зная, что ответить. Я думала, вопрос простой, но, учитывая воцарившуюся в комнате нерешительность, похоже, ошиблась. Внутри зарождаются первые признаки тревоги, а этого я хочу меньше всего. Повернув голову, смотрю на Слейда.

Наконец-то у меня появляется возможность хорошенько его разглядеть, и от увиденного тревога становится еще сильнее. Под глазами у него залегли круги, а щетина стала густой бородой. На его лбу застыло напряжение, которое он не может от меня скрыть, а сам он еще не успел сменить мятую одежду, покрытую золотыми пятнами.

Когда он смотрит на меня, его взгляд становится мягче.

– Грот – это наш дом в деревне Дроллард.

– Ладно... а где находится эта деревня Дроллард? Мы еще в Пятом королевстве?

Джадд ухмыляется и скрещивает пальцы рук за головой, вытянув вперед ноги.

– Отличный вопрос! Видишь ли, она входила в состав Пятого королевства, но уже им не является. И формально деревни Дроллард не существует. Как и людей, которые здесь живут.

У меня голова кружится от такой новости.

– Эээ, что?

Слейд бросает на него раздраженный взгляд, а потом снова переводит все внимание на меня.

– Позже все тебе объясним. Как ты себя чувствуешь?

Это бы я не хотела обсуждать. Совсем.

Оставив его вопрос без внимания, я откидываю одеяла. Теперь, проснувшись, я задыхаюсь от жары под таким теплым слоем. Слейд немного ослабляет хватку, и я, воспользовавшись возможностью, встаю. Ступив босыми ногами на мягкий меховой ковер, я иду к окну. Выглядываю из него и шурюсь от пылающего голубого света.

– Что это? Мы как будто...

– В доме, построенном внутри пещеры? Да, именно так, – говорит Лу.

– И он светится, – вставляет Джадд.

Я с удивлением приподнимаю брови.

– Ух ты, красиво.

– Аурен? – с опаской зовет меня Слейд, но я в ответ шурюсь.

Не удостоив его ответом, я снова смотрю на Джадда. Он кажется удачной ставкой.

– В какие карточные игры вы играли?

Я понимаю, что он видит меня насквозь, особенно когда на долю секунды устремляет взгляд на Слейда, а потом отвечает мне. И все же Джадд решил мне подыграть.

– О, лучше тебе не знать, Золотце. Лу жульничает.

– Ничего я не жульничаю! – возмущенно восклицает она. – Я не виновата в том, что ты, выпив вина во время игры, быстро хмелеешь и делаешь ужасные ставки.

Он закатывает глаза.

– Видишь? Подлюка.

У меня вырывается смешок, но он быстро улетучивается, когда я слышу:

– Аурен.

Я натягиваю улыбку на лицо и поворачиваюсь к Слейду, но, когда он встает, у меня внутри все сжимается.

– Да?

– Я спросил, как ты себя чувствуешь, – осторожно говорит он, смотря на меня глазами цвета летнего луга.

Я чувствую на себя взгляды Джадда и Лу и заливаюсь краской.

– Хорошо.

Проходят секунды. Маятник незримых часов качается, как наблюдатель, переводящий взгляд то на Слейда, то на меня, пока мы смотрим друг на друга.

Он хочет поговорить. Я вижу, с каким трудом ему удастся сдерживаться. Вижу, с какими эмоциями он готов столкнуться. Но когда я пришла в себя в той, иной пещере, эти самые эмоции подавлялись. Воспоминания еще слишком болезненны. Я возводила стены не только из-за магии и своей фейской сущности. От остального я тоже себя оградила.

– Я не готова.

Защищаясь, я поджимаю губы, храня правду. Я не готова. Не могу снова окунуться в те воспоминания. Потому что, если отправлюсь туда, мне придется все заново пропускать через себя. А я этого не хочу. Может, прошло уже немало лет, но сдаваться я пока не намерена.

Видимо, Слейд тоже сдаваться не хочет, но ко мне неожиданно приходит спасение, когда в дом входит мужчина. Мужчина, который выглядит как копия Слейда.

Фальшивый Рип.

Глава 15

Аурен

Только второй раз я вижу его без маскирующих доспехов и шлема, который он носил, прикидываясь Рипом. Это немного обескураживает. Он так похож на Слейда, что я, не удержавшись, тарашусь на него во все глаза и пытаюсь подметить хотя бы незначительные различия.

Он заходит, неся деревянный ящик, который доверху набит мешками, бутылками и торчащими сверху корнеплодами. Фальшивый Рип останавливается в комнате, внимая тишине, а потом останавливает взгляд на мне.

– Рад видеть, что под тобой нет лужи.

Я хлопаю глазами.

Он только что сказал, что я обмочилась?

Я оглядываюсь на Джадда, чтобы посмотреть, ухмыляется ли он. Думается, он бы расхохотался, если бы я обмочилась. Вот только улыбки у него на лице нет. Надеюсь, это хороший признак.

– Не поняла? – спрашиваю я.

– Твое золото, – протяжно произносит он. – Оно лилось из тебя рекой, когда ты стала приходить в себя.

О.

В комнате повисает неловкость, потому как приходится осознать, что он без утайки ото всех упоминает золото, которое до этого лилось из меня. Он видел мою силу и теперь говорит об этом как о чем-то естественном и обычном. У меня уже вошло в привычку скрывать свою силу, уворачиваться от прикосновений, потому это кажется почти... недопустимым.

– Извини, – смущенно говорю я. А потом, поерзав, встаю. – Раз уж мы затронули эту тему, где здесь умывальная?

Он хмурится.

– А какую мы тему затронули?

Я чувствую, как щеки заливают жар.

– Ой, нет, ничего мы не затрагивали, – выпаливаю я и смотрю на Лу в надежде, что она сжалится надо мной. – Умывальная комната?

– Пойдем, Золотце, – говорит она и, встав, ведет меня из комнаты. Тапочки на ней и впрямь огромные и пушистые. Поразительно, как ей удастся сохранять в них ту легкость походки.

Я иду за Лу, которая подводит меня к двери в конце коридора.

– Это моя комната, сразу за ней умывальная, а еще возьми из моего шкафа чистую одежду – я приготовила для тебя отдельную стопку.

С благодарностью кивнув, я забегаю в комнату, а затем быстро делаю нужные дела и умываюсь. Потом начинаю снимать испорченную, испачканную золотом одежду, которая немного затвердела, будто на нее пролили краску. Однако стоит мне стащить рубашку, как я замираю от острой боли, пронзившей спину.

Я останавливаюсь.

Делаю глубокий вдох.

А потом снова так быстро возвожу стены, что у самой голова идет кругом.

Я не окунусь в те воспоминания. Ни за что.

С решимостью, твердой, как сталь, осторожно беру широкую рубашку и надеваю ее, а затем натягиваю новую пару чулок. Между делом напряженно дышу, собираясь с духом.

Сделав последний вдох, заставляю себя разжать зубы и опустить руки. Взяв себя под контроль, выхожу и возвращаюсь в гостиную. Как только вхожу в нее, все перестают шептаться и поворачиваются ко мне.

– Лучше? – спрашивает Лу, сидя рядом с Джаддом.

– Намного, – стоя в дверях, отвечаю я. Все в комнате напряженно молчат, и я замечаю вопросительные взгляды, которые они бросают на Слейда.

– Ладно... – растягивает его брат, переминаясь с ноги на ногу, а потом смотрит на остальных. – Что ж, повторюсь: зная, что никто из вас не ужинал, я спустился в погреб за припасами. Но сегодня не моя очередь готовить, так что оставляю это на вас, говнюков.

Джадд встает с дивана, чтобы взять на себя эти полномочия, но я опережаю его, бросившись к ним.

– Я приготовлю!

Все переводят взгляды на меня, но я делаю вид, будто не замечаю их, и иду к открытой двери.

– Я не про тебя говорил, – произносит Фальшивый Рип.

– Я проголодалась и хочу помочь, – бросаю я через плечо.

– Аурен... – начинает Слейд, но я обхожу его прежде, чем он успевает дотронуться до меня.

Заходя на кухню, я слышу, как у меня за спиной тихонько перешептываются, но решаю не обращать внимания и оглядываю помещение. Здесь так же уютно, как в гостиной, но вместо деревянных панелей присутствуют три гладкие стены белого цвета, а четвертая сложена из того же кирпича, что и камин. Как раз возле последней стоит железная печь, решетка которой слегка светится от тлеющих внутри углей, а над ней находится горелка. Справа расположился круглый черный стол с изогнутыми скамейками, а вдоль остальных стен висят полки с посудой, под которыми громоздятся кухонные стойки из дерева.

Через несколько секунд слышу шаги и оборачиваюсь, увидев, как на кухню заходит брат Слейда. Он направляется к небольшой дверце у обеденного стола, за которой, как мне кажется, и располагается кладовая. Именно там он и ставит ящик. Слышу, как он там шарит, а через несколько секунд снова появляется на кухне.

Мы сконфуженно стоим напротив друг друга, а потом он говорит:

– Думаю, мне не довелось представиться должным образом. Я Райатт. Приятно официально с тобой познакомиться. – Он чешет затылок с такими же черными волосами, как и у Слейда.

– А вы очень похожи, – вырывается у меня.

Он фыркает.

– Да, слышал такое пару раз.

Мне чувствуется в его ответе нотка горечи, но я плохо его знаю и потому не могу быть уверена.

– Я как раз хотела заняться ужином, – говорю я и иду к кладовой. Она больше, чем я думала, и уставлена шкафчиками и увешана полками. Здесь множество всяких продуктов, которые расфасованы по бутылкам и мешкам, а на сушилке висят полоски, похожие на вяленое мясо.

Я глазами описываю по комнате круги, пытаюсь придумать, что приготовить. А потом вспоминаю, что готовить-то я на самом деле и не умею.

– Проклятие, – бурчу под нос. Я так хотела избежать разговора, что не подумала о том, как доведу дело до конца. Но трудно ли вообще готовить?

Прищурившись, рассматриваю этикетки на емкостях и наконец нахожу рис и сушеный горошек, а еще немного яиц. Из этого можно приготовить что-то стоящее, верно?

Верно.

Беру найденные продукты, но на выходе, в шкафчике возле двери, замечаю бутылку вина и тоже решаю ее прихватить.

Вино мне точно понадобится.

Когда я возвращаюсь на кухню, Райатта там уже нет, и я вздыхаю, радуясь, что могу немного побыть одна и ни с кем не разговаривать.

Разместив все на столе, я разглядываю специи на полках, но ни на одной бутылочке нет этикетки.

– Тебе помочь?

Я вздрагиваю, услышав голос Джадда, и поворачиваюсь, наклеив улыбку на лицо.

– Нет, спасибо. У меня все есть.

С мгновение он смотрит на меня карими глазами, а потом кивает и уходит прочь из комнаты. В гостиной снова раздается шепот, и я слышу гроыхающий голос Слейда, после чего Лу говорит более мягким тоном:

– Просто дай ей немного времени.

Да. Время. Именно это мне и нужно. Чем больше мне предоставят времени, тем лучше.

Следующий час я бегаю по кухне и пытаюсь приготовить что-нибудь, пригодное к употреблению в пищу.

К сожалению, дело не спорится.

Но светлая сторона: вино замечательное! Оно не только имеет приятный вкус, но еще и снимает напряжение. А когда я уже на грани и готова взорваться от одной шальной мысли, мне не помешает притупить чувства.

Я немного пьяна, когда ставлю миски на стол, а кухня наполняется паром и дымом.

Все просто чудесно.

– Ужин готов! – кричу я.

Ребята заходят. Быстро. Будто стояли сразу за дверью. Все, садятся, кроме Слейда, который выдвигает одну из скамеек на двоих и ждет, пока я сяду.

Улыбнувшись ему, я сажусь, и тогда он опускается рядом. Наши бедра соприкасаются, на чем, кажется, глупо заострять внимание, учитывая, что между нами происходили гораздо более интимные моменты. Но в животе все равно щекотно.

– Итак, – потирая руки, говорит Джадд, – что у нас на ужин?

Я улыбаюсь и, протянув руку, снимаю крышку с сервировочной миски.

– Рис!

На содержимое миски смотрят четыре пары глаз. Спустя минуту молчания Лу спрашивает:

– Почему он зеленый?

– А, это горошек. Он немного расплавился.

Когда я помещиваю его ложкой, он слипается и становится тягучим как мед. Я зачерпываю рис и принимаюсь раскладывать его по тарелкам, но, когда намереваюсь положить Райатту третью порцию, он поднимает руку.

– Мне хватит.

Кивнув, я достаю полдюжины яиц, но они странно пахнут.

Джадд морщит нос.

– Какими специями ты их сдобрила?

– Понятия не имею, – честно отвечаю я и кладу ему на тарелку.

Обслужив всех, включая себя, я беру вилку, но замечаю, что больше никто не принимается за еду. Когда все видят, что я выжидающе осматриваюсь, Слейд многозначительно откашливается, и все резво хватают вилки. Затем, поскольку Слейд был первым, каждый зачерпывает немного риса и пережевывает.

Улыбнувшись, я тоже зачерпываю рис и кладу в рот.

Сожаление. Незамедлительное, мгновенное, незыблемое – нет, бесформенное, – бесформенное сожаление.

– О, богиня, – говорю я, пережевывая огромный кусок липкой кашицы, потому что это ужасно. Правда, ужасно.

По вкусу на рис это даже не похоже. Скорее, напоминает переваренную кашу. Специи, которыми я сдобрила рис, совсем между собой не сочетаются, а еще какие-то комки получились горячими, а какие-то – холодными как лед, с мелкими жесткими зернышками, словно их и вовсе не варили. Мне чудом удается проглотить кусок.

Нужно заметить, зеленый цвет риса – меньшее из зол.

От стыда щеки заливают румянец, а остальные за столом гримасничают.

– Ужасно, – говорю я.

– Это и правда... – Райатт прерывается на полуслове и хмуро смотрит на сидящего напротив Слейда. – Вкусно, – довершает он и смотрит на меня. – Правда вкусно.

– Правда?

Джадд и Лу согласно кивают, но я замечаю, что жевать они пока не перестали.

Я слышу, как сидящий рядом Слейд проглатывает кусок. Вот и доказательство того, что я приготовила ту еще липкую смесь, потому что слышу, с каким трудом ему удастся проглотить рис.

– А яйца попробуешь? – услужливо предлагаю я.

– Угу, – отвечает он, и все смотрят, как он зачерпывает огромной ложкой яйца и запикивает в рот. Сидящие за столом округляют глаза, словно он совершил какой-то невероятный подвиг.

Я вздыхаю и кладу вилку.

– Ладно уже, перестаньте притворяться. Не бойтесь ранить мои чувства.

– Ух ты черт, спасибо, – говорит Джадд и сплевывает кусок на тканевую салфетку возле его тарелки. – У меня сейчас язык слипнется.

Лу ухмыляется.

– Слыхала, как тебя за это отчитывали женщины.

Джадд швыряет в нее салфеткой, но Лу как-то удается отбить ее вилкой.

Я прочищаю горло.

– Наверное, мне стоит признаться, что на самом деле я не умею готовить...

Райатт фыркает.

– Ты так думаешь?

– Точно. Кто-нибудь хочет вина?

Все тут же начинают болтать, а я вскакиваю, чтобы взять с кухонной стойки бутылку вина, и чувствую болезненный спазм в спине.

Застываю на месте.

Дыхание перехватывает.

И жаркая агония, раскаленная добела, затапливает мой разум и обжигает спину.

«Мне намного больнее, чем тебе».

«Ты сама меня к этому подтолкнула».

«Ты сама это с собой сотворила».

Я не могу, не могу, не могу...

Богиня, умоляю...

Я крепко зажмуриваюсь, вынуждая себя дышать через боль. Не буду об этом думать. Не буду. Я возвожу еще одну стену. Отгораживаюсь ею, блокировав даже самую мельчайшую частичку мук, вонзившихся в спину.

– Аурен? – тихонько зовет Слейд.

Я резко открываю глаза, понимая, что остановилась, перекинув через скамейку только одну ногу, поэтому снова нацепляю на лицо ту ужасную улыбку.

– Палец ушибла, – вру я и перекидываю вторую ногу, уже осторожнее.

Повернувшись спиной к столу, я судорожно выдыхаю, радуясь, что никто не видит моего лица. Боль рвет на части и колет, словно пытаюсь проникнуть в самое сердце, но там я точно не хочу ее чувствовать.

Я позволяю себе еще один вымученный вдох, а потом поворачиваюсь, держа бутылку в руке. Лу уже поставила кубки на стол, и я откупориваю бутылку, начав разливать вино. Его, конечно, не хватит на всех, тем более что перед ужином я уже угостилась, но лучше так, чем ничего.

И все же, пытаюсь отвлечься при помощи готовки, я чувствовала, как моя сдержанность начинала трещать по швам.

Я все время стою на острие клинка, пытаюсь не упасть и не порезаться. Я знаю, что не смогу сохранять выдержку, какой бы закаленной ни была.

Сидящий рядом Слейд тоже напряжен, а остальные наблюдают за мной, хотя стараются этого не показывать. Я беру кубок, стиснув его, и смотрю на жидкость темно-красного цвета.

– Аурен.

– Не сегодня, – не глядя на Слейда, отвечаю я и делаю глоток.

Я не готова. Мне нужно время. Не сегодня.

Я прижимаю эти слова к груди, как монеты, поданные попрошайке. Хватаюсь за них, поскольку знаю, что на какое-то время они дадут мне крохотную отсрочку, пока я снова не окажусь обездоленной.

– Сегодня я хочу только этого.

Когда я перевожу взгляд на притихших друзей: они не прикидываются, будто не смотрят на меня. Я сижу, затаив дыхание в тревоге, и тут вскакивает Джадд.

– Так, ладно, – кивнув, говорит он. – Нам нужно больше вина.

Он идет размашистым шагом к кладовой и выходит оттуда с двумя бутылками, хлебом и джемом.

– Это посъедобнее будет, – подмигнув, говорит он и ставит найденное на стол.

Я тихонько посмеиваюсь, расслабившись. Когда все принимаются пить, есть и болтать, я присоединяюсь к ним, благодаря чему окончательно успокаиваюсь.

И на какое-то время этого хватает. Это самое важное. Я хватаюсь за слова и сохраняю равновесие на острие, и пока у меня получается. Пока мне не приходится вспоминать, размышлять или рассказывать. Не приходится сталкиваться с неизбежным.

Пока.

Глава 16

Аурен

Я еще проснуться не успеваю, как по черепу с такой силой ударяют молотком, что я против воли прихожу в сознание. Я лежу, прижавшись грудью к матрацу, и чувствую, как щеку щекочет мех. Когда я открываю глаза, то не ощущаю боли, так как в комнате темно, – у дома, расположенного внутри пещеры, все же есть некоторые плюсы.

Я переворачиваюсь, но от болезненного ощущения в спине кривлюсь и стою. В тишине комнаты мой тихий возглас звучит особенно громко, и когда я перевожу взгляд, сердце замирает.

На стуле рядом с кроватью сидит Слейд и смотрит на меня. Его ноги широко расставлены, а сам он рукой опирается на подлокотник, прижимая к подбородку указательный и большой пальцы. На коленях у него лежит книга, листы которой распались веером, словно он и вовсе ее не читал.

Я сажусь и стараюсь стереть с лица это мученическое выражение. Вместе с тем замечаю, что, к счастью, ничего не позолотила. Ни одеяла, ни подушку, ни свою одежду. Еще ночь?

– Долго я спала?

– Толком не знаю, – отвечает он. – Но тебе нужно было отоспаться после выпитого вина. К тому же твое тело еще не оправилось после того, как ты исчерпала силы, помимо прочего.

Я уклончиво хмыкаю, потому как «исчерпала силы» и всякое «прочее» точно не входят в список тем, которые я готова обсуждать.

– Я надеялась, что сегодня ты покажешь мне пещеру, – говорю я ему, встав и оглядев комнату. Единственным источником света служит еле теплящееся пламя в камине да голубое свечение прямо за окном. – Можно позаимствовать чью-нибудь обувь? Как думаешь, Лу поделится?

Не услышав от Слейда ответа, я украдкой смотрю на него и вижу, как он глядит на меня тем же внимательным взором, а в его зеленых глазах таится какая-то настороженность. От повисшей в комнате тишины у меня бегут мурашки. Слейду, хоть мы знакомы и недолго, всегда как-то удавалось заглянуть в мою душу и узнать правду, которую, как мне казалось, я неплохо скрываю.

– Значит, обуви лишней не найдется?

Он осторожно кидает книгу на пол и встает, а я понимаю, что неосознанно сделала шаг назад. Это импульсивная реакция, потому как мне не хочется, чтобы он приближался. Не хочу, чтобы он проник в глубины моей души.

Увидев, что я отступаю, Слейд резко останавливается, и у него на лице мелькает тревога, которая через мгновение испаряется.

Мне неприятно стоять напротив него и чувствовать отдаленность между нами. Но дистанция – это избегание, и я должна ее держать, чтобы не сойти с ума. Если Слейд подойдет ближе, то увидит правду. Увидит, что земля у моих ног испещрена ямами. Увидит неприкрытый страх в моих дрожащих губах и заметит в глазах вину за мои попытки отступить. Увидит истинность краха, который меня окружает, пока я упорно стараюсь не упасть. Отдаление – единственное, что поможет мне смириться с пролившейся кровью.

Но оставим это Слейду, потому что он тоже все замечает.

– Нам нужно поговорить.

Всего три слова, – а в моем носу и на затылке уже начало неприятно жечь. Подавив эти ощущения, я качаю головой и пытаюсь выпрямиться. Но не могу. Не могу, потому что мне больно, потому что...

Горло сжимается, и я резко выпаливаю:

– Нет!

Слейд плотно сжимает губы, и я вижу, как под воротником его рубахи шевелятся корни.

– Я хочу увидеть пещеру, – говорю я на сей раз тверже.

Но какова ценность силы, если она всего лишь видимость?

После долгого молчания Слейд наклоняет голову.

– Ладно, Золотая пташка. Покажу тебе пещеру.

Среди скопившихся тревог пробивается облегчение.

– У меня в шкафу есть пара сапог, поэтому сначала нам нужно зайти в мою комнату.

Я удивленно оглядываюсь по сторонам.

– Разве не это твоя комната?

Он качает головой.

– Твое золото временно там обосновалось, поэтому мы останемся здесь.

Что сделало мое золото?! Но затем мое внимание привлекает продолжение. Мы остаемся здесь. Мы.

– Ты спал со мной здесь?

Мягко говоря, я обескуражена. При мысли о том, что Слейд останется со мной, я чувствую себя на удивление уязвимой.

Он склоняет голову.

– Где же еще мне быть, как не с тобой?

У меня перехватывает дыхание, сердце сжимается.

– Но днем...

– Я встал до рассвета, – заверяет меня Слейд. Из-за теней в комнате острые углы его покрытого бородой подбородка кажутся более выраженными. – Тебе от этого не по себе?

Я смотрю вниз, провожу взглядом по своим грубым толстым носкам. Они тоже не позолочены, и в груди у меня сжимается сердце от какой-то подспудной тревоги.

– Нет. Да. Не знаю.

Услышав, как он делает шаг вперед, я напрягаюсь. Тело хочет броситься ему навстречу, потому что его близость всегда придавала мне сил. Она же надо мной и властвовала.

Я чувствую жар его тела перед собой, чувствую, как сливаются наши тени.

– Той ночью в Рэнхолде я заявил на тебя права, – говорит он голосом, полным решительности, и я перевожу взгляд на него. Мое лицо заливается краской, словно Слейд пылает, а его

слова растапливают утрамбованный снег в моей душе. – А потом ты во всеуслышание заявила права и на меня. Прямо посреди бальной залы. Или ты не помнишь?

Перед глазами проносятся воспоминания.

Толпа лиц.

Вооруженные стражники.

Жестокий, злой взгляд под золотой короной.

Жар чьего-то тела у меня за спиной.

А затем мой четкий, непоколебимый голос: «Он мой».

То было не просто заявление – это был вызов. Словно я была готова уничтожить любого, кто попытается опровергнуть мои слова или отнять у меня Слейда.

Помню ли я? Безусловно. Помню каждую встречу с ним. Я сошла с пиратского корабля и упала на снег к его ногам, и с тех пор кажется, что я не прекращаю падать.

– Я хочу увидеть пещеру.

– Ты хочешь и дальше избегать разговоров, – возражает Слейд.

С губ срывается едкий смешок.

– Что, если так? Это мое право. Мной распоряжались и обладали больше двадцати лет моей жизни, – говорю я, сверкая глазами. – Потому если я хочу уклоняться от разговоров и посмотреть чертову пещеру, то именно это я и сделаю.

У него на подбородке дергается мускул, но Слейд не возражает, не пытается меня отговорить, и я ему за это благодарна, потому что у меня раскалывается голова, болит спина. И я хочу поскорее отсюда выбраться.

Развернувшись, я иду к двери, но стоит протянуть руку, как резко останавливаюсь и в нерешительности отдергиваю ладонь.

Секундная пауза, а потом Слейд произносит:

– Ночь на дворе.

Он все понимает и без моих слов. Слейд отчего-то почувствовал вспышку моего беспокойства из-за того, что я могу позолотить эту клятую дверь.

Я не решаюсь.

– Значит, я проспала всего несколько часов или?.. – Наступает пауза из-за еще одного вопроса, который я пока не решаюсь задать.

– Нет, ты проспала целый день.

Я провожу взглядом по своему черно-коричневому одеянию и резко киваю.

С трудом сглотнув ком в горле, я поворачиваю ручку и выхожу в коридор. Здесь так же темно, как и в спальне, а на стенах, обшитых деревянными панелями, висят канделябры. Они сделаны из необтесанных, прозрачных кристаллов, которые добыли в шахтах, а мерцающее пламя в чашах подпитывается маслом.

Я иду, отбрасывая тень на стены, но Слейд останавливает меня, заговорив:

– Аурен, тебе все же понадобятся сапоги.

Остановившись, я оборачиваюсь и вижу, что он идет в противоположную сторону. Слейд исчезает за последней дверью и через пару секунд возвращается, держа пару сапог и кожаный плащ.

Когда он подходит ко мне, я жду, что он передаст их мне, но нет.

Слейд опускается передо мной на одно колено, и я округляю глаза. Завороженно смотрю, как он поднимает мою левую ногу и надевает на нее сапог, зашнуровывая его... Каждое ловкое движение его пальцев приводит меня в восторг, а сердце бьется так сильно, что становится волнительно. Чувствует ли Слейд, как пульсирует моя кожа?

Опустив ногу, он берется за другую и, решительно сжимая икру, проделявает то же самое. От его прикосновения по телу разливается жар, а кожу покалывает, несмотря на то что мы толком и не соприкасаемся.

Закончив, он встает и оказывается так близко ко мне, что я вижу каждую искорку в его глазах: от пятнышек сочной зелени летнего луга до таящихся за ними черных теней.

Не говоря ни слова, Слейд обходит меня и с невыносимой нежностью помогает мне надеть плащ. Он немного великоват, но свободно облегает плечи, а ткань теплая, но не угнетает своей тяжестью.

Чувствую на шее его дыхание, чувствую, как он нежно ведет руками по воротнику, чтобы укрыть меня от холода. Его действия преисполнены благоговения, и эти мгновения поразительной нежности согревают мне сердце.

Раньше со мной обращались как с дорогим сокровищем, но Слейд мной попросту дорожит.

Я утыкаюсь носом в плащ, вдыхая его аромат. Запах влажной земли, высушенной на солнце коры и сладость шоколада, приправленная насыщенной горечью.

Слейд словно поневоле отпускает руки, и я скорее чувствую, чем слышу, как он делает шаг назад.

– Готова?

Молча кивнув, я иду за ним к входной двери. В гостиной пусто, а Слейд открывает дверь и, отступив в сторону, пропускает меня первой.

Сделав первый шаг из дома, я поднимаю голову и открываю рот при виде гигантских сталактитов, свисающих со свода. Сама пещера огромная, намного больше, чем я могла себе представить: здесь столько углублений, расщелин и разломов, что нужен далеко не один год, чтобы всех их изучить. Но сильнее всего завораживают голубые прожилки, высеченные в камне, как застывшие волны сияющего моря.

Я прохожу под аркой из сталактитов, острые концы которых влажные от скопившейся воды. Всюду на мокрой земле отражается лазурное свечение. Здесь даже моргнуть трудно, потому как не хочется что-нибудь упустить из виду. Я верчу головой, кружусь и стараюсь вести себя как можно тише, потому что пещера на вид древняя и обособленная – священная диковинка посреди деревни, которой не должно существовать.

– Как красиво, – шепчу я.

Слейд бесшумно подходит ко мне, хотя я даже головы к нему не поворачиваю.

– То, чего Гроту недостает при белом свете, здесь возмещается в десятикратном размере.

Согласно кивнув, я вдыхаю воздух, который отчего-то кажется и свежим, и побитым временем.

– Здесь так безмятежно.

Не знаю, сколько Слейд бродит со мной по пещере, но я с удовольствием внимаю всему. Темнота пещеры и пронизывающие ее прожилки, таинственность бесконечных трещин и резко свисающие концы сталактитов – все здесь напоминает мне его. Этой пещере присуща глубина, которая кажется бездонной и неприкасаемой, и мне попросту хочется остаться здесь, под ее затененным сиянием.

Но потом Слейд ступает под одну из самых светящихся трещин, где дно горы сияет так ярко, что озаряет его лицо и глаза.

– Нам нужно поговорить, Золотая птишка.

Сердце сжимается в груди.

– Нет.

Я хочу было отвернуться, но Слейд останавливает меня, взяв за руку.

– Нам нужно это обсудить.

Я отдергиваю ладонь.

– Я хочу вернуться в дом.

Он расстроено качает головой.

– Ты хочешь приготовить ужин, хочешь посмотреть пещеру, хочешь вернуться в дом...
Аурен, у тебя не получится бежать вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.